

ИСТОРИЧЕСКИЕ **Сенсации**

определенный срок партийный комитет вновь заслушал того

Владислав ШВЕД

го коммунисты министерства. Большое внимание уделяется работе парторганизаций в отделах и управлениях. Им

ТАЙНА КАТЫНИ

ИЛИ

ЗЛОБНЫЙ ВЫСТРЕЛ В РОССИЮ

интересно
животновод
Литва
одно из ве
тра на ве
ювия про
лены все
Но, ог
ие, время
его совер
тельности
ления — его
ние эффек
тва и каче
ств и со
приобретает
вете реше
(1978 г.)

льским хо
поставлены
пятилетки
сть зерно
ц. На каж
роизводить
и свинины,
республике
вой фермы,
фуражную
трех тысяч
ка. Чтобы
реально
ное след
изводства
шкам сфе

по праву
рство. Ве
ль — комму
равом кон
парата по
тив партии
партком и
ия провели
значитель

исполне
из дейст
не на за
хода реа
уководства
четный пе
рассматр
рошние ре
ты комму
й управ
зискатель
стиль ра
— П. Баг
аса, В. Ла
страйтиса,
буждений
е, расста
кадров, об
целях в
Заслуша
ретаршата
ны реука

суждались на двух собраниях коммунистов, но довольно поверхностно. И, что особенно удивляет, — ход выполнения директив партии по магистральному направлению сель-

венности? Теперь, на заседаниях парткома, его члены сообщают о том, что думают об этом. Деловитость и оперативность, творческий подход к делу — важнейшие качества современного

Сотруд
и его в
ских учр
много хо
по вопро
экономики
редового
в республ
ми. Одна
специали
нувшись
ты, в так
ку, зачас
этих рек
по старин
жение в
штаба от
отдачу не
жет быть
этот во
парторган
ях?

В респ
онов, кот
ву проду
ют от ср
вы. По и
партии р
на компл
оказанию
Коммуни
должны с
водникам

Выступ
ном собр
нер управ
ке кадро
рил, что
поднявши
вращают
четы, пре
ки. Надо
ся в при
считают
димо, по
тикой и
смысл о

Идет :
Подытож
ретарь
Р. Валле
вить пер
боты на
печиваю
ход к са
просам.

«Кажд
ского ап
видеть с
решения
зайствени
рил на
ЦК КП
Брежнев
нием об
главные
ганизаци
ского хо

Владислав Николаевич Швед
Тайна Катыни, или
Злобный выстрел в Россию
Серия «Исторические сенсации»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6376299

Тайна Катыни, или Злобный выстрел в Россию. /Швед В.Н.: Алгоритм; Москва; 2010

ISBN 978-5-9265-0743-7

Аннотация

Отношения России с Польшей на протяжении столетий складывались непросто. К сожалению, и сейчас мало в них положительного. Не добавляет позитива и шумиха по Катыни, разразившаяся в канун празднования 65-летия нашей Победы в Великой Отечественной войне, со странной катастрофой польского самолета под Смоленском и путаными заявлениями на высшем уровне. Складывается впечатление, что определенным силам, как в Польше, так и в России, не нужна истина в этом вопросе.

Книга публициста-политолога В.Н. Шведа должна способствовать взаимопониманию между Россией и Польшей, налаживанию дружеских отношений русского и польского народов.

На основе глубокого анализа архивных документов, свидетельств, касающихся гибели польских военнопленных на советской территории, автор убедительно доказывает, что окончательную точку в катыньском деле ставить преждевременно. Много здесь неясностей, хотя некоторые выводы объективно можно сделать и теперь.

Содержание

Предисловие	4
Тайны Катыни[1]	6
Взгляд из Варшавы и Москвы	7
Выстрелы из прошлого	10
«Дело» Геббельса	17
Эксгумация по-немецки	24
Эксгумация по-польски	37
«Посторонние» поляки в Катыни	41
«Двойники» и «живые мертвецы» Катыни	44
Кто оставил улики в Катыни?	46
Научно-историческая экспертиза	51
НКВД или нацисты?	60
Еще одна польская версия	62
О польской элите и геноциде	64
Спланированный расстрел или трудовые лагеря?	69
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Владислав Николаевич Швед

Тайна Катыни, или Злобный выстрел в Россию

*Посвящается моему сыну Николаю и его сверстникам в надежде,
что эта книга облегчит им поиски исторической истины*

Предисловие

Чем дальше человечество уходит от событий бурного XX века, тем больше на Западе появляется желающих пересмотреть итоги этого времени, и прежде всего итоги Второй мировой войны. Не отстают от них некоторые наши сограждане из научного и культурного мира. С невероятной легкостью они меняют знак плюс на минус. Обличая большевизм как идеологию непримиримости, они сами становятся апологетами неомежелшевизма. Их риторика оказывает сильное воздействие на общественность и особенно на молодежь.

К сожалению, им предоставлены широкие аудитории как на телевидении, так и в других российских СМИ. На различных ток-шоу появились специалисты «широкого» профиля, способные говорить на любую историческую тему. Порой удивляешься, как некоторые театральные режиссеры, известные своей деспотичностью и диктатом, безапелляционно заявляют, что победа в Великой Отечественной войне была одержана вопреки воле Сталина. Интересно, а в их театрах актеры тоже могут играть роли вопреки установкам режиссеров?

Некоторые российские историки и писатели утверждают, что немцы закончили войну с минимальными потерями, а русские завалили Германию трупами. Да, дорого стоила нам победа. Только трехнедельное сражение за Берлин в апреле – мае 1945 г. унесло жизни 78 тысяч советских воинов, не говоря уже о потерях в начальный период войны. Но, соотносительно с численностью населения, и Германия понесла тяжелейшие потери. В немецкой документальной кинохронике 1945 г. показан последний резерв фюрера – мальчишки гитлерюгенда, которые должны были остановить советские армии. Но для российских «опровергателей» исторических истин это не имеет значения.

Естественно, что на этом фоне «махровым цветом» буйствует изощренная историческая дезинформация, на которой специализируются сотни псевдоисториков из бывших стран социалистического лагеря. Особой активностью отличаются поляки. Надо сказать, что их инсинуации не остаются без ответа. В последнее время в России появляется все больше объективных фундаментальных исследований, посвященных проблемным историческим ситуациям.

Беда в том, что рядовой россиянин не читает исторические монографии, особенно если краткий «ответ» на интересующий его вопрос ему преподносят в телепередаче или газете. То, что этот ответ далек от исторической правды, никого не волнует. Как не волнует и то, что *«нам не дано предугадать, как наше слово отзовется»*.

В этой связи родилась идея на основе исторических документов и исследований российских историков-патриотов предложить российскому читателю в популярной форме версию некоторых исторических событий XX века, прежде всего, касающихся российско-польских отношений. К настоящему времени накоплен огромный фактический и исторический материал, касающийся самых острых проблем этих отношений: катынского преступления, гибели красноармейцев в польском плену в 1919–1921 гг. помощи восставшей Варшаве в

августе 1944 г. и т. д. Он нуждается в серьезном анализе и новом осмыслении выводов, сделанных ранее.

Достаточно сказать, что сравнительный и содержательный анализ накопленных к настоящему времени фактов, касающихся «Катынского дела», позволил сделать вывод об ущербности официальной версии. Анализ документов, содержащихся в сборнике «Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 гг.», позволил прийти к однозначному выводу об ответственности польского руководства за гибель красноармейцев.

Однако история – наука весьма субъективная. Много зависит от того, какой ракурс выбран для рассмотрения того или иного исторического события. Нередко игнорирование одного малозначительного, на первый взгляд, факта или детали может привести ко всей неверно выстроенной исторической концепции.

В этой связи лишь один пример. Удивительно, но официальные исследователи «Катынского дела», строя свою версию событий на основе документов Политбюро ЦК ВКП(б), не удосужились исследовать специфику принятия решений на Политбюро при Сталине. А это оказалось весьма важной деталью. Вот о том, почему это, и не только это, является важным для понимания катынской проблемы, рассказывается в «Тайнах Катыни».

Помимо этого в книге рассмотрены основные постулаты польских историков, с помощью которых они пытаются убедить мир в «исторической вине России» перед Польшей. Затронуты проблемы так называемой «оккупации» Прибалтики. На основе ретроспективы событий 22 июня 1941 г. проанализирована ситуация в современной Российской армии.

По сравнению с журнальными и газетными вариантами, материалы, вошедшие в книгу «Катынь и Анти-Катынь», уточнены и доработаны с учетом новых фактов и свидетельств. Однако полагать, что окончательная точка в освещении исторических событий, которые представлены в книге, поставлена, наивно.

Главная цель этой книги подвести читателя к необходимости критически воспринимать информацию об исторических событиях недавнего прошлого. В этой информации всегда найдутся детали, которые при внимательном рассмотрении, как лакмусовая бумажка, просигнализируют о подлоге и лжи. Дезинформация, как правило, паразитирует на некритическом подходе к оценке исторических событий. Будем мудрыми и пытливыми.

Тайны Катыни¹

*Всегда и во всем впереди шествует Ложь, увлекая глупцов
пошлой своей крикливостью. Последнюю и поздно приходит Правда,
плетясь вслед за хромым временем.*

Б. Грасиан

«Катынью» вот уже более 60 лет называют события, связанные с трагической судьбой граждан довоенной Польши, пропавших на территории Советского Союза в 1939–1941 гг. Самую многочисленную категорию среди них составляли бывшие польские офицеры.

Согласно рассекреченным в 1992 г. документам ЦК ВКП(б) и НКВД-КГБ СССР считается, что 21 857 пленных польских офицеров, полицейских, государственных чиновников и представителей интеллигенции, находившихся в советских лагерях и тюрьмах в 1940 г., были расстреляны сотрудниками НКВД в Катынском лесу под Смоленском, в Калинин (Твери) и Харькове. С тех пор «Катынь» не только географическое название – это политический водораздел в польско-российских отношениях.

Сегодня господствует версия о безусловной вине советского руководства за гибель польских военнопленных. Однако немало фактов убедительно свидетельствует о том, что часть польских офицеров расстреляли немцы. Тем не менее настоящее исследование не ставит целью «перевод стрелок» ответственности за Катынь на нацистов. Главное – установление истины.

Делать какие-либо окончательные выводы о подлинных обстоятельствах катынской трагедии без дополнительного исследования всей совокупности фактов – и давно известных, и выявленных за последнее время, весьма опрометчиво. Однако это не мешает сформулировать ряд вопросов, на которые официальное расследование не дало ответа, и обозначить альтернативные версии. Этому и будет посвящено наше исследование. Но прежде рассмотрим польско-российские отношения через призму катынского преступления.

---

¹ Это исследование написано в соавторстве с С.Э. Стрыгиным, координатором международного проекта «Правда о Катыни».

Взгляд из Варшавы и Москвы

Польский писатель Петр Кунцевич в своем открытом письме президенту В. Путину в варшавской газете «Трибуна» в марте 2006 г. написал: *«Я не был вашим другом – напротив, был заклятым врагом. Но в то же время я немного знал русскую культуру, ваши легенды, историю, литературу, музыку, науку – и отдавал себе отчет, как велика эта культура и что не подобает ее игнорировать.»*

А игнорировали мы ее потому, что считали такой подход своего рода защитой от вас, ведь когда-то мы были конкурентами, несколько веков назад мы тоже хотели создать свою собственную, польско-литовско-украинскую империю. Вы нас одолели – победили и поглотили, – однако об имперских амбициях никогда не забывается, здесь доходит даже до смешного. Невозможно оспаривать вашу победу, как нельзя избежать и ненависти побежденных. Но мир с огромной скоростью меняется – а потому и мы, и вы должны этому научиться.»

Мне бы хотелось, чтобы Вы, господин президент, вникли в наше отношение к катынской проблеме, которая застряла между нашими народами, как кость в горле, и которую никогда, вообще никогда не удастся устранить, как не удастся зачеркнуть разорения поляками Кремля или пожара Москвы... Катынь – это уже не локальная проблема, пусть даже самая важная, это опорочивание славянской семьи перед всем миром» (Трибуна. 03.03.2006).

П.Кунцевич в своем письме достаточно откровенно сказал о главной причине польско-российского противостояния: *«Вы нас одолели – победили и поглотили.»* Поэтому Польша рассматривает «Катынское дело», как козырного туза, который позволит получить сатисфакцию за двести лет патронажа России. Не случайно французский писатель и радиокорментатор Анри-Жан Дютей заметил, что *«полякам в радость открыто обвинять русских»* (Деко. Великие загадки XX века. С. 286). В этом плане «Катынское дело» предоставило польской стороне большие возможности.

Еще более откровенно выразился ведущий теоретик перманентного «катынского конфликта», профессор истории Ягеллонского университета (Краков) Анджей Новак, который считает, что *«если историческое направление польской политики не решит проблему Катыни, не добьется признания ее символом одного из двух самых крупных преступлений XX века – преступлением коммунизма, мы не только предадим память об убитых на Востоке, но упустим шанс на получение достойного и стабильного места Польши в Европе»* (Строгин. «Российские вести». 16–23.03.2005).

То есть для польских политиков «Катынь» – не столько желание восстановить историческую правду и справедливость, как это громогласно заявляется, сколько политический инструмент для получения достойного и стабильного места в Европе! Стремление Польши извлекать максимальную выгоду из всего, даже самого святого, подтвердил в ноябре 2006 г. польский президент Л.Качиньский. Говоря о блокировании Польшей переговоров России с Евросоюзом, Качиньский подчеркнул, что для Варшавы очень важны хорошие отношения с Москвой, однако *«эти отношения должны быть такими, чтобы они Польше что-то приносили.»*

Немецкий журналист Андре Баллин полагает, что после избрания польским президентом Леха Качиньского *«историческая неприязнь»* между Польшей и Россией *«усугубилась личностным фактором»* (Баллин. Ледниковый период в центре Европы). Известно, что Л.Качиньский был избран, во многом благодаря своим антисоветским и антироссийским высказываниям.

Сегодня Л. Качиньский более прагматичен, но тема Катыни для него священна. Польский президент в «Специальной линии» телеканала TVP2 21 марта 2006 г. исторические проблемы в отношениях с Россией назвал «сферами особой чувствительности». Он также заявил: *«Не думаю, что мы в Польше перестанем изучать или выяснять эти болезненные темы... Совершенно другим вопросом является то, станут ли они (эти болезненные темы) полностью определять в данный момент наше отношение к переговорам с Россией... Но означает ли это то, что мы скажем, что Катыни не было, – нет, не скажем ни в коем случае. Речь идет о том, будет ли это основной проблемой в польско-российских отношениях. Здесь мы проявляем добрую волю».*

История показала, что «добрая воля» польскими властями понимается как, прежде всего, безоговорочная поддержка их позиции, которая звучит следующим образом: *«Советские власти весной 1940 г. без суда и следствия расстреляли 21 857 невинных польских военнопленных, руководящую польскую элиту, совершив тем самым акт геноцида».*

Эту позицию Л. Качиньский вновь подтвердил, выступая 6 июня 2006 г. по польскому телевидению. Говоря о необходимости улучшения связей Польши с Россией и возможной встрече с В. Путиным, Л. Качиньский многозначительно заметил: *«Быть может, нам удастся улучшить связи с Россией, быть может, нет».* Чтобы еще нагляднее обозначить свою политическую позицию, Л. Качиньский вслед за этим особо подчеркнул, что взаимоотношения России с Польшей отягощает Катынское дело: *«Оно представляет для них (русских) определенное психологическое неудобство».*

Надо заметить, что для поляков проблема покаяния России за Катынь вторична. Катынская трагедия стала краеугольным камнем сложившейся в Польше общенациональной пропагандистско-идеологической системы. Ежегодно проводятся десятки мероприятий, посвященные Катыни. Во многих польских городах имеется улица «Героев Катыни», гимназия «имени Жертв Катыни», местный «Катынский крест» и т. д. Польские политики осознают, что даже частичная деформация этой системы чревата для польского общества серьезными потрясениями. Тем более что далеко не все простые поляки довольны политикой конфронтации с Россией.

Бывший председатель Института национальной памяти (IPN) в Варшаве Леон Керес в своем интервью журналу «Новая Польша» заявил, что история Катыни должна объединить поляков: *«Нравится это кому-то или нет, но Катынь – это наша мартирология и память об убиенных, и в то же время наше общее дело. Общее вне зависимости от политических взглядов и убеждений. Поэтому я не боюсь сказать, что тот, кто против польского следствия по катынскому преступлению, сам себя ставит по другую сторону»* (Новая Польша. № 3, 2005).

Во второй половине 2006 г., казалось бы, наметились некоторые положительные сдвиги в польско-российских отношениях. В ходе рабочего визита в Польшу министра иностранных дел России С. Лаврова в начале октября 2006 г. были достигнуты договоренности о встрече в 2007 г. президентов Л. Качиньского и В. Путина. Планируется возобновить работу «Группы (комиссии) по сложным вопросам» в польско-российских отношениях, которая в основном будет заниматься проблемой катынского преступления.

Однако 13 ноября 2006 г. Польша вновь продемонстрировала верность прежним установкам и заблокировала переговоры России с Евросоюзом. Как сообщило «РИА Новости», глава польского государства Л. Качиньский на пресс-конференции по этому поводу заявил, что Варшава не может пойти на то, чтобы соглашение Евросоюза с Россией обходили Польшу стороной, а *«с Москвой надо говорить твердо, решительно и резко».*

Позиция польской стороны ставит крест на упованиях многих российских политологов, полагающих, что рано или поздно все болезненные исторические проблемы в отношениях между нашими странами сами собой «рассосутся», уступив место прагматизму и

экономической целесообразности. Но в отношении Польши это напрасные ожидания. В польском обществе история противостояния с Россией является одним из главных действующих лиц. Не случайно именно в Польше родилась так называемая «историческая политика». За последние годы она стала носить все более ритуально-пропагандистский характер.

Вероятно, в духе этой политики, несколько лет назад, якобы для обновления, была закрыта российская экспозиция в музее Аушвиц – Биркенау в Освенциме, просуществовавшая 46 лет. Весной 2007 г. выяснилось, что дирекция музея готова открыть ее только в том случае, если российская сторона признает оккупацию польских территорий СССР в 1939 г. и узники Освенцима – выходцы из западных областей Белоруссии и Украины – будут представлены не как граждане СССР, а как граждане Польши. Это еще раз подтвердило, что переписывание истории – любимое занятие многих польских политиков и историков.

Поэтому, вероятно, безрезультатно закончатся попытки российских политиков и дипломатов перевести катынскую проблему из идеологически-ритуальной плоскости на уровень реальной политики. В вопросах оценки Катынского преступления Польша вряд ли пойдет на какие-либо уступки. Тем более, что российские юристы не располагают для этого реальными и обоснованными аргументами, а ведущие российские историки в области катынской проблемы, как правило, отстаивают польскую точку зрения.

Сложно говорить об аргументированной позиции России, когда из запланированного в 1992 г. совместного 4-томного сборника документов «Катынь. Документы» в Польше изданы все четыре, а в России лишь два тома. Достаточно ознакомиться с материалами по Катыни, подготовленными некоторыми российскими историками и юристами, чтобы найти немало «полонизмов», т. е. лексических оборотов, не свойственных русской речи. Это свидетельство того, что российская историческая наука и юриспруденция в катынской теме попросту переписывают польские источники.

Главная военная прокуратура РФ не располагает данными об эксгумациях, проведенных польскими историками и археологами на территории СССР, а впоследствии России и Украины, в 1991 и 1994–1996 гг., так как они изданы на польском языке. Но ни российские прокуроры, ни российские историки пальцем не пошевелили для перевода опубликованных отчетов на русский язык с целью ввода их в нормальный научный и юридический оборот. При этом поляки любую информацию из России, имеющую отношение к Катыни, моментально переводят и тиражируют.

Польская сторона не только внимательно относится к информации из России, но и умело формирует в российском обществе выгодное для себя мнение. 14 апреля 2005 г. Указом Президента Республики Польша А. Квасьневского 32 жителя СНГ «за выдающийся вклад в раскрытие и документирование правды о политических репрессиях в отношении польского народа» были награждены польскими государственными наградами. Среди них российские историки и исследователи Катынского дела Н. Лебедева, В. Парсаданова, А. Яблоков, Г. Жаворонков и др., чьи труды способствовали обоснованию польской версии «катынского преступления».

Для лучшего понимания сформировавшейся в польско – российских отношениях «стабильной, постоянной враждебности» (Г. Павловский. Интервью еженедельнику «Wprost»), необходимо обратиться к истории катынского преступления.

Выстрелы из прошлого

В сентябре 1992 г. в архиве Президента РФ (бывшем архиве ЦК КПСС) были найдены сверхсекретные документы, из которых следовало, что на основании решения Политбюро ЦК ВКП(б) в 1940 году сотрудники НКВД СССР расстреляли 14 552 пленных польских офицера, полицейских, разведчиков и др. из Козельского, Осташковского и Старобельского лагерей для военнопленных, а также 7305 польских заключенных, содержащихся в тюрьмах западных областей Белорусской ССР и Украинской ССР.

14 октября 1992 г. копии этих документов с большим ажиотажем были предъявлены польской и российской общественности. После этого многие решили, что под запутанной и противоречивой историей Катынского дела проведена окончательная черта и что историческая правда, хотя и с полувековым запозданием, наконец-то восторжествовала.

Надо заметить, что ряд фактов свидетельствует о том, что часть польских военнопленных была действительно расстреляна органами НКВД СССР. Но не меньше давно известных и вновь открытых фактов убедительно свидетельствуют о том, что в урочище Козьи Горы, рядом с местечком Катынь (под Смоленском), поляков осенью 1941 г. расстреливали и немцы.

Вернемся в далекий 1943 г, когда 13 апреля «Радио Берлина» сообщило о найденных в Катынском лесу захоронениях 10 тысяч польских офицеров, которые, как утверждали нацисты, были уничтожены большевиками. Дело о расстреле польских офицеров на территории СССР получило название «Катынского». По указанию Гитлера «Катынским делом» занимался лично министр имперской пропаганды Геббельс. Польское правительство в эмиграции поддержало немецкую версию, и 16 апреля 1943 г. с соответствующим коммюнике выступил министр обороны Польши генерал М.Кукель.

В ответ 15 апреля 1943 г. Совинформбюро обвинило в катынском преступлении нацистов, объявив, что польские военнопленные «находились в 1941 г. в районах западнее Смоленска на строительных работах и попали со многими советскими людьми, жителями Смоленской области, в руки немецко-фашистских палачей летом 1941 года» (Катынь. Расстрел. С. 448).

В январе 1944 г. в Козьи Горы на место захоронения расстрелянных польских офицеров выехала специальная комиссия под руководством академика Н.Н.Бурденко, которая подтвердила заявление Совинформбюро от 15 апреля 1943 г. Комиссия установила, что *«до захвата немецкими оккупантами Смоленска в западных районах области на строительстве и ремонте шоссейных дорог работали польские военнопленные офицеры и солдаты. Размещались эти военнопленные в трех лагерях особого назначения, именованных: лагерь Же 1-ОН, № 2-ОН, № 3-ОН, на расстоянии от 25 до 40 км на запад от Смоленска»*. Осенью 1941 г. военнопленные поляки были расстреляны в Катынском лесу *«немецко-фашистскими захватчиками»* (Катынь. Расстрел. С. 515).

Однако попытка в 1946 г. закрепить выводы комиссии Бурденко решением Международного военного трибунала (МВТ) в Нюрнберге и окончательно закрыть тем самым катынскую тему не имела успеха. В неблагоприятном для СССР итоге рассмотрения «катынского эпизода» большую роль сыграли два обстоятельства.

Во-первых, время рассмотрения вопроса о Катыни в трибунале роковым образом совпало с началом «холодной» войны, идеологию которой в своей знаменитой речи в Фултоне сформулировал 5 марта 1946 г. бывший премьер-министр Великобритании У.Черчилль. В ситуации нарастающей враждебности в отношениях между Западом и СССР советский обвинитель полковник Ю.Покровский, отвыкший от реальной состязательности в судебных

процессах и не ожидавший серьезных политических подвохов от недавних союзников по антигитлеровской коалиции, по выражению западных журналистов, выглядел «жалко».

Вторым важным обстоятельством явилось то, что незадолго до рассмотрения «катынского эпизода» польское эмигрантское правительство распространило среди участников Нюрнбергского процесса и журналистов «Отчет о кровавом убийстве польских офицеров в Катынском лесу» (более 450 стр.), подготовленный польским юристом В. Сукенницким и активным участником поиска поляков в СССР М. Хейтцманом. В этом документе вина за катынское преступление возлагалась на СССР (Катынский синдром. С. 193).

Вопрос о Катыни в Нюрнберге рассматривался 1–3 июля 1946 года. Советские свидетели повторили уже давно известные из Сообщения комиссии Бурденко факты. Немецким же свидетелям при явном попустительстве председателя трибунала удалось формально опровергнуть или поставить под сомнение целый ряд небрежных утверждений советских прокуроров (к примеру, немецкий 537-й полк связи ошибочно именовался в советских документах «537-м строительным батальоном», оберст-лейтенант (подполковник) Аренс – «обер-лейтенантом Арнесом» и т. д.

Сыграл свою роль и серьезный правовой просчет комиссии Бурденко, которая обвинила немецких военнослужащих 537-го полка связи во главе с оберст-лейтенантом Аренсом непосредственно в расстреле польских пленных. Тогда как, с формально-юридической точки зрения, их следовало обвинять лишь в пособничестве такому расстрелу.

Эти мелкие, на первый взгляд, ошибки и неточности дали основания членам трибунала от трех западных держав выступить единым фронтом и, вопреки протестам члена МВТ от СССР генерал-майора юстиции И.Т.Никитченко, исключить «катынский эпизод» из окончательного текста приговора.

Однако такое исключение ни в коей мере не означало, как это демагогически пытаются утверждать сторонники польской версии, автоматического оправдания Германии или косвенного обвинения СССР в катынском преступлении. До настоящего времени юридически в массовом расстреле в Катынском лесу 11.000 польских военнопленных осенью 1941 г., согласно статьи 21 Устава Нюрнбергского Международного военного трибунала, обвиняется руководство нацистской Германии.

Впоследствии поляки-эмигранты издали на Западе ряд книг, в которых утверждалось, что преступление в Катыни совершили сотрудники НКВД. Эту позицию в 1952 г. отстаивала известная комиссия Палаты представителей американского конгресса («комиссия Мэддена»). В 1970 г. позицию американских конгрессменов поддержала английская палата лордов (Подробнее см.: Катынь. Расстрел. С. 441–442).

В начале 1980-х катынская тема и события 1939 г. заняли важное место в идеологической борьбе «Солидарности» против коммунистической власти Польши. Через несколько лет Катынь стала общепольской национальной проблемой, на гребне которой «Солидарность» рвалась к власти.

Продолжение замалчивания катынской темы и связанных с ней событий 1939 г. официальными властями Польши и СССР становилось нетерпимым.

Необходимо заметить, что советская официальная точка зрения на ситуацию 1939 г. была закреплена в так называемой исторической справке «Фальсификаторы истории» (1948 г.) Принудительное единомыслие, господствующее в странах соцлагеря до конца 1980-х годов, предлагало только одну точку зрения, которая не давала ответ на ряд важных для граждан Польши и Прибалтики вопросов. Поэтому весьма популярной точкой зрения для многих стала другая, формируемая в разговоре за столом на кухне.

К сожалению, уход от всесторонней оценки острых конфликтных ситуаций продолжает доминировать и в официальной историографии современной России. Несмотря на то, что за последние годы выяснилась масса новых исторических подробностей и существенно

изменились аргументы оппонентов, российские власти по ряду спорных исторических проблем («сентябрьская кампания» РККА 1939 г., «советская оккупация» Прибалтики и др.) продолжают использовать устаревшую аргументацию, забывая, что способствуют формированию новых «качиньских» в сопредельных государствах.

Более того, оценка многих спорных исторических ситуаций, в основном, отдана на откуп историкам «необольшевистского» толка, для которых главное полностью разрушить все представления о прежнем мире, а потом... Российское руководство, занятое решением повседневных проблем, пока не сочло нужным уделить должное внимания спорным историческим проблемам.

Аналогичная ситуация сложилась и к 1987 г., когда, по предложению главы польского государства генерала В.Ярузельского, была создана двусторонняя комиссия историков СССР и Польши по вопросам истории отношений между двумя странами и, прежде всего, по катынскому вопросу. Однако по вине советской стороны, комиссия работала крайне медленно и неэффективно. Это позволило польской стороне взять инициативу в свои руки.

В результате в 1988 г. члены двусторонней комиссии, польские историки Я.Мачишевский, Ч.Мадайчик, Р.Назаревич и М.Войцеховский, провели так называемую «научно-историческую экспертизу» сообщения специальной комиссии Н.Н.Бурденко, в которой они признали выводы комиссии «несостоятельными» (Катынь. Расстрел. С. 443). Никакой внятной реакции советских историков и официальных властей на польскую экспертизу не последовало. Это означало первую победу польской позиции в Катынском деле. Говорить после этого о выводах комиссии Н.Бурденко считалось «плохим тоном».

Несколько ранее, в декабре 1987 г., в ЦК КПСС была направлена записка «четырех» (Шеварднадзе, Яковлева, Медведева, Соколова) по катынскому вопросу в связи с намечаемой поездкой летом 1988 г. Горбачева в Польшу. Предлагалось обсудить записку на Политбюро ЦК КПСС 17 декабря 1987 г. и «внести ясность в «Катынское дело». Однако по неизвестным причинам вопрос был снят. Об этой записке упоминает бывший консультант Международного отдела ЦК КПСС В. Александров в своем письме от 19 октября 1992 г. в Конституционный суд по «делу КПСС» (Катынский синдром, с. 262).

Руководство ЦК КПСС по поводу Катынского дела, вплоть до 1990 г., ограничивалось лишь пропагандистскими заявлениями. Наиболее серьезным документом того времени стало постановление Политбюро ЦК КПСС от 5 апреля 1976 г. «О мерах противодействия западной пропаганде по так называемому «Катынскому делу», в котором предлагалось дать «решительный отпор провокационным попыткам использовать так называемое «Катынское дело» для нанесения ущерба советско-польской дружбе» (Катынь. Расстрел. С.571–572).

6 марта 1989 г. заведующий Международным отделом ЦК КПСС В. Фалин в своей записке Центральному Комитету отмечает, что «Катынское дело будоражит польскую общественность». Известна также записка Э.Шеварднадзе, В.Фалина и В. Крючков а в ЦК КПСС от 22 марта 1989 г. «К вопросу о Катыни», в которой отмечается, что: «По мере приближения критических дат 1939 г. все большую остроту принимают в Польше дискуссии вокруг так называемых «белых пятен» отношений с СССР (и Россией). В последние недели центр внимания приковывается к Катыни.

В серии публикаций... открыто утверждается, что в гибели польских офицеров повинен Советский Союз, а сам расстрел имел место весной 1940 г... эта точка зрения де-факто легализована как официальная позиция властей». В заключение предлагалось «сказать, как реально было и кто конкретно виновен в случившемся и закрыть вопрос» (Катынь. Расстрел. С. 576–577. Фалин. Конфликты в Кремле. С. 344).

В советское время катынская тема была закрытой даже для членов Политбюро и секретарей ЦК КПСС. Пытаясь сломать завесу секретности в катынском деле, В.Фалину удалось

добиться разрешения работать в фондах закрытого Особого архива и Главного управления по делам военнопленных и интернированных историкам Ю.Зоре и Н.Лебедевой. В.Парсиданова, как член двусторонней советско-польской комиссии, в Особом архиве уже работала. Это дало свои результаты.

В исследовании «Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях» отмечается, что *«весомым доказательством роли НКВД в уничтожении поляков в 1940 г.»* явилось совпадение очередности фамилий при *«выборочном сравнении списков-предписаний на отправку пленных из Козельского лагеря в УНКВД по Смоленской области и эксгумационных списков из Катыни в немецкой «Белой книге»*, которое обнаружил военный историк Ю.Зоря (Катынский синдром. С. 291).

Действительно, совпадения в последовательности нескольких фамилий военнопленных из этапных списков 1940 г. немецкому эксгумационному списку 1943 г., выявленные Ю.Зорей, производили сильное впечатление. Однако выводы, сделанные Ю.Зорей, не могли быть обоснованными в принципе, так как порядок расположения фамилий эксгумированных трупов в официальном немецком эксгумационном списке изначально не соответствовал порядку извлечения этих трупов из могил в Козьих горах.

Совершенно не рассматривалась Ю.Зорей версия о том, что для успеха фальсификации Катынского дела немецкие эксперты просто обязаны были «подгонять» результаты своей эксгумации под этапные списки на отправку польских военнопленных из Козельска. Вполне вероятно, что подобные списки могли быть обнаружены немцами в архивах захваченных лагерей с поляками под Смоленском или легко восстановлены путем элементарного опроса находившихся в лагерях польских военнопленных.

Более того, источником этих списков могла быть сама польская сторона. Известно, что в 1941-42 гг. этапные списки на отправку военнопленных из Козельского лагеря были восстановлены ротмистром Юзефом Чапским на основании рассказов польских военнопленных, попавших в 1940 г. из Козельска в Грязовецкий лагерь НКВД СССР, а оттуда осенью 1941 г. – в армию Андерса.

Делая свои выводы, Зоря также не учел того элементарного обстоятельства, что совпадения в списках должны были неизбежно возникнуть и в случае расстрела польских военнопленных немецкими властями! Ведь расселение по жилым баракам и формирование рабочих бригад весной 1940 г. шло по мере реального поступления военнопленных в лагерь «особого назначения» к западу от Смоленска, что обуславливало сохранение тех компактных групп, в составе которых они ехали по этапу. Захватив лагерь, немцы, большие любители порядка, вероятно, предпочли не менять четко налаженную систему. Поэтому, кто бы ни расстрелял пленных поляков – сотрудники НКВД весной 1940 г., или нацисты осенью 1941 г., на расстрел польских военнопленных должны были вести практически теми же группами, в составе которых они ехали по этапу, спали в бараках и ходили на работу.

При таких обстоятельствах любое случайное или закономерное совпадение последовательностей из нескольких фамилий в списках с одинаковой очевидностью косвенно свидетельствовало как о возможной вине в расстреле поляков НКВД СССР, так и о возможной вине немцев (документы Политбюро из «закрытого пакета» в то время не были известны). Однако в 1990 г. не вполне корректные выводы Ю.Н.Зори стали одним из основных аргументов при установлении виновности сотрудников НКВД в расстреле польских военнопленных.

Другим косвенным доказательством вины советских органов госбезопасности в бессудном расстреле тысяч польских граждан считаются документы конвойных войск об этапировании поляков из лагерей для военнопленных в областные управления НКВД. Историк Н.С.Лебедева выдвинула гипотезу, что термин «исполнено» в шифровках областных управлений НКВД о прибытии этапов пленных поляков означал «расстреляны». По ее мнению, начальник Калининского УНКВД Токарев, посылая шифровки зам. Берии Меркулову «14/04.

Восьмому наряду исполнено 300. Токарев» и «20/IV исполнено 345», информировал о расстреле 300 и 345 польских военнопленных (Катынь. Пленники. С.561, 564).

Данная гипотеза опровергается тем фактом, что начальник Осташковского лагеря Борисовец после каждой отправки в распоряжение Калининского УНКВД очередного этапа с живыми поляками направлял шифровки Токареву *«10 мая исполнено 208. Борисовец», «11 мая исполнено 198. Борисовец»*. Это означало, что из Осташковского лагеря в адрес Калининского УНКВД отправлено 208 и 198 военнопленных поляков (Катынь. Расстрел... С. 142). Так что термин «исполнено» означал как подтверждение прибытия этих этапов, так и отправку этапов военнопленных или заключенных. Возможно, он имел еще какое-то значение, но подтверждения этому нет.

Кстати, на документах НКВД, касающихся судьбы одного из основных «свидетелей» расстрела поляков в Катыни Станислава Свяневича, оставшегося в живых по указанию Наркома внутренних дел Берии, также есть отметка «Исполнено» (Катынь. Расстрел. С 131,132),

Однако на основании изложенных выше косвенных и не вполне корректных гипотез заведующий Международным отделом ЦК КПСС В.М.Фалин в своей записке от 23 февраля 1990 г. «Дополнительные сведения о трагедии в Катыни» сообщил М.С.Горбачеву, что советские историки (Зоря Ю.Н., Парсаданова В.С., Лебедева Н.С.) обнаружили в фондах Особого архива и Центрального государственного архива Главного управления при Совете Министров СССР, а также Центрального Государственного архива Октябрьской революции неизвестные документы и материалы о польских военнопленных, позволяющие *«даже в отсутствии приказов об их расстреле и захоронении... сделать вывод о том, что гибель польских офицеров в районе Катыни – дело рук НКВД и персонально Берии и Меркулова»* (Фалин. Конфликты. С. 346. Катынь. Расстрел. С. 579–580).

Эта записка во многом предопределила решение М. Горбачев а о том, чтобы, без тщательного и всестороннего расследования обстоятельств Катынского дела, признать *«вину органов советской госбезопасности за массовое убийство»* польских военнопленных. Большое влияние на решение Горбачева оказало то, что весной 1990 г. в ходе подготовки официального визита в Советский Союз тогдашний руководитель Польши генерал В.Ярузельский поставил категорическое условие, что он приедет в Москву, если будут названы виновники катынского преступления («Пшеглонд» («Обозрение») № 16 за 18.04.07).

Это условие было выполнено. 13 апреля 1990 г., в день встречи М. Горбачев а и В.Ярузельского, в газете «Известия» появилось официальное «Заявление ТАСС о катынской трагедии» с признанием вины *«...Берии, Меркулова и их подручных»* за гибель примерно 15 тысяч польских офицеров (Катынь. Расстрел. С. 580–581). В.Ярузельскому был также передан *«корпус катынских документов из Особого архива»* (Катынский синдром. С. 295)

Жертва Горбачева, как, впрочем, все, что он делал, оказалась напрасной. Отношения с Польшей не улучшились, наоборот, польское руководство получило прекрасную возможность усилить давление на СССР. Польша, имеющая перед СССР и Россией не меньшие грехи, чем они перед Польшей, всегда занимала в исторических спорах активную наступательную позицию, которая обеспечивала ей преимущество в польско-советских, а впоследствии – польско-российских отношениях.

Наиболее объективно поведение польской стороны было изложено в записке (№ 06/2-223 от 29 мая 1990 г.) членов Политбюро ЦК КПСС А.Яковлева и Э.Шеварднадзе: *«О наших шагах в связи с польскими требованиями к Советскому Союзу»*.

В записке говорилось: *«Польская сторона, освоившая за эти годы методику давления на нас по неудобным вопросам, выдвигает сейчас группу новых требований, нередко вздорных и в совокупности неприемлемых. Министр иностранных дел К. Скубишевский в октябре 1989 г. поставил вопрос о возмещении Советским Союзом материального ущерба гражданам польского происхождения, пострадавшим от сталинских репрессий и прожи-*

вающим в настоящее время на территории Польши (по польским оценкам – 200–250 тыс. человек)... Цель этих требований раскрыта в польской прессе – списать таким способом задолженность Польши Советскому Союзу (5,3 млрд. руб.)».

Далее в записке А.Яковлев и Э.Шеварднадзе предлагали выдвижение встречных исков к Польше. Политбюро ЦК КПСС 4 июня 1990 г. согласилось с этими предложениями, но иски так и не были предъявлены, а польский долг СССР бесследно исчез.

24 сентября 1992 г. произошло событие, в корне изменившее ситуацию в Катынском деле. В этот день в архиве Президента РФ был «случайно» (?) обнаружен и вскрыт «закрытый пакет № 1» по Катыни. Документы, хранившиеся в пакете: решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г., письмо Берии Сталину № 794/Б от «...» марта 1940 г., письмо Шелепина Хрущеву Н-632-ш от 3 марта 1959 г. и др., подтверждали ответственность советского руководства за гибель польских военнопленных. С этого момента «Катынское дело» приобрело совершенно иное звучание. Вина СССР в гибели 21.857 польских военнопленных стала считаться абсолютно доказанной.

Двумя годами ранее, нежели был обнаружен «закрытый пакет № 1», 22 марта и 6 июня 1990 г. прокуратурами Харьковской и Калининской областей были возбуждены уголовные дела, которые Главная военная прокуратура (ГВП) 28 сентября 1990 г. объединила в единое дело № 159 «О расстреле польских военнопленных из Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей НКВД СССР в апреле – мае 1940 года».

В 1992 г. при Главной военной прокуратуре России по уголовному делу № 159 начала работать комиссия экспертов, заключение которой, подписанное 2 августа 1993 г., представляло последовательно изложенную польскую версию катынского преступления.

Эксперты пришли к выводу о безусловной вине предвоенного советского руководства за расстрел польских военнопленных весной 1940 г. Сам расстрел был квалифицирован «*как геноцид*» и «*тягчайшее преступление против мира, человечества*» (Катынский синдром. С. 491–492).

Руководство ГВП, а затем и Генеральной прокуратуры РФ с указанной выше квалификацией катынского преступления не согласилось. Постановление о прекращении уголовного дела № 159 от 13 июля 1994 г. было отменено и дальнейшее расследование было поручено другому прокурору (Катынский синдром. С. 491).

21 сентября 2004 г., после 9 лет повторного расследования, уголовное дела № 159 было вновь прекращено. Большинство материалов по делу засекречены, вина довоенного советского руководства за расстрел польских военнопленных была подтверждена, однако было отвергнуто утверждение польской стороны «*о геноциде польского народа*». Главная военная прокуратура также не нашла оснований для признания репрессированными граждан Польши. Уголовное дело в отношении бывших советских руководителей, виновных в смерти польских военнопленных, было прекращено в связи с их смертью.

Польская сторона не согласилась с «*российской интерпретацией катынского преступления*», прежде всего, в плане отрицания версии о «*геноциде польского народа*» и нежелания российской стороны признать расстрелянных поляков «*жертвами политических репрессий*». 22 мая 2007 г.

Московский городской суд отказался рассматривать просьбу российских правозащитников о реабилитации жертв катынской трагедии.

Польша сложившуюся ситуацию пытается использовать как повод для перевода катынской проблемы под юрисдикцию международного права. В итоге возможно повторение «правовой ситуации по Косово», в которой сербы были необоснованно обвинены в геноциде албанцев, не говоря уже об удовлетворении исков к России польских родственников жертв катынского преступления.

В марте 2005 г. польский Сейм принял резолюцию, в которой назвал катынское преступление «бесчеловечным убийством военнопленных» и реализацией совместного плана III рейха и Сталина по уничтожению польской элиты, а также самых достойных и патриотичных польских граждан». Резолюция была направлена российскому правительству с требованием признать *«геноцидом расстрел польских офицеров сотрудниками НКВД у деревни Катынь в Смоленской области в 1940 году»*. Как отмечали польские политологи, подобное требование впервые появилось в официальном польском документе (Лента. Ру. 23 марта. 2005).

Завершая краткую историю «Катынского дела», необходимо заметить, что на его развитие особое влияние оказали пять событий. Это: нацистская пропагандистская кампания 1943 года по поводу массовых захоронений польских военнопленных в Козьих Горах, немецкая эксгумация этих захоронений в том же 1943 г., *«научно-историческая экспертиза»* сообщения специальной комиссии Н.Бурденко 1944 г., осуществленная в 1988 г. польскими историками Я.Мачишевским, Ч.Мадайчиком, Р.Назаревичем и М.Войцеховским, «случайное» обнаружение в декабре 1991 г. и в сентябре 1992 г. документов Политбюро и НКВД из «особого пакета № 1» и 14-летнее расследование Главной военной прокуратурой РФ уголовного дела № 159 «О расстреле польских военнопленных из Козельского, Осташковского и Старобельского лагерей НКВД в апреле – мае 1940 г.». Рассмотрим их подробнее.

«Дело» Геббельса

Особый интерес представляют обстоятельства развертывания нацистами пропагандистской кампании по поводу захоронений польских офицеров в Козьих Горах в Катынском лесу. В известных публикациях им уделено крайне мало внимания. А они вызывают не только вопросы. Они позволяют уяснить целый ряд аспектов «Катынского дела».

Достаточно подробно эта тема рассмотрена российским публицистом и писателем Владимиром Бушиным в статье «Преклоним колена, пани...», опубликованной в минской газете «Мы и время» (№ 27–28. Июль 1993 г.). В.Бушин особо акцентирует высказывания главного нацистского пропагандиста «катынского дела» Й.Геббельса. Они позволяют понять технологию рождения «катынского дела».

18 апреля 1943 г. министр имперской пропаганды III рейха Й. Геббельс утверждал, что Катынское дело *«идет почти по программе»* (ВИЖ, № 12, 1990). Не означает ли это, что в деле с самого начала все было запрограммировано? На эту мысль наводят, в частности, и сами обстоятельства выявления катынских захоронений.

В немецкой версии утверждается, что весной или летом 1942 г. местный житель Парфен Киселев показал катынские могилы полякам из организации Тодта, привезенным на строительные работы в Смоленск. Те, выяснив, что в могилах захоронены расстрелянные польские офицеры, поставили березовые кресты и доложили немецкому командованию. Но немцы, якобы, тогда не проявили к этой находке никакого интереса (Катынский синдром. С. 151, 470. Катынь. Расстрел. С. 422).

Бывший член Международной комиссии экспертов пражский профессор судебной медицины Франтишек Гаек в своей книге «Катынские доказательства» резонно задает вопрос: *«Странно, что немецкая администрация, хотя и приложила к делу столько усилий, не отыскала тех 10 польских рабочих, которые летом 1942 г. нашли первые могилы, и не спросила их, от кого они о могилах узнали и почему в таком случае не сообщили о находке немецким органам?»*

Тот же П.Киселев на допросе в немецкой секретной полевой полиции 28 февраля 1943 г. утверждал, что весной 1942 г. он пошел в катынский лес, где обнаружил несколько холмов, под которыми, по его мнению, были захоронены польские офицеры (Amtliches Material zum Massenmord von Katyn. С. 26).

В отчете секретаря немецкой полевой полиции Людвиг Фосса (Voss), врученного судье доктору Конраду, говорилось, что *«первое известие о массовых могилах в Катыни мы получили в феврале 1943 г. В катынском лесу были обнаружены холмики, которые при внимательном обследовании оказались делом рук человеческих»* (Мацкевич. Катынь. Глава 13)..

Однако Юзеф Мацкевич, польский журналист из Вильнюса, в своей книге «Катынь» утверждал, что в 1943 г. в Козьих горах (Косогорах) холмов на месте захоронений не было: *«Показания свидетелей о том, что Косогоры давно служили местом расстрелов, было легко проверить. Поэтому немцы распорядились раскопать указанные места. Было обнаружено 11 могил, вернее, рвов, поверхность которых давно слилась с поверхностью леса»* (Мацкевич. Катынь. Глава 13).

Это подтвердил и Фердинанд Гетль, председатель польского Общества писателей и журналистов, находившийся в составе первой польской делегации, вылетевшей из Варшавы в Смоленск 11 апреля 1943 года и побывший в Козьих Горах

12 апреля. В своем отчете он пишет, что *«мы... быстро научились распознавать еще не вскрытые могилы. Края их были несколько запавшими, поверхность неровной, к тому же повсюду на них были высажены маленькие сосенки, несомненно специально здесь помещенные»* (Цит. по книге В. Абарина «Катынский лабиринт»).

Налицо явное противоречие. Киселев и Фосс утверждают, что на месте захоронений были холмики, а Мацкевич и Гетль – что впадины. Причина этого – оттаивание могильного грунта. Известно, что при массовых захоронениях без гробов буквально через год земля на месте этих захоронений оседает. Но тогда получается, что могилы в Козьих Горах весной 1943 г. были относительно свежие, т. е. осени 1941 г. Трудно представить, что холмы катынских захоронений выдержали два теплых сезона, 1941 и 1942 годов. Однако предоставим оценку этого явления экспертам.

Установлено, что немецким властям о польских захоронениях в Катыни было известно еще в конце 1941 г. или начале 1942 г. Сошлемся на протокол допроса Нюрнбергским трибуналом Фридриха Аренса (Friedrich ARENS), командира 537-го полка связи вермахта, дислоцировавшегося в 1941–1943 гг. в районе Козьих Гор.

На допросе Ф.Аренс показал, что вскоре после прибытия в Козьи Горы, в конце 1941 г. он обратил внимание на *«место что-то типа кургана, на котором был березовый крест. Я видел этот березовый крест. В течение 1942 года мои солдаты твердили мне, что, предполагается, в наших лесах имели место бои. Но сначала я не придавал этому никакого значения. Однако летом 1942 года эта тема упоминалась в приказе генерала фон Герсдорфа (Rudolf-Christoph von Gersdorff). Он сказал мне, что также слышал про это»* (<http://katyn.codis.ru/nurkatyn.htm>).

К сожалению, никого из членов Международного военного трибунала не заинтересовало, в каком контексте упоминались в приказе катынские захоронения? Возможно, тогда роль нацистов в Катынском деле могла бы выясниться еще в 1946 г.

Ситуация несколько прояснилась после вопросов главного советника юстиции, помощника прокурора со стороны СССР Л.Н.Смирнова. Он спросил Аренса: *«Скажите, пожалуйста, почему Вы начали эксгумацию этих массовых захоронений только в марте 1943-го, хотя обнаружили крест и узнали о массовых могилах уже в 1941-ом?»*.

АРЕНС: *«Это была не моя забота, а дело армейской группировки. Я уже Вам говорил, что в течение 1942 года эти рассказы стали более реальными. Я часто слышал про это и обсуждал это дело с полковником фон Герсдорфом, начальником разведки группы армии «Центр», который уведомил меня, что знает все про это дело и что на этом мои обязанности заканчиваются. Я доложил о том, что слышал и видел...»*.

СМИРНОВ: *«Я понял. А теперь скажите мне, при каких обстоятельствах или хотя бы когда Вы впервые нашли этот крест в роще?»*.

АРЕНС: *«Я не могу назвать точную дату. Мои солдаты мне рассказывали про него, и, случайно проходя в том месте где-то около начала января 1942-го, хотя это могло быть и в конце декабря 1941-го, я увидел крест, возвышающийся из снега»*.

СМИРНОВ: *«Это означает, что вы его видели уже в 1941-м или, по крайней мере, в начале 1942-го?»*

АРЕНС: *«Я только что дал такие показания»* (<http://katyn.codis.ru/nurkatyn.htm>).

Вышесказанное свидетельствует о том, что нацисты в начале 1942 г. а вероятнее всего, уже в конце 1941 г. знали о захоронениях в Козьих Горах, как высказался полковник фон Герсдорф, «все». Кстати, упомянутый Ф.Гетль в отчете о посещении Катыни писал, что согласно информации, сообщенной ему *«д-ром Грундманом из отдела пропаганды управления Генеральной губернией... в местности, называющейся Козьи Горы, немецкая армейская разведка открыла огромные братские могилы, в которых лежат убитые польские офицеры»* (Цит. по книге В.Абарина «Катынский лабиринт»). Так кто же обнаружил захоронения в Козьих горах: немецкая полевая тайная полиция или армейская разведка во главе с фон Герсдорфом?

Ясно одно, что ссылка немцев на «местных жителей» в 1943 г. служила им лишь прикрытием. Подобное было возможно, если бы они «приложились» к катынскому преступлению и планировали использовать его в своих интересах.

Весной 1943 г. время «катынской операции» настало. После Сталинграда, когда ситуация на Восточном фронте для немцев стала ухудшаться, у «нацистского руководства» возникла идея, используя «катынскую карту», нанести «мощный» пропагандистский удар не только по Советам, но и по антигитлеровской коалиции в целом.

Вероятно, «добро» на «катынскую операцию» давал лично Гитлер. 13 марта 1943 г. он прилетал в Смоленск и встречался с начальником отдела пропаганды вермахта полковником Хассо фон Веделем, офицеры которого работали в Смоленске и Козьих Горах и готовили первичные пропагандистские материалы по «Катынскому делу». 6 апреля 1943 г. на совещании по катынскому вопросу в Берлине в министерстве имперской пропаганды акцентировалась роль полковника Веделя (ВИЖ, № 12, 1990).

Надо отметить, что через полгода Гитлер присвоил Х. фон Веделю звание генерала (<http://katyn.ru/index.php?go=Pages&in=view&id=19>; <http://militera.lib.ru/memo/german/below/04.html>).

13 апреля 1943 года «Радио Берлина» передало: *«По сообщению из Смоленска, местные жители сообщили немецким властям о существовании там места массовых казней, где ГПУ было убито 10 тысяч польских офицеров...»* (В.Бушин. «Преклоним колена, пани...»). В то же время в официальном сборнике документов «Катынь. Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни. Документы» приводится следующий текст сообщения берлинского радио: *«Из Смоленска сообщают, что местное население указало немецким властям место тайных массовых экзекуций, проведенных большевиками, где ГПУ уничтожило 10 000 польских офицеров...»* (с. 447).

Надо учитывать, что текст сообщения в сборнике «Катынь...» переведен с польского языка (*из сборника документов «Zbrodnia katynska w swietle dokumentow». London, 1980. S. 85*), т. е. немецкий текст переводился дважды: на польский, а затем на русский. Известно, что при двойном переводе неизбежны неточности. Наши попытки найти в российских архивах оригинальный немецкий текст сообщения «Радио Берлина» от 13 апреля 1943 г. пока не увенчались успехом.

Возникает вопрос, к чему такая скрупулезность? Смысл в текстах сообщения фактически один и тот же. Различия в текстах несущественные, за исключением одного. В варианте

В.Бушина жители «*известили*», а в сборнике «*указали*» немецким властям места массовых казней. Это имеет не только разный смысл, но и предполагает разную историю разворачивания событий в «Катынском деле». Соответственно, анализируя немецкую версию обнаружения захоронений в Катыни, это различие приобретает особое значение.

Начнем с того, что сообщение «Радио Берлина» не было началом Катынского дела. Напомним, что Гитлер прилетал в Смоленск в марте 1943 г., уже после того, как в феврале 1943 г. были осуществлены частичные раскопки захоронений в Козьих горах и немецкая тайная полевая полиция начала официальные следственные действия. 6 апреля 1943 г., как отмечалось, в министерстве имперской пропаганды по вопросу катынских захоронений состоялось совещание, на котором о ситуации доложил майор Бальцер.

Майор сообщил о том, как были обнаружены могилы в Катынском лесу: *«Случайно(!) обер-лейтенант полевой полиции группы армий «Центр» догадался (!) о том, что там, по видимому(!), лежат горы трупов, а именно в том месте, где находятся два березовых креста, которые были поставлены там год тому назад двумя поляками, которые нашли трупы при проведении раскопок. На этом месте, которое заметно благодаря молодым посадкам сосен, теперь проведены раскопки и установлено, что там лежат слоями в 9—12 человек один над другим великое множество преимущественно или почти исключительно польских офицеров* (ВИЖ, № 12, 1990).

В.Бушин считает, что этим «*заявлением Бальцер не только решительно опроверг рассказ геббельсовского радио о «местных жителях», которые и без того выглядели крайне*

сомнительно, но и подтвердил нашу догадку о запрограммированности Геббельсом всего дела с самого начала: мифический обер сделал свое дело, потом уж, когда программа была запущена, другой офицер полевой полиции, имя которого не было необходимости держать в тайне, – лейтенант Фосс, начал искать нужных свидетелей и с этой целью 3 мая 1943 года опубликовал «Обращение к населению». Там не очень грамотно, но точно указывал, какие именно сведения требуются.

Вот такие возникают версии, недоумения и вопросы. И чем глубже погружаешься в дело, тем их больше» (В.Бушин. «Преклоним колена, пани...»). Последний вывод В.Бушина особенно актуален для «Катынского дела».

В этой связи представляет интерес суждение о катынской пропагандистской акции одного из ее организаторов, обер-лейтенанта немецкой секретной полевой полиции (Geheime Feldpolizei) Грегора Словенчика. Скорее всего, именно он и был тем «мифическим» обер-лейтенантом, который «догадался» о массовых захоронениях в Катынском лесу и которого упомянул в своем докладе майор Бальцер.

25 апреля 1943 г. Г.Словенчик направил в Вену своей семье письмо с «отчетом» о своих трудовых «подвигах» на благо Германии. Это письмо цитирует в своей книге «Катынь» Ю.Мацкевич, но без фраз, которые определяют его подлинное содержание. Полный текст письма на польском и немецком языке приводит польский журналист Болеслав Вуйцицкий (Bolesav Wójcicki) в книге «Правда о Катыни», изданной в Польше в 1952 г. Представляем основные моменты этого письма.

«...Пишу уже не из Смоленска, а в 14 км оттуда, где с утра до вечера возжусь с моими трупами. Это неприятные парни. Несмотря на это я люблю их, этих несчастных парней с искаженными лицами, насколько это можно разобрать на оставшихся костях. Люблю их горячо, ибо благодаря им я смог наконец сделать что-то для Германии. И это прекрасно.

Катынь, изобретателем (Словенчик использует термин «erfinder», что означает «изобретатель») которой все же являюсь я, загружает меня непомерной работой. То, что здесь делается, – все лежит на мне. Под моим руководством ведется эксгумация останков – чтобы всегда был соответствующий пропагандистский материал, я принимаю все делегации, прибывающие ежедневно самолетами, а также распространяю тезисы доклада, которые, между прочим, обрабатываю я, кроме того, работаю над книгой «Конец Катыни».

В течение 4 недель я сплю по 4 часа, но дело так прекрасно и стоит того, что дает силы выдержать это. Самое прекрасное то, что все мои товарищи от коменданта и до моего... говорят, что никто не смог бы так осуществить это дело, как этот австрийский поручик из Вены.

...Мое самое большое достижение сегодня – это срыв дипломатических отношений между СССР и Польшей.

...Может быть, после окончания пропагандистской акции у меня появится возможность получить несколько недель отпуска для написания моей книги» (Wójcicki. «Prawda o Katyniu». С. 78–79).

Б.Вуйцицкий утверждал, что письмо Словенчика однозначно свидетельствует о том, что Катынь – дело рук немцев. С этим сложно согласиться. Из письма следует лишь то, что Катынь рассматривалась немцами как существенный пропагандистский козырь в борьбе против СССР. Этот момент подчеркнул сам Словенчик в разговоре с Ю.Мацкевичем (Мацкевич. Катынь. Глава 13).

Однако не следует преуменьшать значение Словенчика в Катынском деле, а следовательно, и его письма. Бывший австрийский поручик, потом венский журналист, с фамилией, явно имеющей славянские корни, постоянно акцентировал в разговоре с Мацкевичем, что он немец. Попав на службу в немецкую тайную полевую полицию в качестве пропагандиста,

Словенчик всеми силами стремился доказать свою преданность Германии. Это явно прослеживается в тоне его письма.

О том, что Словенчик достаточно объективно охарактеризовал свою роль в Катыни, свидетельствует то, что буквально все прибывающие в Катынь делегации имели с ним дело. Грациан Яворовский (Gracjan Jaworowski), представитель Главного управления Польского Красного Креста в Варшаве, работавший в Козьих Горах в качестве члена Технической комиссии Польского Красного Креста с 8 мая 1943 г., в своем отчете называл Словенчика *«комендантом объекта»*, сопровождавшим делегации (*«Zeszyty historyczny»*. Paris, 1978 г., № 45. С. 4).

Особый интерес представляют несколько фраз в письме Словенчика. Прежде всего та, где он утверждал, что является *«изобретателем Катыни»*. Что Словенчик при этом имел в виду – свои предложения начальству по организации катынской пропагандистско-политической кампании или нечто большее, неясно. Словенчик был убежден, что разрыв дипломатических отношений между СССР и Польшей – его заслуга.

Интересно, но нечто подобное, только с обратным знаком, через два дня после отправки письма Словенчиком, 27 апреля 1943 г. заявил сам Геббельс: *«...мы должны отражать подозрения, что мы якобы изобрели катынское дело, чтобы вбить клин в неприятельский фронт»* (ВИЖ, № 12, 1990).

Сложно сказать насколько соответствует действительности заявление Словенчика о его «заслуге», но 17 апреля 1943 г. рейхсминистр имперской пропаганды Й.Геббельс констатировал: *«Катынское дело приняло такой размах, которого он сначала не ожидал. Если бы мы теперь продолжали работать исключительно умело и точно, придерживались принципов, которые определены здесь на конференции, если бы мы далее позаботились о том, чтобы никто не выходил вон из ряда, то можно было бы надеяться, что нам удастся катынским делом внести довольно большой раскол во фронт противника»* (ВИЖ, № 12, 1990).

После сообщения «Радио Берлина» о Катыни все силы нацистских пропагандистов были брошены на раскручивание «Катынского дела». Они выполняли личную директивную установку главного нацистского пропагандиста доктора Й.Геббельса о том, что *«центр тяжести нашей пропаганды в ближайшие дни и далее будет сосредоточен на двух темах: атлантический вал и большевистское гнусное убийство»*.

Миру нужно показать на эти советские зверства путем непрерывной подачи все новых фактов. В особенности в комментариях надо, как это частично уже было, показать: это те же самые большевики, о которых англичане и американцы утверждают, что они якобы изменились и поменяли свои политические убеждения. Это те же самые большевики, за которых молятся в так называемых демократиях и которых благословляют в торжественном церемониале английские епископы. Это те же самые большевики, которые уже получили от англичан абсолютные полномочия на господство и большевистское проникновение в Европу...» (ВИЖ, № 12, 1990).

На том же совещании 17 апреля, говоря о катынском расследовании, Геббельс особо подчеркивал: *«Немецкие офицеры, которые возьмут на себя руководство, должны быть исключительно политически подготовленными и опытными людьми, которые могут действовать ловко и уверенно. Такими должны быть и журналисты, которые будут при этом присутствовать... чтобы в случае возможного нежелательного для нас оборота дела можно было соответствующим образом вмешаться»*.

Особый упор Геббельс делал на эмоциональное воздействие катынского преступления на поляков: *«Глубокое впечатление, которое произвело все это дело на польский народ, необходимо изображать снова и снова посредством новых свидетельских показаний, передачи настроений из Кракова и т. д.»*

Вообще нам нужно чаще говорить о 17—18-летних прапорщиках, которые перед расстрелом еще просили разрешить послать домой письмо и т. д., так как это действует особенно потрясающе» (ВИЖ, № 12, 1990).

Кстати, эта установка Геббельса до сих пор на вооружении у пропагандистов Речи Посполитой. Оценивая современные польско-российские отношения, необходимо с горечью признать: «Дело Геббельса живет и процветает».

Необходимо напомнить, что Геббельс не испытывал какого-либо сожаления по поводу гибели польских офицеров. Более того, он неоднократно критиковал вермахт «за излишне мягкое отношение к пленным польским офицерам». И тот же Геббельс вдруг проявил такое внимание к расстрелянным, «расово неполноценным» по его пониманию, польским офицерам?! Не вызывает сомнения, что у нацистов, помимо желания, возбудить ненависть у Европы против «бесчеловечных большевиков», было большое желание замаскировать свои расстрелы расстрелами НКВД. Ведь только в Смоленске и его ближайших окрестностях они уничтожили 135 тысяч человек, а на территории всей Смоленской области – около 450 тысяч!

Продолжим цитирование высказываний доктора Геббельса относительно организации немецкого «расследования» катынского преступления: *«Некоторые наши люди должны быть там раньше, чтобы во время прибытия Красного Креста все было подготовлено и чтобы при раскопках не натолкнулись на вещи, которые не соответствуют нашей линии».*

Странное указание, если учесть, что нацистам якобы было «точно известно» что в катынских могилах находятся только жертвы ГПУ-НКВД?! Какого «нежелательного оборота» боялся Геббельс? Помимо этого министр имперской пропаганды, а точнее, дезинформации, опасался, как бы *«при раскопках не натолкнулись на вещи, которые не соответствуют нашей линии».* Почему он был уверен, что такие вещи могут быть в раскопках?

Не об этих ли «вещах» сообщала телеграмма начальника Главного управления пропаганды Хейнриха, посланная 3 мая 1943 года из Варшавы в Краков главному административному советнику Вайнрауху. Телеграмма была снабжена строжайшим грифом: *«Весьма важно. Немедленно».* Ее текст был следующий: *«Секретно. Часть польского Красного Креста вчера из Катыни возвратилась. Служащие польского Красного Креста привезли гильзы патронов, которыми были расстреляны жертвы Катыни. Оказалось, что это немецкие боеприпасы калибра 7,65 фирмы Геко»* (так в тексте, переведенном капитаном Гришаевым. ВИЖ, № 12, 1990).

В этой связи необходимо сказать о периодически цитируемых различными авторами фрагментах из дневника Геббельса, из которых, казалось бы, следует, что Геббельс Катынское дело называл *«аферой».* Дело в том, что дневники Геббельса впервые были массово изданы в 1948 г. в Нью-Йорке и Лондоне в переводе на английский язык. Изданный тогда же в Цюрихе оригинальный немецкий вариант был мало кому доступен. На русский язык эти фрагменты дневников были переведены именно с английского текста причем, не вполне точно.

В результате английский термин «affair» (дело) был ошибочно переведен созвучным «афера», а «munition» (боеприпасы) – созвучным «амуниция». Советскому читателю ошибочный перевод предложил в 1968 г. чешский публицист Вацлав Краль в своей книге «Преступление против Европы» (Стрыгин. Рецензия на главу «Катынь» из книги А. И. Шиверских).

Более точный русский перевод этого фрагмента дневника Геббельса изложен в книге А. Деко «Великие загадки XX века». *«К несчастью, в Катыни были найдены немецкие боеприпасы (в книге Крала «обмундирование»). Полагаю, это то, что мы продали Советам, еще когда дружили, и это хорошо им послужило... а может, они и сами побросали пули в могилы. Но главное, что это должно остаться в тайне. Поскольку если это всплывет на*

поверхность и станет известно нашим врагам, все дело (в книге Краля «афера») о Катыни лопнет» (Деко. Великие тайны... С. 289).

Однако, несмотря на эти уточнения, смысл рассуждений Геббельса не меняется – он говорит о страхе, что вся затея в Катыни может рухнуть. Значит, «знала кошка, чье мясо съела»?

В этой связи необходимо особое внимание обратить на технологию немецкой эксгумации трупов польских военнопленных, осуществленной в марте-июне 1943 г.

Эксгумация по-немецки

Польская позиция по «Катынскому делу» во многом базируется на результатах эксгумационных работ, осуществленных в Козьих Горах (Катынь) в период с 29 марта по 7 июня 1943 г. немецкими экспертами во главе с профессором из Вроцлава Герхардом Бутцем, при участии представителей Технической комиссии Польского Красного Креста (Катынский синдром. С. 153–154. Мацкевич. Катынь, приложение 15. Отчет профессора медицины доктора Бутца).

Наиболее четко позицию в отношении немецкого катынского расследования выразил премьер-министр Англии У Черчилль. В письме Сталину от 24 апреля 1943 г. он написал: *«Мы, конечно, будем энергично противиться какому-либо «расследованию» Международным Красным Крестом или каким-либо другим органом на любой территории, находящейся под властью немцев. Подобное расследование было бы обманом, а его выводы были бы получены путем запугивания»* (Катынь. Расстрел. С. 423, 457). Анализ методики раскопок и опубликованных результатов проведенной немцами эксгумации в Козьих Горах подтверждают выводы английского политика.

Однако польское правительство в эмиграции поддержало немецкую версию катынского преступления. После 14 апреля 1943 г. газета польских коллаборантов в оккупированной Варшаве «Новый курьер Варшавский» начала публиковать списки катынских жертв с соответствующими комментариями. Вслед за этим польское правительство в эмиграции 17 апреля, несмотря на предостережение У Черчилля, приняло решение обратиться в Международный Комитет Красного Креста (МККК) с просьбой выслать в Катынь комиссию, которая провела бы расследование.

По странному совпадению, именно в это время с аналогичной просьбой в МККК обратилась Германия, что зародило подозрение о совместном обращении поляков и немцев в МККК. Такой одновременный демарш вызвал крайне негативную реакцию руководства СССР, а также Великобритании и США. 26 апреля 1943 г. СССР разорвал дипломатические отношения с польским правительством в эмиграции. 28 апреля 1943 г. под давлением руководства Великобритании премьер-министр Сикорский отозвал польское обращение в МККК (Катынский синдром. С. 157–162).

Пытаясь убедить мировое сообщество в своей объективности, нацисты постарались максимально привлечь иностранные и международные организации к работам по эксгумации тел, захороненных в Катыни. Однако Международный Красный Крест (МКК) не поддался давлению Германии и отказался участвовать в расследовании.

Потерпев неудачу с МКК, нацисты спешно сколотили некую «Международную медицинскую комиссию» из представителей 13 подконтрольных Германии стран и Швейцарии. Представитель Испании профессор Пига умело уклонился от выполнения немецкого задания и отстал от остальных членов комиссии в Берлине, а представитель вишистской Франции профессор Костедо наотрез отказался ставить свою подпись под итоговым документом.

28 апреля 1943 г. эта комиссия прибыла в Катынь и уже 30 апреля было готово заключение, утверждавшее, что расстрел польских офицеров был произведен советскими властями в марте – апреле 1940 г. Однако среди членов комиссии возникли разногласия, и она покинула Смоленск, не подписав этого заключения.

На обратном пути в Берлин немцы посадили самолет с экспертами на авиабазе в Бялой подляске, где им в ангаре «ненавязчиво» еще раз предложили подписать вышеупомянутое заключение, датированное «Смоленск, 30 апреля 1943 г.». Заключение в мае 1943 г. опубликовали в газетах, а в сентябре 1943 г. – в «Официальных материалах о массовых убийствах в Катыни» (Amtliches Material zum Massenmord von Katyn. С. 114–118).

Польские историки особо подчеркивают, что нет никаких оснований сомневаться в честности и профессионализме доктора Бутца. Правда, они забывают указание Геббельса о том, чтобы руководство процессом эксгумации в Катыни взяли на себя *«исключительно политически подготовленные и опытные»* немецкие офицеры. Вряд ли доктор Бутц хотел иметь неприятности с гестапо или с ведомством Геббельса, особенно в вопросах, находящихся на личном контроле у фюрера.

Не случайно чешский профессор Ф.Гаек, один из тринадцати членов международной комиссии, посетившей Козьи Горы 28–30 апреля 1943 г. в своих «Катынских доказательствах» утверждал, что *«каждому из нас было ясно, что если бы мы не подписали протокол, который составили проф. Бутц из Вроцлава и проф. Орсос из Будапешта, то наш самолет ни в коем случае не вернулся бы»* (Гаек. Катынские доказательства. <http://katyn.ru/index.php?go=Pages8dn=view&d=739&page=1>).

Упомянутый Ф.Гаеком проф. Орсос, в доверительной беседе в 1947 г. с югославским разведчиком Владимиром Миловановичем, которого он считал ярым антикоммунистом, сообщил, что на основании того, что немцы показывали, а в основном, что скрывали в Катыни, он пришел к выводу, что польских офицеров расстреляли нацисты («Вечерне новости». Белград, март 1989 г. *Абарин*. Катынский лабиринт. Глава «Лжеэксперты»).

По решению Польского Красного Креста (ПКК) 14 апреля 1943 г. в Смоленск прибыли 3 польских эксперта из состава Технической комиссии ПКК. Следующие 12 представителей Технической комиссии во главе с доктором судебной медицины Марианом Водзиньским прибыли в Катынь 29 апреля 1943 г. Польская комиссия была демонстративно названа «технической», дабы подчеркнуть ее неофициальный характер. Она работала в Козьих Горах до 9 июня 1943 г. (Катынь. Расстрел. С. 428, 480, 487).

Вот как ситуацию с участием поляков в немецкой эксгумации описывал очевидец этих событий уже упомянутый Г.Яворовский, представитель Главного управления Польского Красного Креста в Варшаве, в своем отчете, в 70-х годах тайно переправленном на Запад: *«Эксгумация производилась под надзором немецкой жандармерии, а также какой-то польской жандармской части. (В ее состав входили молодые люди, главным образом из Львова, в немецких мундирах, но без немецких гербов на головных уборах)...*

Эксгумационные работы проводил доктор Водзиньский, явно выраженный наркоман...

С немецкой стороны мы испытывали постоянное давление, чтобы мы четко сказали, что преступление – дело рук НКВД. Мы отказались сделать такое заявление. Но не потому, что у нас были какие-то сомнения, виновник был очевиден. Мы не хотели, чтобы нас использовали в гитлеровской пропаганде» («Zeszyty historyczne», Paris, № 45, 1978 г. С. 4)

В то же время Леопольд Ежеский в своей книге «Катынь. 1940» утверждал: *«Все показания членов польской комиссии свидетельствуют, что немецкая сторона предоставила им большую свободу исследований и выводов, не оказывая на них никакого давления»* (Ежеский. Глава «Расследование и политика»).

О поистине «большой» свободе исследований поляков во время эксгумации в Катыни свидетельствует отчет Технической комиссии Польского Красного Креста, в котором говорится: *«Члены комиссии, занятые поиском документов, не имели права их просмотра и сортировки. Они обязаны были только упаковывать следующие документы: а) бумажки; б) всевозможные бумаги; в) награды; г) медальоны; д) погоны; е) кошельки; ж) всевозможные ценные предметы»* (Катынь. Расстрел. С. 481).

Польские технические исполнители лишь складывали найденные на трупах русскими чернорабочими предметы в пронумерованные конверты, которые вслед за этим немедленно запечатывались и помещались на столе. Два раза в день, в полдень и вечером, запечатанные конверты опрашивали с немецким мотоциклистом в бюро секретариата тайной полиции.

Последующее изучение документов и установление фамилий жертв, хоть и проводилось в присутствии поляков, но позднее и в другом месте, куда упакованные пакеты доставлял, как отмечалось выше, немецкий мотоциклист (Катынь. Расстрел. С. 482). Что происходило с конвертами с момента, когда их увозили на мотоцикле из Козьих Гор и до момента, когда их вновь предъявляли польским представителям, можно только догадываться.

Особо следует подчеркнуть, что, в нарушение элементарных канонов эксгумаций, немецкие эксперты при составлении официального эксгумационного списка катынских жертв умышленно не указывали, из какой могилы и какого слоя были извлечены трупы польских военнопленных.

Подобная система позволяла манипулировать вещественными доказательствами. Необходимо заметить, что эксгумацию в Катыни немцы начали 29 марта 1943 г., т. е. почти за три недели (!) до приезда первых представителей Технической комиссии ПКК. *Примечание.* Первые частичные раскопки захоронений польских офицеров немцы провели 18 февраля 1943 г.

В отчете Технической комиссии ПКК отмечалось, что к приезду поляков немцы уже *«идентифицировали тела № 1– 420»*. Также отмечалось, что с № 421 до № 794 составление списков идентифицированных тел велось на немецком языке и комиссия ПКК не могла сверить их *«с черновиком, так как она уже не имела к ним доступа»*. При идентификации останков с № 795 до № 4243 списки составлялись и на польском языке (Катынь. Расстрел. С. 483).

Вышесказанное свидетельствует о том, что немецкие эксперты в период эксгумации обладали полной свободой действий для соответствующей обработке вещественных доказательств. При этом они располагали достаточно обширным материалом с первоначально эксгумированных трупов, которые впоследствии можно было бесконтрольно использовать для фальсификации результатов эксгумации.

Неясно, вошли ли в эксгумационный список первые 300 эксгумированных трупов польских военнопленных. Их обнаружили в «польской» могиле, вскрытой и полностью эксгумированной до приезда в Козьи Горы первых иностранных представителей. Об этом спустя полвека, в 1990 г., сообщил участник немецкой эксгумации Михей Кривозерцев. О могиле с первыми 300 трупами немцы нигде не упоминают. Согласно официальным заявлениям немецких экспертов, первой могилкой, из которой начали извлекать трупы польских военнопленных, была могила № 1. Но в ней насчитали 2500 трупов.

По словам М.Г.Кривозерцева, из первой могилы были извлечены 18 трупов «евангелистов», *«при них были валенки, но не на ногах, а веревочкой перевязанные, чтобы на плече нести, и в валенках запрятано сало и сухари»*. Под трупами евангелистов, которых немецкий офицер велел перезахоронить в другом месте, нашли *«человек триста поляков»*. В новом раскопе, на *«глубине опять пошли вещи женские и наши люди»* (Жаворонков. О чем молчал Катынский лес... С. 56).

Как свидетельствуют М.Г.Кривозерцев и жительница Катыни Н.Ф.Воеводская, технология эксгумации этих 300 трупов кардинально отличалась от последующей. В первые дни раскопок немцы не работали с останками в Козьих Горах, а возили их в деревню Борок. Там после исследования их черепа *«вываривали в огромных металлических чанах, стоявших прямо на улице деревни»*, чтобы нагляднее были видны пулевые каналы (Жаворонков. О чем молчал Катынский лес... С. 56. «Дорогами памяти». Сборник воспоминаний. Выпуск 3). О судьбе останков этих 300 поляков ничего не известно.

Не вызывает сомнений тот факт, что немцы в первоначальный период эксгумировали значительно большее количество трупов, нежели указывали в официальных отчетах. Уже упомянутый секретарь немецкой тайной полевой полиции Л.Фосс в своем рапорте от 22 апреля 1943 г. утверждал, что *«до сих пор опознано 600 трупов»* (Мацкевич. Катынь. Гл. 13).

Учитывая, что опознанные трупы составили 67,9 %, несложно подсчитать, что к 22 апреля должно было быть эксгумировано около 900 трупов.

Данные Фосса о начальном периоде эксгумации в какой-то мере подтвердил уже упомянутый Ф.Гетль, побывавший в Козьих Горах в составе «первой» польской делегации (комиссии) еще до официального сообщения «Радио Берлина» 12 апреля 1943 г.

Надо отметить, что для Ф.Гетля, ярого поклонника Гитлера, как для лидера польских журналистов и писателей, немцы приготовили специальную VIP-программу. Он так описывал пребывание в Смоленске и Катыни. *«На аэродроме в Смоленске мы приземлились около полудня. Во второй половине дня в сопровождении немцев мы осмотрели город, вечером нам представили в офицерском казино трех офицеров из отдела пропаганды смоленской армии: двух лейтенантов и одного капитана.*

Вопрос о Катыни нам изложил Словенчик [командир роты пропаганды (Aktivpropagandakompanie)], лейтенант запаса, кажется, журналист по профессии, родом из Вильно. Из двух остальных один представился как скульптор из Инсбрука. К нашему разговору время от времени прислушивался еще какой-то лейтенант со знаками различия «Гехайм полицай» [тайная полиция]. Думаю, что это был Фосс, о котором я узнал позднее.

Словенчик познакомил нас с «катынским делом» более подробно: показал фотографии леса, трупов, а также найденных при них документов. Показал он и некоторые подлинные документы, уже обеззараженные...

Назавтра утром мы поехали на автомашинах в Козьи Горы. Свернув в лес, мы остановились около огромной раскопанной ямы. Это был длинный ров, выкопанный, по-видимому, во всю длину и глубину могилы, но не охвативший ее в ширину, о чем свидетельствовали торчавшие по бокам рва головы и ноги трупов, еще оставшихся в земле.

Срез по всей длине ямы наглядно свидетельствовал о том, что трупы погребались в строгом порядке и укладывались слоями, один на другой, в несколько этажей. Могила была вырыта в холмистой местности, и в ее высоких частях земля была сухой, глинисто-песчаной, нижние же ее части заливали грунтовые воды. Неподалеку начали раскапывать вторую могилу, где пока был виден еще только первый слой трупов. На раскопках обеих могил работали местные жители, русские.

Возле могил стоял наспех сколоченный домик, в котором работала эксгумационная группа под руководством доктора Бутца, профессора судебной медицины Вроцлавского университета. Профессор Бутц был в мундире полковника. Работы группы лишь начались. На лесной поляне неподалеку от могилы лежало около двухсот трупов, вынутых из могилы и ожидающих судебно-медицинского вскрытия в том порядке, как были выкопаны. Трупы были пронумерованы и уложены в несколько рядов...

Среди разложенных вокруг домика трупов были опознанные уже останки генералов Смравиньского и Бохатыревича...

От доктора Бутца я получил еще список фамилий тех, чьи трупы он уже успел осмотреть и чью личность идентифицировал. Их было тридцать человек...» (Цит. по: В. Абарин. Катынский лабиринт).

Необходимо сделать небольшое уточнение. Гетль 12 апреля увидел в Козьих горах около двухсот пронумерованных трупов. В то же время, согласно дневнику эксгумаций, труп под № 124 был эксгумирован только 14 апреля. Вновь несоответствие свидетельства очевидца и официальных данных.

А теперь обратимся к одному из первых историографов Катыни Юзефу Мацкевичу. Он утверждал, что 17 апреля 1943 г. *«о числе убитых вопрос тогда не поднимался, потому что открытие могил едва началось, границы между ними не были установлены, а общая площадь между раскопками указывала скорее на достоверность немецкой цифры – от 10 до 12 тысяч».* Более того, он отметил, что иностранные корреспонденты *«попросили, чтобы*

при них раскопали какую-нибудь еще нетронутую могилу. Немцы исполнили их желание, и присутствующие убедились в том, что сплывшийся слой трупов явно лежал в полной неприкосновенности со времени расстрела» (Мацкевич. Катынь. Глава 13).

Ю.Мацкевич также писал, что 17 апреля пленные польские офицеры «предполагали, что перед ними одна огромная могила. Они измерили ее площадь и глубину и на основании вычислений пришли к убеждению, что немецкие утверждения – от 10 до 12 тысяч тел – скорее всего правильны. Поручик авиации Ровинский сделал даже отдельную зарисовку этой «общей» братской могилы» (Мацкевич. Катынь. Глава 13).

Мацкевич описывал ситуацию, которая могла быть только до приезда Ф.Гетля. Однако он датировал ее 17 апреля, а Гетль в Козьих Горах был 12 апреля. Причем Гетль подчеркивал, что посередине могилы № 1 во всю ее длину был выкопан глубокий ров, позволяющий определить ее размеры и видеть расположение трупов.

Ясно, что Мацкевич лжет. Правда, его можно понять. О начальной стадии эксгумационных работ в Козьих Горах он писал с чужих слов. Сам Мацкевич попал в Катынь только во второй половине мая 1943 г., то есть к завершению раскопок и эксгумации. Но вот тот, кто предоставил Мацкевичу информацию о первоначальном периоде эксгумации, явно «темнил».

Необходимо учесть, что позицию Ю.Мацкевича при освещении катынских событий во многом определяли его убеждения. Известно, что до войны он был германофилом. Не случайно немцы нашли его под Вильнюсом и предложили поехать в Катынь. Мацкевич предпочитал не замечать деталей, противоречащих его восприятию катынской проблемы.

Он особо подчеркивал, что немцы не могли пойти на фальсификацию катынских документов из-за «большого числа свидетелей, которых сами пригласили. Это лишний раз доказывает, какой большой вес немцы придавали гласности и объективному исследованию катынского массового преступления. В таких условиях они не могли позволить себе скрыть ряд документов и этим бросить тень или подорвать доверие к следствию, результаты которого их пропаганда с такой энергией разносила по всему свету» (Мацкевич. Катынь. Глава 14).

Это более чем наивное объяснение. Но надо понимать, что любую информацию, противоречащую их версии, нацисты пресекли бы в зародыше, не посчитавшись ни с какими жертвами. Мацкевич как журналист, проживший в условиях оккупации более двух лет, хорошо знал это. Не случайно и отчет Технической комиссии носит достаточно обтекаемый характер, без четких выводов и обобщений, чтобы не раздражать немцев. Тем не менее польская сторона и некоторые российские историки до сих пор подходят к результатам немецкой эксгумации не критически.

Ю.Мацкевич, как и Л.Ежевский, особо подчеркивал: «Немцы ни в чем не ограничивали свободу действий и инициативу офицеров при изучении тел убитых, документов и т. д.». Это утверждение мало согласуется с информацией Технической комиссии о том, что в ходе раскопок права польских представителей ПКК захоронений были ограничены определенными рамками, которые делали их техническими исполнителями черновой работы.

Другое дело, что немцы в специально «подготовленных» местах стремились не стеснять свободу «проверяющих». Это давно известный прием фальсификаторов и цирковых фокусников, которые для создания иллюзии предоставляют зрителям в заранее установленных рамках полную свободу действий. В дальнейшем мы изложим еще одно свидетельство, которое покажет, какой «свободой» пользовались «экскурсанты» в Козьих Горах.

О том, что видели члены Международной комиссии экспертов 29 апреля 1943 г., писал один из ее членов Ф.Гаек в своей брошюре «Катынские доказательства»: «На следующий день мы автобусом уехали в Катынский лес, где штабной врач, профессор судебной медицины во Вроцлаве доктор Бутиц, уполномоченный немецким военным командованием к руко-

водству раскопками, показал нам все могилы, эксгумированные трупы, обнаруженные при них документы, и в нашем присутствии провел одно вскрытие.

До нашего появления из могил были извлечены 982 трупа, из них 58 были вскрыты, остальные только осмотрены внешне.

На следующий день, т. е. в пятницу 30 апреля 1943 г., мы провели вскрытие 9 трупов. Было позволено выбрать труп из любой ямы по своему усмотрению, поэтому для меня подняли два трупа из седьмой ямы».

Член той же комиссии экспертов венгерский профессор Орсос 29 апреля лично «занимался», по выражению Ю.Мацкевича, черепом трупа под № 526 (*Мацкевич*. Катынь. Глава 12). Согласно немецкому дневнику эксгумации труп № 526 был эксгумирован 24 апреля 1943 г.

Упомянутый ранее Г. Яворовский, прибывший в Козьи Горы 29 апреля, увидел *«множество разрытых могил и уложенные рядами выкопанные из земли трупы... Когда мы покидали Катынь, там еще оставались невскрытые и недораскопанные могилы. Немцы пробовали искать другие захоронения даже при помощи шупов, надеясь найти, в конце концов, несколько тысяч трупов. Однако поиски не дали результатов».*

Казалось бы вышеизложенное, за исключением сведений излагаемых Ю.Мацкевичем, подтверждает данные рапорта секретаря немецкой тайной полевой полиции Л.Фосса. Но существуют и другие свидетельства.

Воеводская Нина Филипповна, бывшая жительница деревни Катынь, сообщила сотрудникам смоленского мемориального комплекса «Катынь» важную информацию о начале раскопок в Катынском лесу в 1943 г. Необходимо заметить, что Нина Федоровна убеждена, что поляков расстреляли сотрудники НКВД. О ней говорилось выше в связи с эксгумацией первых 300 трупов, проводившейся немцами в деревне Борок.

Н.Воеводская пересказала то, что говорил *«сторож катынской почты. Он рассказывал сельчанам, как немцы его и еще несколько десятков местных жителей согнали в Катынский лес. В лесу было холодно, кругом лежал снег. Вдоль леса стояло оцепление из немцев, вооруженных автоматами. Жителей выстраивали вдоль могил, обложенных хворостом. Под прицелом оружия местные жители раскапывали могилы, изымая оттуда трупы. Для работы давали рукавицы, т. к. было очень холодно и морозно, мерзли руки. Трупы были хорошо сохранившимися, одежда целой, сукно не разложилось, особой белизной поражали шарфы на шее погибших. Трупы грузили на телеги и довозили до д. Борок, где занимались более подробным их изучением»* («Дорогами памяти». Сборник воспоминаний. Вып. 3).

Из рассказа Н.Воеводской ясно, что еще до наступления теплого периода могилы не только вскрывались, но оттуда доставались хорошо сохранившиеся трупы. Напомним, что в свидетельствах Гетля и Мацкевича указывается, что открытие могил началось чуть ли не в середине апреля. Г.Яворовский, да и другие утверждали, что трупы не были в таком «хорошем» состоянии, которое описывает Н.Воеводская. Более того, как сохранили в течение трех лет белизну шарфы на погибших? Кто же ошибается?

Существует очень серьезный аргумент, свидетельствующий в пользу Н.Воеводской. В отчете Технической комиссии ПКК отмечалось, что основные семь могил были вскрыты немцами еще в марте 1943 г. *«Во время работы Технической комиссии ПКК в Катынском лесу в период с 15 апреля по*

7 июня 1943 г. эксгумировано всего 4243 трупа, из которых 4233 изъято из семи могил, находящихся на небольших расстояниях одна от другой и раскопанных в марте 1943 года немецкими военными властями. Из упомянутых семи могил извлечены все останки». Вероятно, это то холодное время, о котором рассказывает Н.Воеводская. В конце марта в Катынском лесу еще лежал снег.

Следует заметить, что восьмая могила с несколькими сотнями трупов была обнаружена только 28 мая 1943 г. В сборнике документов «Катынь. Расстрел...» ошибочно указана дата 28 июня (Катынь. Расстрел. С. 483). Ю.Мацкевич пишет, что из этой могилы были извлечены *«тринадцать трупов польских военных»*, которые *«после вскрытия, исследования и отбора доказательного материала были вновь похоронены в той же могиле»*. В сборнике документов «Катынь. Расстрел...» утверждается, что из могилы было извлечено *«только 10 трупов. Они были захоронены в открытой тогда еще шестой братской могиле»* (Катынь. Расстрел. С. 483).

Получается, что рассказы некоторых «очевидцев» о том, что при них в апреле 1943 г. в Козьих Горах вскрывали нетронутые могилы или только начинали раскапывать могилу № 2, фальсификация? Не будем торопиться с выводами. Прежде обратимся еще к нескольким свидетельствам.

Бывший бургомистр Смоленска Б.Г.Меньшагин, сторонник версии, по которой поляков расстреляли сотрудники НКВД, в своих воспоминаниях, изданных в 1988 г. в Париже, утверждал, что 18 апреля 1943 г. он увидел в Козьих горах *«около пяти – пяти с половиной тысяч трупов»* (Меньшагин. Воспоминания... С. 130). Не вызывает сомнений то, что Меньшагин видел трупы именно в Козьих горах, так как там присутствовали останки двух польских генералов М.Сморавиньского и Б.Богатыревича.

Меньшагин отмечал, что *«по признакам убийства и смерти не похоже было, что их убили немцы, потому что те стреляли обычно так, без разбора. А здесь методически, точно в затылок, и связанные руки»* (Меньшагин. Воспоминания... С. 130). Правда, здесь он лукавит. Известно, что именно немцам присуща методичность и точность. Но не будем оспаривать выводы Меньшагина. Для нас важнее факты, изложенные им.

Трудно поверить, что Меньшагин принял 400 трупов за 5000. Более того, ситуацию в Козьих Горах на 18 апреля 1943 г. он описывал так: *«Немножко проехали и увидели эти могилы. В них русские военнопленные выгребали последние остатки вещей, которые остались. А по краям лежали трупы. Все были одеты в серые польские мундиры, в шапочки-конфедератки. У всех были руки завязаны за спиной. И все имели дырки в районе затылка»* (Меньшагин. Воспоминания... С. 130).

Меньшагин, в свое время был адвокатом и обладал великолепной памятью в целом и особенно на детали. В предисловии к его воспоминаниям отмечалось, что *«Меньшагин давал только факты. В этом Борис Георгиевич был тверд и профессионален: если даты, то обычно точные, если имена или фамилии, то аккуратно сохраненные его небывалой памятью»*.

Из вышесказанного ясно, что к 18 апреля около 5–5,5 тысячи трупов были уже извлечены из могил и оттуда доставались лишь остатки вещей. В то же время официальные немецкие источники и «очевидцы» утверждали, что эксгумация была в самом начале. Более того, из могил немцы извлекли всего 4243 трупа. Как объяснить эти противоречия, мы расскажем позже.

Для нашего расследования особый интерес представляет свидетельство бывшего начальника санитарной службы Краковского отделения Польского Красного Креста Адама Шебеста, который входил в созданную нацистами так называемую «вторую польскую комиссию», прибывшую в Козьи Горы 17 апреля 1943 г., т. е. в день, который достаточно подробно описал Ю.Мацкевич.

В своем интервью польской газете «Дзенник заходни» от 20 марта 1952 г. А. Шебест заявил: *«По прибытии в Смоленск нас собрали в зале, где немецкий поручик (вероятно, Словенчик. – Авт.) зачитал обширный доклад, в котором излагались происхождение и история якобы случайно открытых могил... Доклад был так построен, что представлял готовое заключение о времени совершения преступлений и его виновниках»*.

Затем нас на автомашинах повезли в Катынь. Вся ее территория находилась под охраной жандармских постов... Нас ожидала толпа фоторепортеров и кинооператоров, которые непрерывно фотографировали каждый наш шаг, каждое движение. Нас вели по заранее намеченному маршруту и показывали нам (внимание! прим. авторов) поочередно ряд либо частично, либо полностью разрытых могил. Мы дошли до ближайшей поляны, на которой уложенными рядами лежали трупы военнопленных, одетых в польскую форму. Мне бросилось в глаза, что трупы лежали как бы в иерархическом порядке: на первом плане находились трупы двух генералов, затем полковники и т. д.

Сопровождавший нас немецкий врач показал трупы с прострелянными черепами и заявил при этом, что калибр оружия, которым были расстреляны военнопленные, соответствует советскому оружию...»

Напомним, что Мацкевич утверждал, что в этот день «открытие могил едва началось, границы между ними не были установлены».

На вопрос, располагала ли громко именуемая польская «комиссия» свободой действий, А.Шебест ответил: *«Не располагала даже в минимальной степени. Во-первых, мы находились в Катыни не более одного часа, во-вторых, каждый из нас находился под надзором многочисленных ассистентов (вспомним указание Геббельса, прим. авторов), и в случае, если кто-нибудь задерживался или изменял навязанный маршрут, его немедленно возвращали в группу. Мы могли видеть то, что нам хотели показать»* (источник: ТАСС, 20.III.52. л. 171 – 1740)

Данное интервью появилось в польской газете в качестве контраргумента выводам американской комиссии Мэддена. Поэтому ТАСС озаглавил свой материал от 20 марта 1952 г. соответствующим образом – «Польский врач Адам Шебеста разоблачает катынскую провокацию американцев».

В этой связи возможно возражение. Врач-подполковник в отставке А.Шебеста, получая пенсию от Польской Народной республики и желая остаться лояльным народной власти, мог сказать в своем интервью то, что от него хотели. Вполне вероятно, что так и было в плане общей направленности интервью, но не в деталях, которые легко проверяются.

А.Шебеста не указал точную дату посещения Козьих Гор. Это крайне важно для определения степени достоверности его свидетельства, тем более, что оно фактически опровергает утверждение Ю.Мацкевича о начале эксгумации катынских захоронений.

Установить точную дату пребывания А.Шебеста в Козьих горах помог тот же Ю.Мацкевич. В книге «Катынь» он писал. *«Через несколько дней в Катынь прибыла вторая польская группа – профессионально-технического состава, к которой, однако, примкнул краковский каноник о. Станислав Ясинский, доверенный архиепископа и митрополита краковского Адама Сапеги (Sapieha) и журналист Мариан Мартенс. Остальные – только врачи и сотрудники Польского Красного Креста: доктор А.Шебеста, доктор Т. Суш-Прагловский, доктор Х. Бартошевский, С.Кляперт, (J.)Скаржинский (генеральный секретарь ПКК), Л.Райкевич, (J.)Водзиновский, С.Колодзейский, З.Боговский (Bohowski) и Р.Ба-нах. Часть этой делегации осталась дольше в Катыни и приняла участие в работе по извлечению и опознанию трупов»* (Мацкевич. Катынь. Глава 13».

Факт пребывания А.Шебеста в Катыни также подтверждает тематическое досье вестника иностранной служебной информации ТАСС (ГАРФ, ф. 4459, оп. 27 часть 1, д. 1907, л. 7), в котором сообщается, что 19 апреля 1943 г. *«в генерал-губернаторство вернулась вторая комиссия по расследованию замученных большевиками польских офицеров под Смоленском. В делегации принимали участие ксендз Ясинский, Стажинский, Похорский Сигизмунд и другие»*.

В досье ТАСС допущена ошибка в написании фамилии генерального секретаря ПКК К.Скаржиньского (Стажинский). В своем интервью А.Шебеста упоминал в качестве члена

комиссии «секретаря главного правления Польского Красного Креста, хорошо владеющего русским языком» Скаржиньского, которого при переводе с польского в 1952 г. вновь назвали Стажинским.

Не вызывает сомнений, что А.Шебеста был в Козьих Горах 17 апреля 1943 г. Вместе с ним на раскопках были К.Скаржиньский (генеральный секретарь ПКК) и другие польские представители, в том числе первые три представителя Технической комиссии ПКК. Помимо этого в «экскурсии» по Козьим Горам участвовала группа иностранных корреспондентов, состоявшая из «корреспондента шведской газеты «Стокгольме тиднинген» Едерлунд (*Jaerderlund*), корреспондента швейцарской газеты «Бунд» Шнетцер, корреспондента испанской газеты «Информасионес» Санчес и ряда других журналистов из стран, оккупированных Германией» и делегация из 6 военнопленных польских офицеров, привезенных из офицерских лагерей в Германии.

Надо полагать, что А.Шебеста в интервью в 1952 г. рассказывал о том, что он видел в Катыни. Другое дело, какие пропагандистские выводы А.Шебеста сделал в интервью. Их мы специально не затрагиваем. Нас интересуют, как уже говорилось, детали посещения им Катыни, которые ему не было смысла исказить.

Это, прежде всего, информация о том, что в начале апреля в Катыни было частично или полностью открыто НЕСКОЛЬКО могил, а не могилы № 1 и № 2, как утверждало большинство свидетелей и немецкие эксперты. Трупы выкладывались не согласно порядку их извлечения из могил, а в зависимости от их пропагандистской значимости. Не случайно впоследствии немецкий эксгумационный список был составлен без соответствия порядку извлечения останков из могил и слоев.

О том, что нацисты уделяли особое внимание контролю за ситуацией в Козьих Горах свидетельствует тот факт, что 17 апреля 1943 г. группу так называемых «экскурсантов» лично сопровождал уже упомянутый начальник разведки группы армии «Центр» полковник фон Герсдорф. Он же отвечал на вопросы корреспондентов (*Мацкевич*. Катынь. Глава 13). Нет сомнений, что благодаря своему статусу и авторитету фон Герсдорф мог заставить корреспондентов и польских представителей без особых вопросов пройти по четко заданному маршруту, избегая вскрытых захоронений, которые назавтра увидел Меньшагин. Вероятно, это и отметил А.Шебеста.

В этом плане поистине потрясающей является информация о том, что 17, 18, 19 апреля 1943 г., согласно дневнику эксгумации, трупы польских военнопленных НЕ ЭКСГУМИРОВАЛИСЬ, хотя как утверждали «очевидцы», работы в могилах велись. Чем можно это объяснить?

Вероятно тем, что накануне начала работы представителей Технической комиссии немцам необходимо было убрать все «улики», способные уличить их в фальсификации. Надо иметь в виду, что, согласно тому же немецкому дневнику эксгумаций, с 29 марта по 7 апреля включительно, изъятые из могил трупы в эксгумационном списке не фиксировались.

Сколько было извлечено из могил трупов за этот период можно только догадываться. Если учесть, что в Козьих Горах на раскопках ежедневно работали 35 местных жителей, а также советские военнопленные, то счет надо вести на тысячи. В этом плане заявление Б.Меньшагина о 5–5,5 тысячи трупов польских военнопленных, извлеченных на 18 апреля 1943 г. из могил останков польских военнопленных, становится вполне правдоподобным.

Естественно, все силы 18 и 19 апреля немцы бросили на скрытие «улик». Польские представители ПКК должны были свято верить в «безупречность» немецкой эксгумации и впоследствии отстаивать эту точку зрения. Их роль «подконтрольных свидетелей» была определена на совещании в министерстве имперской пропаганды 6 апреля 1943 г.

Говоря об идентификации расстрелянных поляков, ранее упоминаемый майор Бальцер предложил, чтобы она была проведена в пропагандистских целях, для чего необходимо

«привлечь членов польского Красного Креста под немецким контролем». На этом совещании подчеркивалось, что по поводу идентификации майор поддерживает связь с *«компетентными людьми группы армии «Центр».* Надо полагать, что в числе таких людей был начальник разведки группы армии «Центр» полковник фон Герсдорф.

В Катыни встреча польских представителей 17 апреля 1943 г. осуществлялась в соответствии с указанием министра рейхспропаганды Геббельса. Еще раз напомним это указание: *«Некоторые наши люди должны быть там раньше, чтобы во время прибытия Красного Креста все было подготовлено и чтобы при раскопках не натолкнулись на вещи, которые не соответствуют нашей линии. Целесообразно было бы избрать одного человека от нас и одного от ОКБ, которые уже теперь подготовили бы в Катыни своего рода поминутную программу».*

Выполнение такой поминутной программы и обеспечивал 17 апреля в Козьих Горах Рудольф фон Герсдорф. Несколько более подробно о нем. Фамилия фон Герсдорф встречается в «Катынском деле» не раз. Известная русская эмигрантка княжна Мария Васильчикова с отцом в 1943 г. снимали в Берлине часть виллы у Хайнца фон Герсдорфа, являющегося родным братом начальника разведки группы армии «Центр».

Примечательным в этой ситуации является то, что именно Васильчикова в октябре 1943 г. получила *«срочное задание: перевести заголовки под большим количеством фотографий останков около 4 тыс. польских офицеров, расстрелянных Советами и найденных в Катынском лесу под Смоленском нынешней весной».* По свидетельству М.Васильчиковой эти снимки должны были *«менее чем через неделю оказаться на столе у президента Рузвельта»* (Дневник М.Васильчиковой). Ясно, что фон Герсдорф и немецкая армейская разведка играли в «Катынском деле» и его фальсификации далеко не последнюю роль.

В свете вышесказанного особое значение приобретает факт обнаружения и опознания в числе первых 30 эксгумированных трупов останков польских генералов М. Сморовиньского и Б. Богатеревича. Фамилия Мечислава Сморовиньского прозвучала уже в первом сообщении «Радио Берлина» 13 апреля 1943 г. О Богатеревиче, который к тому времени также был идентифицирован, в первом сообщении почему-то не говорилось.

Проанализируем ситуацию с опознанием двух генеральских трупов, предполагая, что генералов расстреляли сотрудники НКВД. Известно, что к 9 апреля 1940 г., т. е. к моменту прибытия в Козьи Горы «генеральского» этапа (т. е. этапа с генералами М.Сморовиньским, Б.Богатеревичем и Х.Минкевичем) численностью в 91 чел., туда тремя этапами были доставлены 679 польских военнопленных из Козельского лагеря.

В могиле № 1 всего было захоронено 2500 расстрелянных польских офицеров из этого лагеря, уложенных в 10–12 слоев, т. е. в каждом слое примерно 200–250 тел. Если бы Сморовиньского и Богатеревича расстреляли сотрудники НКВД, то польские генералы должны были быть в группе офицеров с № 680 по 771.

Соответственно трупы генералов должны были находиться в глубине могилы № 1, в третьем или четвертом слое снизу. Каким же образом останки Сморовиньского и Богатеревича немцы ухитрились извлечь из нижних слоев массы спрессованных тел в числе самых первых эксгумированных трупов? Если верить дневнику, то останки польских генералов М.Сморовиньского и Б.Богатеревича были найдены и опознаны 8 апреля 1943, в первый день официальной эксгумации. Фамилии польских генералов в немецком эксгумационном списке немцы поставили под № 1 и 2.

Остается предположить, что немцы, делая демонстрационный шурф на всю глубину и длину могилы № 1, о чем упоминает Гетль, сразу же случайно наткнулись на останки генералов. Правда, вероятность подобной находки составляла всего 0,05 %. Но известно, что нацисты были способны творить и не такие чудеса. Особенно если заранее знать, что и где

надо искать. Для дополнительного пропагандистского эффекта можно было даже пригласить поприсутствовать при этом зрителей из числа мало искушенных в эксгумациях людей.

И действительно, стремясь обеспечить показную «объективность» расследования катынского преступления, немцы уже с начала апреля 1943 г., еще до первого официального сообщения по радио, приглашали на самые ПЕРВЫЕ вскрытия захоронений в Козьих Горах не только общественно значимых персон, но и просто посторонних людей, призванных сыграть роль свидетелей и очевидцев.

Российский журналист Владимир Абарин, один из первых исследователей Катынского дела, в книге «Катынский лабиринт» приводит свидетельство Людмилы Васильевны Васильевой (урожденной Якуненко), ныне живущей в Краснодаре, присутствовавшей при обнаружении останков генерала М.Сморавиньского.

«На глазах Людмилы Васильевны из могилы извлекли труп генерала, из планшета достали документы, среди которых ей запомнилась фотография красавца-генерала с женой и двумя детьми; врезалось в память имя «Мечислав». Таким образом. Л. В. Васильева присутствовала при эксгумации генерала Мечислава Сморовиньского» (Абарин. Катынский лабиринт. Глава 4). Васильева отмечала, что к моменту прибытия в Козьи Горы ее группы было вскрыто три могилы. Это, по данным дневника эксгумаций, произошло 8 апреля.

Вновь находим подтверждение того, что немцы манипулировали захоронениями. То есть 8 апреля, утверждает Л.Васильева, было вскрыто три могилы, и еще на одной сделан поперечный разрез с тем, чтобы продемонстрировать корни высаженных на поверхности молодых сосенок. А Фердинанд Гетль заявлял, что 12 апреля 1943 г., когда труп генерала был уже эксгумирован, только-только начали вскрывать вторую могилу!

Труп генерала М.Сморавиньского пролежал на открытом воздухе в Козьих горах в качестве «экспоната» больше месяца. 12 апреля 1943 г. его видел Ф.Гетль, 8 мая – Г.Яворовский, внимание которого привлек перстень с бриллиантом, находившийся на руке генерала. Интересно, каким образом немцы умудрились длительное время обеспечивать физическую сохранность останков генерала и его перстня с бриллиантом?

Учитывая все вышеприведенные свидетельства, налицо явно сознательное сокрытие нацистами точного времени и порядка вскрытия могил в Козьих Горах. Это позволяет утверждать, что немецкие эксперты манипулировали останками расстрелянных польских военнопленных и вещественными доказательствами, находившимися на них. Не случайно официальный эксгумационный список умышленно был составлен без указания слоев и могил, из которых извлекались трупы.

Можно предположить, что некоторые останки после тайного первичного извлечения из захоронений подвергались соответствующей обработке и только потом предъявлялись для эксгумации в присутствии представителей Технической комиссии ПКК. Учитывая заявление бургомистра Смоленска Меньшагина о 5–5,5 тысячи извлеченных из могил трупов, можно сделать предположение, что часть трупов польских военнопленных в силу каких-то причин немцы были вынуждены скрыть.

Более того, можно утверждать, что немцы не сумели или не захотели досконально исследовать все возможные захоронения польских военнопленных в Катыни и ее окрестностях.

Об этом свидетельствует следующий факт. Ссылаясь на *«летнее время»*, немцы отказались до конца вскрыть могилу № 8, с несколькими сотнями трупов. То же произошло с заполненным водой рвом, обнаруженным в Козьих Горах, из которого *«торчали части трупов»*. Немцы так и не дали насос для откачки воды и приказали ров засыпать. Члены технической комиссии ПКК своими силами за 17 часов работы *«извлекли из воды 46 трупов»*. Общее количество трупов во рву так и осталось невыясненным.

Надо заметить, что как в немецких документах, так и в отчете технической комиссии ПЖК отсутствует информация о том, что на раскопках могил работали советские военнопленные, что в могилах нашли останки польских ксендзов и женский труп. Вероятно, не случайно к работе с эксгумационными списками представители Польского Красного Креста были допущены только 20 апреля 1943 г., т. е. спустя неделю после прибытия в Катынь.

В Катыни выяснилось одно странное обстоятельство. Трупы расстрелянных людей сотрудники НКВД, как правило, беспорядочно сбрасывали в заранее вырытые ямы. Это подчеркивали в своих показаниях многие свидетели, в том числе бывший начальник УНКВД по Калининской области Д.С.Токарев.

Однако в Катыни ситуация была иная. В.Абаринов пишет: *«Немцы устраивали специальные «экскурсии» (в Катынь) для местных жителей... В.Колтурович из Даугавпилса излагает свой разговор с женщиной, которая вместе с односельчанами ходила смотреть вскрытые могилы: «Я ее спросил: «Вера, что говорили люди между собой, рассматривая могилы?» Рассуждения были таковы: «Нашим халатным разгильдяям так не сделать – слишком аккуратная работа». Рвы были выкопаны идеально под инур, трупы уложены идеальными штабелями. Аргумент, конечно, двусмысленный, к тому же из вторых рук».*

А вот аргументы из первых рук. В рапорте немецкой тайной полевой полиции от 10 июня 1943 г. за подписью лейтенанта Л.Фосса говорится: *«Исходя из положения трупов в братских могилах, следует предполагать, что большинство военнопленных было убито за пределами могил. Трупы располагались в беспорядке, и только в могилах 1, 2, 4 были уложены рядами и послойно» (Мацкевич. Катынь. Приложение № 14).*

«Чувствовал» Фосс, что на него будут ссылаться, и постарался запутать ситуацию, чтобы создать впечатление схожести катынских могил с захоронениями НКВД. Согласно отчету доктора Г.Бутца площадь могил № 1, 2, 4 составляла 75 % площади всех 8 «польских» могил в Козьих Горах (Мацкевич. Катынь. Приложение № 15). По данным доцента Мариана Глосека, проводившего раскопки в Козьих горах в 1994–1995 гг., в этих трех могилах было захоронено 3350 человека (или 80,1 %) из 4143 эксгумированных в Козьих горах, из них в могиле № 1 – 2500 чел. В результате рапорт Фосса следует понимать так: 80 % эксгумированных в Козьих Горах трупов были *«уложены рядами и послойно»* и лишь 20 % – в беспорядке.

Ф. Гетль также подчеркивал, что *«трупы погребались в строгом порядке и укладывались слоями, один на другой, в несколько этажей»* (Цитируется по: В.Абаринов. Катынский лабиринт).

А вот какую телеграмму из Варшавы от 15 мая 1943 г. переслал министру иностранных дел Великобритании Антони Идену посол Великобритании при Польской Республике Оуэн О'Малли: *«1. У подножья склона холма находится массовое захоронение в форме «L», которое полностью раскопано. Его размеры: 16х26х6 метров. Тела убитых аккуратно выложены в ряды от 9 до 12 человек, один на другого, головами в противоположных направлениях...» (Катынь. Расстрел. С 467–468)*

Можно согласиться со многим, но полагать, что сотрудники НКВД спускались в ров на 3-4-метровую глубину для аккуратной укладки расстрелянных рядами, да еще и «валетом», это из области невозможного. Налицо типичный немецкий обстоятельный подход – обеспечить максимальную заполняемость рва. Конечно, теоретически можно допустить, что и сотрудники НКВД могли пойти на такое. Но подобного не встречается ни в одном другом массовом захоронении людей, которых расстреляли НКВДшники.

Вещественные доказательства, найденные на трупах, немцы первоначально помещали не в бумажные конверты, а складывали в маленькие деревянные ящички с надписями на немецком языке, якобы для передачи родственникам погибших в Польше (Жаворонков. О чем молчал Катынский лес... С. 56. Сборник воспоминаний «Дорогами памяти». С.4).

Известный французский писатель и тележурналист, авторитетный историк и политик (бывший зам. министра иностранных дел Франции) Ален Деко в своем исследовании «Катынь: Гитлер или Сталин?» рассказал о судьбе француженки Катерины Девилье, перед войной попавшей в Польшу, потом в СССР и ставшей лейтенантом Красной Армии. Она написала статью «Что я знаю про Катынь», одну из первых публикаций на катынскую тему во французской прессе.

В отношении советских руководителей К.Девилье не питала иллюзий. Она писала: *«Советы лгали не меньше немцев»*. После освобождения Смоленска Девилье, разыскивая своего пропавшего дядю, в составе делегации от польской армии З.Берлинга одна из первых посетила еще сохранившийся немецкий музей *«советских зверств»* в Катыни.

В Катыни в списках расстрелянных весной 1940 г. К.Девилье увидела фамилию не только дяди Христиана, но и своего друга Збигнева Богуславского, который, как она точно знала, в апреле 1941 г. находился в заключении в Брест-Литовской крепости и, по этой причине, никак не мог быть расстрелян в Катыни весной 1940 г.! Позднее выяснилось, что в Козельском лагере в 1940 г. содержался еще один Збигнев Богуславский, полный тезка друга К.Девилье, но в музейной ячейке с вещественными доказательствами Катерина обнаружила фотографию именно своего знакомого и копию его письма матери от 6 марта 1940 г. с подписью Збигнева, которую она узнала.

Далее А.Деко пишет, что Катерина, *«вернувшись в Польшу, встретила фронтового товарища (З.Богуславского), который был поражен странным обстоятельством – письмом, которое он якобы написал своей матери. В тот момент, когда письмо было написано, он находился где-то в хабаровских рудниках и вряд ли мог писать вообще что-либо. Но подпись под письмом, вне всяких сомнений, была его собственная. «Вот только письмо... Но я никогда не писал его!» И в этот момент она поняла, что Катынь – дело, целиком сфабрикованное немцами»* (Деко. Великие загадки... С. 272–273).

Ален Деко в своей книге немного приоткрывает тайну, окутывающую процесс фабрикации нацистами «доказательств» в Катыни. Он пишет, что *«в 1945 г. молодой норвежец Карл Йохансен заявил полиции в Осло, что Катынь – самое удачное дело немецкой пропаганды во время войны. В лагере Заксенхаузен Йохансен трудился вместе с другими заключенными над поддельными польскими документами, старыми фотографиями...»* {Деко. Великие загадки... С.274–275).

Как видим, результаты эксгумации в Катыни, осуществленной в 1943 г. нацистами с помощью польских экспертов *«с немецкой дотошностью и методичностью»*, вызывают немало вопросов, на которые пока нет ответов.

Эксгумация по-польски

Анализ методов немецкой эксгумации в Катыни 1943 г. требует экскурса в 2006 г., когда выяснилось, что польские эксперты хорошо освоили «методику» немецких «эксгуматоров».

Польские археологи и историки работают в рамках Катынского дела на территории бывшего СССР, начиная с 1991 г. За это время они по итогам эксгумаций «достоверно»(?) установили 66 захоронений расстрелянных польских граждан: 15 – в Пятихатках (Харьков), 25 – в Медном (Тверь), 8 – в Козьих Горах (Смоленск), 18 – в Быковне (Киев).

К сожалению, мы не располагаем данными о методике, по которой те или иные захоронения в Пятихатках, Медном и Быковне признавались «польскими» или «советскими». Надо полагать, методика идентификации «польских» захоронений является традиционной – по документам и предметам, позволяющим установить, что останки в эксгумированных могилах принадлежат польским гражданам.

Однако на основании анализа открытых публикаций польских участников эксгумаций и рассказов очевидцев, можно сделать вывод о том, что действительное количество эксгумированных в 1994–1996 гг. в Медном и Пятихатках останков польских военнослужащих существенно меньше официально обнародованных польскими экспертами цифр по этим спецкладбищам и что польские археологи сознательно выдавали останки советских людей за польских военнопленных.

Это подтверждают раскопки в киевской Быковне, которые польские эксперты проводили в 2001 и 2006 гг. До этого было установлено, что близ этого поселка в 1936–1941 гг. «были захоронены трупы репрессированных советских граждан» (Память Биковш. С. 66). И вдруг в августе 2006 г. секретарь польского Совета охраны памятников борьбы и мученичества Анджей Пшевозник заявил Польскому агентству печати, что в Быковне под Киевом открыты первые могилы поляков, убитых НКВД в 1940 году. При этом подчеркнул: «Обнаружили то, что искали» (ПАП. Варшава. 8 августа 2006 г.).

В августе 2001 г. тот же А.Пшевозник писал в Государственную межведомственную комиссию по делам увековечения памяти жертв войны и политических репрессий Украины: «На основании сведений, полученных в ходе следствия, проведенного российской военной прокуратурой, установлено, что в Быковне под Киевом захоронены бранные останки польских граждан, в том числе офицеров, убитых киевским НКВД в 1940–1941 гг. на основе решения Политбюро ЦК ВКП(б) Советского Союза от 5 марта 1940 года... Группа, покоящаяся в Быковне, это около 3500 поляков, погибших на территории Украины».

В ответ Владимир Игнатъев, следователь по особо важным делам Киевской городской прокуратуры, который вынес в 1989 г. постановление о том, что в Быковне захоронены жертвы НКВД, а не нацистов, сообщил: «Мы нашли в 1989 г. останки 30 польских офицеров. Держали их на Лукьяновке вместе с женщинами. Можно говорить о трагической гибели 100–150 поляков. Но 3500 офицеров в Быковне – это миф».

Киевский «Мемориал», проведя свое расследование, также заявил, что заявления польской стороны о захоронении в Быковне 3500 польских граждан из катынского «украинского» списка являются «мифом», и что в действительности в

Быковне захоронены не более 270 репрессированных польских граждан.

Ссылка А.Пшевозника на российскую военную прокуратуру, якобы установившую в ходе следствия, что в Быковне захоронены 3500 поляков из катынского «украинского» списка, откровенная ложь. Вот так 270 расстрелянных в Быковне поляков, стараниями «главного польского мученика» превратились в 3500. А для доказательства поляки «соответствующим» образом организовали эксгумационные раскопки.

11 ноября 2006 г. киевский еженедельник «Зеркало недели» опубликовал статью, в которой раскрыл некоторые «тайны» польской эксгумации в Быковне. Установлено, что летом 2006 г. раскопки здесь проводились с грубыми нарушениями украинского законодательства и игнорированием элементарных норм и общепринятой методики проведения эксгумаций: не велось полевое описание находок, отсутствовала нумерация захоронений, человеческие кости собирались в мешки без указания номера могилы, при эксгумациях не присутствовали представители местных властей, МВД, прокуратуры, санитарной службы, судмедэкспертизы и т. д. Выяснилось также, что с аналогичными нарушениями проводилась в Быковне и предыдущая серия раскопок и эксгумаций в 2001 г. Не напоминает ли это те нарушения, которые немцы при молчаливом согласии поляков допускали в ходе раскопок в Катыни в 1943 г.?

Возможно, подобным сомнительным образом были «установлены» массовые польские захоронения в мемориальном комплексе «Медное» под Тверью?

Комплекс «Медное» состоит из двух частей. В одной, как утверждают надписи на мемориальных досках, захоронены 6311 военнопленных поляков, в другой – 5000 советских людей, ставших жертвами репрессий в 1930–1940 годы. Помимо этого на территории мемориала находятся два захоронения советских воинов, умерших в госпиталях и медсанбатах.

Члены тверского «Мемориала» и сотрудники Тверского УФСБ к 1995 г. установили по архивным следственным делам, а затем опубликовали фамилии и имена 5177 жертв, расстрелянных в Калинин в 1937–1938 гг. и 1185 – в 1939–1953 гг. Считается, что около 5000 из них захоронены на спецкладбище в «Медном». Однако найти конкретные места захоронения репрессированных советских людей так и не удалось.

Польские археологи прозондировали всю территорию спецкладбища «Медное» и его окрестности. Они пришли к твердому убеждению, что, помимо обнаруженных на спецкладбище 25 «польских могил» и 2 советских захоронений за пределами спецкладбища, никаких других захоронений в этом районе не существует. К такому же выводу пришли и специалисты Тверского УФСБ, проводившие зондажные бурения в «Медном» осенью 1995 г. Возникает вопрос, если на спецкладбище в «Медном» находятся захоронения лишь польских военнопленных, то куда исчезли захоронения расстрелянных советских людей?

В этой связи интерес представляют следующее свидетельство. В отчете о служебной деятельности 155-го полка войск НКВД по охране Беломоро-Балтийского канала им. тов. Сталина за 1-е полугодие 1941 года (от 9 июля 1941 г. № 00484) сообщается, что: *«На участке 1 и 2 роты в январе месяце с/г прибыло несколько этапов з/к в лагерь около 2-го шлюза, один из этапов был с з/к западных областей Белорусской и Украинской ССР исключительно бывшие полицейские и один в Волозерское отделение севернее 7-го шлюза в 5 км»* (РГВА, ф. 38291, оп.1, д.8, л.99).

В отчете подчеркивается, что бывшие польские полицейские были из западных областей Белоруссии и Украины. Это могли быть только полицейские из Осташковского лагеря. Все разговоры о том, что их могли спутать с полицейскими, интернированными в Литве летом 1940 г., несерьезны. Наиболее вероятно, что эти военнопленные были размещены в Маткожненском исправительно-трудовом лагере Главного управления лагерей гидротехнического строительства НКВД СССР. Однако, несмотря на неоднократные запросы, не удалось установить даже место хранения архивных материалов Маткожненского ИТЛ.

Весной 1990 г. житель Калинина Александр Емельянович Богатиков сообщил представителю калининского (тверского) «Мемориала» Марэну Михайловичу Фрейденбергу о том, что в 1943 г. он отбывал срок заключения в лагере на Дальнем Востоке. Вместе с ним сидел поляк из Осташковского лагеря, рассказавший, как в начале 1940 г. в лагере среди военнопленных отбирали специалистов по радиоделу. Остальных позднее отправили в Мурманск (<http://katyn.ru/index.php?go=Pages8dn=view&id=626>).

Кстати, польский исследователь катынского преступления Ю.Мацкевич в книге «Катынь» утверждал, что *«более 6 тысяч военнопленных из Осташкова вывезли на станцию Бологое на железнодорожной линии Ленинград – Москва, где след их затерялся в бескрайних лесах, тянущихся к северо-востоку от станции...»*. Получается, что в «Медном» захоронена лишь небольшая часть поляков, на основе останков которых все захоронения в «Медном» были объявлены польскими.

Ю.Мацкевич приводит свидетельство Катажины Гонщецкой, жены одного без вести пропавшего польского офицера, направленной на принудительные работы в район устья реки Печоры. 26 января 1943 г. она явилась в канцелярию 5 полка Польской Армии под командованием Андерса и заявила, что во время плавания по Белому морю в июне 1941 г., матрос из команды парохода рассказал ей, что в 1940 г. две баржи с 7 тысячами заключенных, большинство из которых составляли служащие польской полиции и польские офицеры, были затоплены в Белом море (Мацкевич. Гл. 18, раздел «Судьбы Осташкова»).

Ю.Мацкевич также приводит свидетельство старшего постового польской полиции А. Воронцового, которому один из лагерных охранников заявил, что *«польских военнопленных из Осташкова утопили»* (Мацкевич. Глава 4). Ю.Мацкевич эту версию отвергает как нелогичную. Зачем надо везти в такую даль заключенных, если проще их расстрелять на месте, как в Катыни?

Однако В. Абаринов в книге «Катынский лабиринт» приводит свидетельства двух поляков: И. Выховского из Гданьска и Т. Чижана из Сопота, которые в 1954 г. работали на ленинградской судовой верфи «Петрозавод». Там один советский технолог, который в 1940 г. работал юнгой на буксире, рассказал им, что однажды он участвовал в буксировке шаланд (баржи с открывающимся дном) с несколькими тысячами пленных польских полицейских в Белое море. Шаланды вернулись в порт пустыми (Абаринов. Глава I, раздел «Осташков»).

А. Деко, ссылаясь на комиссию по переписи польских военнопленных, созданную в армии Андерса, говорит о *«свидетельствах двух женщин (независимо одно от другого): они уверяли, что в 1940 г. в Белом море были затоплены две огромные баржи с 7000 польскими офицерами и лейтенантами на борту»* (Деко. Великие загадки... С. 227). Как удалось выяснить, никто данную версию не проверял. Всех удовлетворяет официальная версия.

В связи с вышесказанным возникает подозрение, что, возможно, в «Медном» захоронены не 6311 поляков, а 297 расстрелянных польских офицеров полиции, жандармерии, погранвойск, а также разведчиков и провокаторов из Осташковского лагеря, на которых имелся «компромат».

Немало вопросов вызывают польские захоронения в Пятихатках. Станислав Микке в своей книге «Спи, храбрый...» пишет, что в ходе эксгумаций в 1995–1996 гг. на спецкладбище в Пятихатках польские археологи обнаружили следы *«замаскированных»* скважин диаметром 60, 80 и 90 см., пробуренных механическим путем вглубь, только 15 захоронений, признанных «польскими». Более того, в могиле № 7 в центре был обнаружен шурф, идущий через всю могилу. Во всех

15 могилах были зафиксированы *«нарушения анатомической целостности захоронений»*. В остальных 60 захоронениях, признанных «советскими», подобные скважины отсутствовали. Некоторые исследователи полагают, что через эти скважины в захоронения была подброшена польская атрибутика.

Из 15 «польских» могилах в Пятихатках были эксгумированы останки 4302 человек, которые на основе найденной польской атрибутики были признаны польскими гражданами. Надо заметить, что из Старобельского лагеря в апреле-мае 1940 г. в *«распоряжение начальника Харьковского УНКВД»* было направлено всего 3.896 польских военнопленных. В то же время согласно записке А.Н.Шелепина в Харькове было расстреляно 3.820 человек (Катынь.

Расстрел. С. 167, 563). Откуда в польских могилах в Пятихатках почти 500 дополнительных трупов?

В 1991 г. жители говорили, что несколько лет назад на спецкладбище ночами велись какие-то буровые работы. Власти объясняли это тем, что проводилась санобработка захоронений. С этим можно было бы согласиться, если бы не следующие вопросы. Зачем надо было бурить скважины почти метрового диаметра, если для закачки дезинфицирующего раствора достаточно 100-мм скважины? Почему работы велись ночью? Почему обрабатывались только «польские захоронения»? Возможно, для того, чтобы судьба почти 4 тысяч польских офицеров из Старобельского лагеря не вызывала лишних вопросов.

«Посторонние» поляки в Катыни

Существенный удар по немецкой и, соответственно, польской версии катынского преступления наносит факт наличия в немецком эксгумационном списке 1943 г. так называемых «посторонних», то есть тех, кто не числился в списках Козельского лагеря. Польские эксперты всегда настаивали, что в Катыни (Козьих Горах) расстреливались только офицеры и исключительно из Козельского лагеря.

Но в катынских могилах были также обнаружены трупы поляков, содержащихся в Старобельском и Осташковском лагерях. Эти поляки могли попасть из Харькова и Калинина в Смоленскую область только в одном случае – если их в

1940 г. перевезли в лагерь особого назначения под Смоленск. И расстрелять их могли только немцы!

К примеру, польская сторона упорно замалчивает тот факт, что эксгумированные в мае 1943 г. в Козьих Горах Шкута Станислав (№ 2398 в немецком эксгумационном списке – «Szkuta, Stanislaw, Lt. Impfschein, Mitgliedskarte d. Res.- Offiz.», опознан по справке о прививке и членскому билету офицера-резервиста) и Ярош Хенрик (в немецком эксгумационном списке № 3196. Jaros, Henryk. Res.-Offiz.-Ausweis (unleserlich), опознан по удостоверению офицера запаса) никогда не содержались в Козельском лагере и не направлялись весной 1940 г. «в распоряжение начальника УНКВД по Смоленской области».

В Козельском лагере не содержалось ни одного человека с похожими именами и фамилиями, поэтому с почти 100 % вероятностью эти польские офицеры идентифицируются как содержащиеся в Старобельском лагере для военнопленных подпоручик Шкута Станислав Францишкович (Szkuta Stanislaw s. Franciszka), 1913 г.р. и капитан запаса Ярош Хенрик Стефанович (Jarosz Henryk s. Stefana), 1892 г.р.

Установлено, что и Шкута и Ярош весной 1940 г. этапировались не в Смоленск, а в Харьков. Там они оба, по официальной версии, якобы были сразу же расстреляны и захоронены на спецкладбище в Пятихатках, на котором в настоящее время установлены мемориальные таблички с их именами. Немецко-польская версия не способна объяснить, каким образом Шкута и Ярош оказались в Козьих Горах.

28 мая 2005 г. в варшавском Королевском замке состоялась 15 сессия традиционной ежегодной Катынской конференции. На ней с докладом о присутствии «посторонних» поляков в катынских могилах выступил член международного общества «Мемориал» Алексей Памятных.

«Посторонних» в немецком эксгумационном списке, согласно данным российского военного историка Юрия Зори, числилось 543, согласно данным польского военного историка Марека Тарчинского – 230 человек. А.Памятных утверждает, что ему удалось доказать, что эти расхождения в списках являются мнимыми. По его мнению, они были вызваны неверным написанием польских фамилий по-немецки и по-русски.

Но рассуждения А. Памятных не совсем корректны. Так, он утверждает, что фамилия «Шкута» (Szkuta) – это искаженная фамилия «Секула» (Sekula) офицера из Козельского лагеря. Но он не учел того обстоятельства, что в немецком эксгумационном списке первым документом, по которому проводилось опознание Станислава Шкуты, указана справка о прививке – «Impfschein» (см. выше). Польское удостоверение личности офицера запаса – «Mitgliedskarte d. Res.-Offiz.», указано лишь вторым.

Даже если предположить, что польское удостоверение Шкуты было заполнено штабным писарем неразборчивым почерком и из-за длительного нахождения в сырой могиле читалось с трудом, то его фамилию должны были уточнить по тексту справки о прививке, составленной советским лагерным врачом по-русски. Можно спутать фамилии «Szkuta» и

«Sekula», написанные по-польски небрежным почерком, но написанные по-русски фамилии «Шкута» и Секула» спутать просто невозможно!

Надо иметь в виду, что в составлении эксгумационного списка, наряду с немецкими экспертами, участвовали специалисты из польской Технической комиссии. При таких условиях сложно согласиться с тем, что каждая двенадцатая-пятнадцатая фамилия в этих списках была полностью искажена. Так что вывод А.Памятных о том, что в Катыни *«захоронены только узники Козельского лагеря»*, сомнителен (Новая Польша. № 7–8, 2005).

25 апреля 1944 г. издаваемая в Лондоне голландская газета «Войс оф Недерланд» писала, что, по сообщениям подпольной голландской газеты, в Голландию прибыла на отдых группа германских служащих полевой жандармерии. Немцы рассказывали, что в Катыни было расстреляно много одетых в польское военное обмундирование евреев из Польши, которых до этого заставляли рыть могилы для польских военнопленных (ГАРФ, ф. 4459, оп. 27, ч. 1, д. 3340, л. 56).

Смоленский историк Л.В.Котов, находившийся в Смоленске весь период немецкой оккупации и собравший солидный документальный архив по Катынскому делу, в статье «Трагедия в Козьих Горах» утверждал, что *«гитлеровцы доставили в Смоленск около двух тысяч евреев из Варшавского гетто весной 1942 года... Евреи были одеты в польскую военную форму. Их использовали на строительстве военноинженерных сооружений, а потом? Потом расстреляли... Может быть, в Козьих Горах?»* (Политическая информация.

№ 5, 1990 г. С. 57).

Путем сравнительного комплексного анализа эксгумационного списка установлено, что не менее 20 % всех эксгумированных в Катыни составляли люди, одетые не в военную униформу (в гражданской одежде с отдельными элементами военной формы: металлические пуговицы, сапоги, офицерское белье и т. д.). У многих из них были обнаружены документы офицеров. В то же время известно, что офицеры в гражданской одежде составляли незначительную часть в этапах, отправленных из Козельского лагеря в апреле-мае 1940 г. В отчете д-ра Г.Бутца в пункте 3 «Итогов расследования» особо подчеркивалось, что *«все трупы были одеты в хорошо пригнанные польские мундиры, по которым в большинстве случаев можно было распознать звание»*.

Вместе с тем известно, что 221 эксгумированных трупа в Козьих горах принадлежали абсолютно гражданским лицам. Причем, пишет Ф. Гаек: *«Трупы гражданских были обнаружены не только в одной могиле и даже не на одном месте той же могилы, но были рассеяны среди казненных офицеров в разных могилах и слоях. Из этого следует, что гражданские не были казнены все одновременно, но к каждой группе офицеров была присоединена меньшая группа гражданских»* (Гаек. Катынские доказательства. С. 14). До сих пор нет ясности, что это были за люди.

Помимо этого установлено, что из 4143 эксгумированных немцами трупов 688 трупов были в солдатской униформе и не имели при себе никаких документов. Что это за военнослужащие также неизвестно.

Л. Ежеский, говоря о работе специальной комиссии Н.Н. Бурденко в январе 1944 г., акцентировал одну деталь: *«Журналисты и дипломаты, которые побывали в Катыни в январе 1944 года, в один голос утверждали, что останки поляков были не в офицерской форме, а в солдатской»* (Ежеский. Глава «Преступление и политика»).

Однако Л.Ежеский ошибался. Трупы, которые эксгумировала комиссия Бурденко, были как в солдатской, так и в офицерской форме. Это хорошо видно в документальном фильме о советской эксгумации в Катыни в 1944 г. Л.Ежеский, сам не подозревая, акцентировал очень важный факт, что в Катыни захоронены не только офицеры из Козельского лагеря.

Возникает закономерный вопрос: что за польские солдаты и лица в гражданской одежде оказались в катынских могилах, если в Козельском лагере содержались только офицеры, абсолютное большинство которых было одето в офицерскую форму?

«Двойники» и «живые мертвецы» Катыни

Немецкий эксгумационный список 1943 г. скрывает и другие тайны. Фактом, убедительно свидетельствующим об умышленных манипуляциях немецких оккупационных властей с документами катынских жертв во время проведения раскопок в Козьих Горах, является наличие в официальном эксгумационном списке значительного числа «двойников».

Если верить немцам, то польский капитан Чеслав Левкович (Czeslaw Lewkowicz) был эксгумирован в Козьих Горах дважды – первый раз 30 апреля 1943 г. под № 761 и второй раз —

12 мая 1943 г. под № 1759. «Первый» труп капитана Ч. Левковича опознали по справке о прививке № 1708, фотографии, золотому кресту на цепочке с надписью «Kroutusiowi – Nulka» и свидетельству о производственной травме, найденной на теле. «Второй» труп капитана Левковича опознали по расчетно-сберегательной книжке, удостоверению артиллериста и письму от Янины Дембовской из Гостына.

«Первый» труп Мариана Перека (Marian Perek) эксгумировали и опознали 10 мая 1943 г. под № 1646 (почтовая открытка, два письма и блокнот), «второй» труп – 24 мая 1943 г. под № 3047 (офицерское удостоверение и записи из Козельска на русском языке).

Яна Гославского (Jan Goslawski) опознали первый раз 10 апреля 1943 г. под № 107 (удостоверение личности, справка о прививке № 3501, письмо военного министерства) и второй раз 6 июня 1943 г. – под № 4126 (два письма).

На сегодняшний день таких «двойников» в эксгумационном списке уже выявлено не менее двадцати двух! Все эти 22 польских офицеров действительно содержались в Козельском лагере для военнопленных и весной 1940 г. были отправлены из Козельска в Смоленск с формулировкой *«в распоряжение начальника УНКВД по Смоленской области»*.

Ни в одном случае опознания «двойников», комплекты документов на одну и ту же фамилию, найденные на двух разных трупах, не совпадали. Объяснить такое большое число «двойников» случайностями (например, что часть документов в момент эксгумации выпала из кармана одного и случайно попала в карман соседнего, что эксперты при упаковке документов перепутали конверты и пр.) невозможно, поскольку трупы «двойников» извлекались из разных могил в разные дни, иногда с интервалом в несколько недель!

Удивительным фактом является то, что некоторые польские офицеры, числившиеся в немецком эксгумационном списке, на самом деле оказались живы после окончания войны. Факт реальности существования в Польше «живых мертвецов» из Катыни подтверждает публикация В. Шуткевича «По следам статьи «Молчит Катынский лес», в которой приводится письмо подполковника в отставке, бывшего офицера Войска Польского Б.П.Тартаковского. Борис Павлович пишет, что, когда их часть стояла в польском городе Урсус, в дом, рядом с которым квартировал Тартаковский, *«вернулся майор Войска Польского, фамилия которого значилась в списках офицеров, расстрелянных в Катыни»* («Комсомольская правда». 19 апреля 1990 г.).

Такие случаи были не единичны. Достаточно напомнить судьбу выдающегося польского юриста, профессора, подпоручика Ремигиуша Бежанека, числившегося в списках катынских жертв под № 1105, но прожившего в Польше после войны долгою и счастливую жизнь. Немцы в Катыни «опознали» трупы и других вернувшихся после окончания войны в Польшу людей. Например, на одном из трупов в Катыни были найдены документы известного по своим послевоенным публикациям в польской печати Францишека Бернацкого. В катынских списках числился и Марьян Яняк, умерший в Познани в 1983 г. (это отец председателя Национального Совета Швейцарии в 2005–2006 гг. Клода Жаньяка) и др. Не будем вдаваться в анализ попыток польских властей объяснить подобные факты, главное,

что большая часть поляков, оставшихся в живых после Катыни, предпочитала не рекламировать свою судьбу.

Российский журналист, 26 лет проработавший в Польше, в частной беседе заявил авторам, что в 1960-70 годы его несколько раз знакомили с живыми поляками из катынского эксгумационного списка, но те категорически отказались от дальнейших контактов с советским корреспондентом, как будто от этого зависела их жизнь.

Необходимо заметить, что при изучении списков, погибших в Катыни, нередко делались не совсем верные выводы. Так, журналист-исследователь В.Абаринов, работая в архиве, решил сверить списки поляков, попавших в категорию особо опасных государственных преступников и отконвоированных 136-м отдельным конвойным батальоном по запросам следователей во второй половине 1940-го – начале 1941 года, со списком катынских жертв, составленным Адамом Моциньским (Lista Katynska. GRYF, London, 1989). *«Врезультате обнаружилось ошеломляющее обстоятельство: люди числятся расстрелянными весной 1940 года, а между тем спустя месяцы после катынских расстрелов их перевозят из лагеря в лагерь, в Москву, Минск, Смоленск...».*

Выяснилось, что из 63 подконвойных, этапированных в период сентября 1940 г. – 5 февраля 1941 г. из Козельского лагеря, 26 человек, указанных в списке А.Моциньского, были живы. В.Абаринов пишет: *«Факт, что эти люди были живы в означенные сроки, не подлежит сомнению. Однако среди живых их не оказалось. Единственная гипотеза: они погибли позже. После Катыни. Выяснение их судьбы должно составить предмет специального исследования. Во всяком случае, эти имена необходимо выделить в особый список и заниматься ими отдельно»* (Абаринов. Глава 1, раздел «Хроники Козельска»).

Однако дальнейшие исследования выявили ошибочность выводов В.Абарина. В так называемый *«список катынских жертв»* А.Моциньский включил и поляков, попавших в советские лагеря после вхождения Прибалтики в состав СССР в августе 1940 г. Эти поляки также числились расстрелянными в Катыни. Именно их этапировали из Козельского лагеря во второй половине 1940 г., так что в марте-апреле 1940 г. они не могли быть расстреляны в Катыни. Места их гибели до сих пор не установлены.

Тем не менее методика сверки списков, предложенная В.Абаринным, перспективна и, если ее продолжить, может дать неожиданные результаты. Но пока этим некому заниматься.

Вышесказанное показывает, насколько сложно и противоречиво расследование «Катынского дела». Следует добавить, что из первых 300 номеров первоначального эксгумационного списка, обнародованного в апреле 1943 г., позднее по неизвестным причинам исчезли 84 фамилии опознанных польских офицеров. Возможно, часть из них оказались живыми, а другие не «вписывались» в немецкую версию «Катынского дела».

Кто оставил улики в Катыни?

Установление даты расстрела польских военнослужащих в Катыни было осуществлено на основании документальных свидетельств, найденных на трупах.

По немецким данным, в Козьих Горах в марте-июне 1943 г. было эксгумировано 4143 трупа, по польским данным – 4243 (Катынский синдром. С. 366). По немецким данным, 2815 (67,9 %) из них были опознаны с полным обоснованием. Польские данные и здесь разнятся от немецких – ПКК поначалу заявил об опознании 2730 человек, но опубликованный поляками в 1944 г. в Женеве официальный список опознанных катынских жертв содержит только 2636 имен.

Расхождение немецких и польских данных относительно эксгумированных и опознанных поляков весьма симптоматично. Оно может свидетельствовать о том, что поляки были вынуждены изъять из своих списков фамилии 179 эксгумированных и опознанных в Козьих Горах польских офицеров, так как реальная их судьба противоречила немецкой версии.

Опознание проводилось по найденным на телах документам и предметам с именами владельцев. Обычно это были офицерские удостоверения или другие именные документы (паспорта, индивидуальные жетоны, финансовые аттестаты, наградные удостоверения, свидетельства о прививках и т. д.) На трупах также были найдены крупные суммы денег, множество ценных вещей и предметов военной амуниции. Необходимо заметить, что в советских лагерях польским военнопленным категорически запрещалось иметь при себе деньги на сумму свыше 100 руб. или 100 злотых, ценные вещи, воинские документы, предметы военного снаряжения и т. д.

Поразительное по своей наивности объяснение этому предлагает Ю.Мацкевич. Иностранные корреспонденты, посетившие Козьи Горы в апреле 1943 г., задали сопровождавшему их полковнику фон Герсдорфу вопрос: *«Почему большевики оставили на телах убитых все документы и вообще все то, что палачи не хотели взять себе как ценность? – Потому, – ответил Герсдорф, – что в 1940 году большевикам не могло прийти в голову, что убитые ими где-то в глубине России, под Смоленском, могут быть вскоре выкопаны и опознаны каким-то их врагом»* (Мацкевич. Катынь. Глава 13).

Видимо, ни Мацкевич, ни полковник Герсдорф никогда не слышали о пункте 10 «Временной инструкции о порядке содержания военнопленных в лагерях НКВД» от 28 сентября 1939 г., в соответствии с которым *«принятые лагерем военнопленные перед тем, как разместит их в бараки, проходят осмотр... Обнаруженное оружие, ВОЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ и другие запрещенные к хранению в лагере предметы отбираются»*.

Надо помнить, что весной 1940 г. речь шла о сверхсекретной операции, поэтому если бы поляки были расстреляны сотрудниками НКВД, то любые документы и вещи, позволяющие идентифицировать трупы, перед расстрелом были бы у всех изъяты.

Категорическое требование о безусловном и тщательном изъятии любых вещей, позволяющих опознать личность расстрелянного, содержалось в должностной инструкции НКВД СССР по производству расстрелов, которой сотрудники наркомата неукоснительно придерживались в самых сложных ситуациях.

К примеру, немцы летом-осенью 1941 г. в пропагандистских целях публично вскрывали в оккупированных советских городах могилы, в которых были захоронены люди, действительно расстрелянные сотрудниками НКВД. Однако никаких документов или именных вещей в тех могилах обнаружить не удалось – жертвы опознавались только на основании показаний родственников или знакомых.

Не было найдено никаких документов, позволяющих установить личности, на трупах заключенных тюрем Прибалтики, Западной Украины и Белоруссии, которых в конце июня

– начале июля 1941 г. при отступлении в спешке расстреляли сотрудниками НКВД и НКГБ по причине невозможности эвакуации. А в Козьих горах на 2815 опознанных трупах было найдено (внимание!) 3184 предмета, позволявших установить личность погибших! (Катынский синдром. С. 156).

Тем не менее представители общества «Мемориал» считают, что сотрудники НКВД придерживались требований служебной инструкции о порядке производства расстрелов – обыскивали приговоренных и отбирали у них документы и вещи с индивидуальными признаками лишь при проведении судебных расстрелов в помещениях тюрем. В этом случае после расстрела тела казненных перевозились к местам захоронений и беспорядочно сбрасывались в заранее выкопанные ямы.

Но при проведении массовых расстрельных акций, непосредственно рядом с местом захоронения, требования инструкции сотрудниками НКВД якобы не выполнялись – приговоренные перед расстрелом не обыскивались, документы и именные вещи у них не изымались, а трупы укладывались ровными слоями. В качестве обоснования этой позиции представители «Мемориала» ссылаются, что при эксгумациях массовых НКВДешных захоронений в Куропатах, Томске, Сандармохе и других местах на трупах находили личные вещи, медальончики, записки и нательные крестики, *«но не в таком большом количестве, как в Катыни»*. Однако фактов об укладке сотрудниками НКВД трупов казненных ровными рядами представители «Мемориала» не представили.

Немцы в отношении пленных польских офицеров старались придерживаться Женевской «Конвенции о содержании военнопленных» от 27 июля 1929 г., статья 6 которой гласила: *«Документы о личности, отличительные знаки чинов, ордена и ценные предметы не могут быть отняты от пленных»*. Поэтому выводы напрашиваются сами.

Дата расстрела и захоронения польских военнослужащих в Катыни была установлена следующим образом. Руководитель эксгумационных работ доктор Герхард Бутц в своем отчете подчеркивал, что *«нельзя определенно решить априори, сколько времени трупы пролежали в земле. При оценке следственных материалов, особенно когда вопрос касается определения даты смерти жертв, крайне важно учитывать внешние обстоятельства каждого конкретного случая. Ввиду этого особое значение приобретают найденные документы и газеты, неоспоримо указывающие на весну 1940 года как время казни»* (Мацкевич. Катынь. Приложение 15)

Российский журналист, а в настоящее время корреспондент радио «Свободы» в Вашингтоне, Владимир Абаринов недавно дополнил свою книгу «Катынский лабиринт» 7-й главой, в которой, ссылаясь на авторитетное мнение членов комиссии академика Топорнина, сообщил, что *«даже современная судебная медицина во всеоружии современных методов исследования не в состоянии определить время расстрела с точностью до полугода. Поэтому международная комиссия, работавшая в Катыни в 1943 году по приглашению немецких оккупационных властей, этого и не сделала: дата была установлена по документам, найденным на трупах»*.

Метод псевдокалуса, предложенный венгерским экспертом профессором Оршосом для датировки захоронений (твердые отложения на поверхности мозговой массы), по мнению специалистов комиссии Топорнина, судебно-медицинской практикой не подтвердился. Но выводов, основанных на вещественных доказательствах, это не отменяет».

Поэтому нельзя умолчать о главе «Мои катынские открытия» книги «Катынь» Ю.Мацкевича. Польского журналиста при посещении Катыни поразило, что лес в окрестностях могил *«был усеян множеством газетных лоскутков, наряду с целыми страницами и даже целыми газетами... датировка этих газет, найденных на телах убитых, указывает, если рассуждать здраво и честно, на не подлежащее никакому сомнению время массового убийства: весна 1940 года»*.

Ю.Мацкевич особо акцентировал значение газет как *«вещественного доказательства в разрешении загадки: когда было совершено массовое убийство?»*. Советские газеты, датированные началом 1940 г., находили на катынских трупах повсюду – в карманах, в голенищах сапог, за отворотами шинелей, причем в прекрасной сохранности. Однако уже упомянутый чешский эксперт доктор Ф.Гаек отмечал, что *«невозможно поверить, что по истечении 3-х лет их целостность и читаемость была такая, в какой их действительно обнаружили»* (Гаек. Катынские доказательства. С. 191).

В политдонесении из Козельского лагеря от 4 февраля 1940 г. сообщалось, что Козельский лагерь получал всего 80 экз. «Глоса Радзецкого» на польском языке, т. е. 1 экз. на 55 человек. Газет на русском языке было еще меньше. При этом газеты пленным на руки, как правило, не выдавались. В основном они имелись лишь на специальных стендах и в виде подшивок в «красных уголках». Остается только предполагать, откуда в таких условиях могли попасть в карманы трупов *«сотни и сотни советских газет от марта – апреля 1940 г.»*.

Газеты в катынских могилах могут быть как косвенным доказательством вины НКВД, так и прямым доказательством правоты свидетельств К.Девалье и К.Йоханссена о фальсификации немцами катынских вещественных доказательств.

Однако Ю.Мацкевич, пытаясь представить безупречной позицию нацистов в «Катынском деле», допустил непростительную оплошность. По горячим следам, сразу по возвращении из Катыни, когда журналист еще не успел полностью осмыслить увиденное, он написал статью в газету «Гонец Цодзенны» («Goniec Codzienny») (№ 577, Вильно, 3 июня 1943).

Говоря о Катынском лесе, Мацкевич отметил: *«В общем, лес в этом месте выглядит мерзко. Скажем, так, как выглядит пригородный лесок после маевки, после того, как там побывали неряшливые любители природы, которые по выходным располагаются под деревьями, а уходя, оставляют после себя объедки, окурки, бумажки, мусор. В Катыни среди этого мусора растут бессмертники. Приглядевшись, мы замечаем, пригвожденные к месту необычайным зрелищем. Никакой это не мусор. Восемьдесят процентов «мусора» – деньги. Польские бумажные банкноты, преимущественно большого достоинства. Некоторые в пачках по сто, пятьдесят, двадцать злотых. Лежат кое-где и отдельные мелкие – по два злотых – купюры военного выпуска...»*.

Мацкевич выдал «страшную тайну», написав о том, что в Катынском лесу лежали так называемые «краковские» злотые выпуска 1 марта 1940 года, имевшие хождение на территории польского генерал-губернаторства. Замена предвоенных двухзлотовых купюр с датой «хх.хх.1936» на краковские производилась с 8 по 20 мая 1940 года. В то же время первый этап польских офицеров из Козельского лагеря убыл в Смоленск 3 апреля 1940 г., а последний – 10 мая. Абсолютное большинство польских офицеров, более 4 тысяч, отправилось в Смоленск до 28 апреля 1940 г. включительно. В книге «Катынь» Мацкевич эту свою оплошность исключил.

Каким же образом «двухзлотовки военного выпуска» оказались в апреле – мае 1940 г. в Катынском лесу? Необходимо также учесть, что с 16 марта 1940 г. польские военнопленные не могли получать и отправлять корреспонденцию. Соответственно, единственный канал получения польских злотых (в то время только старых) был перекрыт.

Объяснять фразу о присутствии в Катынском лесу «двухзлотовок военного выпуска» ошибкой Мацкевича несерьезно. Можно спутать цифру в дате, но считать ошибочной целую фразу *«два злотых – купюры военного выпуска»*? Ясно, что считающиеся расстрелянными весной 1940 г. в Козьих Горах поляки были живы после мая 1940 г. Известно, что немцы после захвата лагерей разрешили переписку пленным полякам с Польшей. Двухзлотовки могли быть присланы пленным родными, в надежде, что они понадобятся им при возвращении на Родину. Это неопровержимое свидетельство расстрела поляков осенью 1941 г.

Ю.Мацкевич также писал, что *«на телах убитых в Катыни офицеров было найдено около 3300 писем и открыток, полученных ими от своих семей из Польши, и несколько написанных ими, но не отосланных в Польшу. Ни одно из этих писем и ни одна из этих открыток не датированы позже, чем апрель 1940 года. Это подтверждают и их семьи в Польше, у которых переписка внезапно оборвалась как раз в это время. Большевики могли бы ответить, что по тем или иным причинам они запретили военнопленным переписку. Но они этого не утверждают, потому что у них нет доказательств»* (Мацкевич. Катынь. Глава 14).

Однако Ю.Мацкевич ошибался. Как уже говорилось.

16 марта 1940 г. *«военнопленным быв. польской армии, содержащимся в лагерях НКВД, запрещена всякая переписка»*. Она была возобновлена только 28 сентября 1940 г. по предложению П.Сопруненко и указанию замнаркома НКВД В.Меркулова (Катынь. Расстрел. С. 265.). Решение о возобновлении переписки было принято под давлением польских военнопленных из Грязовецкого лагеря, которые пригрозили начать *«массовую голодовку в знак протеста против запрещения им переписки с семьями и родными»* (Катынь. Расстрел. С. 252–254). Поэтому даты, проставленные на письмах и открытках, не аргумент для определения времени расстрела.

Польская версия в основном построена на подобных косвенных и двусмысленных доказательствах. К таким относятся показания поручика запаса, профессора экономики Станислава Свяневича, которого польская сторона представляет чуть ли не очевидцем расстрела польских офицеров в Катыни.

Л.Ежевский в своем исследовании «Катынь. 1940» пишет, что после прибытия 29 апреля 1940 г. эшелона с восемнадцатым этапом польских офицеров из Козельского лагеря на железнодорожную станцию Гнездово, Свяневича перевели в другой вагон и заперли в пустом купе. *«Проф. Свяневич взгромоздился на верхнюю полку, откуда через щелку мог видеть все, что происходило снаружи... Он единственный польский офицер, который в момент катынского расстрела находился в 3 км от места преступления и собственными глазами видел, как людей уводили на казнь... Все без исключения товарищи проф. Свяневича по несчастью из 18-го этапа 29 апреля 1940 года были найдены в катынских могилах»* (Ежевский. Глава «Смерть в лесу»).

С.Свяневича «оставили» в живых, доставили в Смоленск, далее в Москву на Лубянку. В 1941 г. на основании советско-польского соглашения от 30 июля 1941 г. С. Свяневич был освобожден и в 1942 г. выехал в Иран, а впоследствии в Лондон. Российский историк Н.С.Лебедева считает, что С.Свяневич, как и ярый «антисоветчик» полковник С.Любодзецкий, были агентами НКВД и поэтому их оставили в живых.

Но даже в таком случае реальных свидетелей секретных акций НКВД, учитывая царившую тогда подозрительность, за границу не выпускали. Возникает вопрос – реально ли утверждение, что С.Свяневич был свидетелем того, как *«людей уводили на казнь»*? Можно ли поверить, что свидетелю сверхсекретной операции НКВД позволили уехать за границу?

Все дело в том, что Свяневич лишь видел, как пленных офицеров из Козельского лагеря грузили в автомашины и увозили. Куда? Если бы к месту казни, то, учитывая сверхсекретный характер операции, судьба Свяневича была предрешена. Он или разделил бы позднее участь своих товарищей, или сгинул бы навсегда в лагерях. То, что Свяневич остался в живых и вышел на свободу – весомое свидетельство в пользу версии, что поляки увозились не на расстрел, а в лагерь «особого назначения».

Эту версию косвенно подтверждает следующий факт. 27 апреля 1943 г. Германское информационное бюро сообщило из Мадрида о заметке корреспондента испанской франкистской газете «АВЦ», побывавшего в Катыни еще до сообщения «Радио Берлина». В заметке говорилось о найденных при раскопках в Козьих Горах записях расстрелянного

польского офицера, в которых он писал, что на расстрел его товарищей уводили «из лагеря *ночью*» (ГАРФ, ф.4459, опись 27, часть 1, дело 1907, лист 225).

Из предъявленных испанскому корреспонденту записей было неясно, когда (в 1940 или 1941 гг.) производился расстрел. Логично предположить, что немцы в дальнейшем скрыли этот дневник именно по причине наличия в нем указаний на события осени 1941 г. Заметка в газете «АВЦ» лишний раз свидетельствует о том, что обстоятельства расстрела польских офицеров в Катыни до конца не выяснены.

Научно-историческая экспертиза

Как уже говорилось, существенный удар по советской версии катынского преступления нанесла «научно-историческая экспертиза» Сообщения комиссии Н.Н.Бурденко

1944 г., осуществленная в 1988 г. членами двусторонней советско-польской комиссии, польскими профессорами историками Я.Мачишевским (польский сопредседатель комиссии), Ч. Мадайчиком, Р. Назаревичем и М. Войцеховским. Польские профессора признали выводы комиссии Н.Н.Бурденко, мягко говоря, «несостоятельными» (Катынь. Расстрел, с. 443).

Польская экспертиза стала ответом на позицию советской стороны в двусторонней комиссии по истории отношений между двумя странами, созданной в мае 1987 г. На втором пленарном заседании комиссии (1–3 марта 1988 г.) польская сторона выразила недовольство отсутствием у советской стороны «содержательной позиции» по катынской проблеме. Без ответа был оставлен очень важный для поляков документ, рапорт бывшего генерального секретаря Польского Красного Креста К.Скаржиньского о работе Технической комиссии ПКК в Катыни в 1943 г. Он был передан поляками советской стороне еще осенью 1987 г.

Наконец по настоянию поляков катынская проблема все же была внесена на обсуждение. И здесь начались коллизии. Советский академик А.Л.Нарочницкий выступил с обширной речью в защиту выводов комиссии Н.Бурденко. Польские профессора не согласились с подобной трактовкой катынской проблемы и возник вопрос о целесообразности существования комиссии.

Тогда советский профессор О.А.Ржешевский предложил польским коллегам еще раз проанализировать логичность и доказательность выводов комиссии Н.Бурденко. В течение двух месяцев польские профессора осуществили экспертизу Сообщения комиссии Н.Бурденко. Выводы для советской стороны оказались неутешительными (Катынский синдром. С 259^261)

В исследовании «Катынский синдром» утверждается, что польские эксперты в 1988 г. *«...не оставили камня на камне от всей системы доказательств комиссии Н.Н.Бурденко... Ложная версия о содержании польских военнопленных до сентября 1941 г. в трех лагерях особого назначения с использованием на дорожно-строительных работах и о проведении расстрелов немцами была убедительно опровергнута... Как следует из справок МБ РФ, таких лагерей в 1940 г. и последующих годах не существовало. Так называемый майор Ветошников (начальник лагеря № 1-ОН фигурировал как свидетель в сообщении комиссии Бурденко) службу в системе госбезопасности не проходил и является вымышленной фигурой»* (Катынский синдром. С. 370–371, 476).

Необходимо признать, что непростой ситуацией, сложившейся в Катынском деле, Россия обязана, прежде всего, горбачевскому руководству, которое вместо того, чтобы предоставить доказательства в пользу версии Бурденко (сегодня известно, что они существуют), предпочло промолчать и согласиться с польской точкой зрения.

Уже упомянутый В.Абарин в дополнительной главе к «Катынскому лабиринту» пишет: *«В ответ на слезные мольбы академика Георгия Смирнова (советский сопредседатель двусторонней комиссии по истории отношений между двумя странами), просившего принять хоть какое-нибудь решение, ему от имени Горбачева было предложено вместе с д-ром Яремой Мачишевским (польский сопредседатель) выступить с совместным обращением к гражданам, организациям и архивам Польши, Советского Союза и третьих стран с просьбой направлять комиссии свидетельства и документы, имеющие отношение к событиям в Катыни. Но Мачишевский категорически отказался участвовать в этом фарсе».*

Однако вернемся к системе доказательств и свидетельств комиссии Н.Бурденко. Надо полагать, что недостатки в ней были. Остановимся лишь на отрицании польскими профессорами факта существования лагерей особого назначения, который являлся одним из краеугольных камней всей системы доказательств Бурденко.

Игнорировать существование этих лагерей польским «экспертам» позволило плохое знание ими советской системы и, прежде всего, советского секретного делопроизводства, а также косности советских чиновников. В СССР, а теперь и в России, если что-то засекречено, то засекреченная вещь, событие, человек, организация для большинства членов общества формально как бы перестают существовать. Так было и в ситуации с «лагерями особого назначения» под Смоленском, информация о которых засекречена (!) до сих пор.

Советская власть, к сожалению, породила немало «вымышленных фигур». Примеров по России можно привести сотни. 12 мая 2006 г. на ТВ «Россия» в документальном фильме «Мифы без грифа» было рассказано о советском разведчике Александре Ивановиче Козлове, работавшем на советскую разведку в немецком абвере и послужившем прототипом героя фильма «Путь в Сатурн». Козлов ценился в абвере, как опытный специалист, готовящий диверсантов. Он стал капитаном, был награжден Железным крестом и 4 другими наградами рейха. О работе Козлова в тылу немцев докладывали Сталину.

Однако после войны А.И.Козлова уволили из армии, взяв подписку о неразглашении гостайны и полностью исказив в целях конспирации его биографию. По документам выходило, что в годы войны Козлов не работал по заданию советской разведки за линией фронта, а был в немецком плену. Соответственно, на приличную работу и пенсию претендовать он не мог. Его попытки восстановить справедливость обернулись тюремным сроком.

Сегодня в России достоянием гласности становится немало историй ветеранов, выполнявших воинский долг в различных точках земного шара. Многие из них не могут доказать свои заслуги перед Отечеством, т. к. в архивах отсутствуют какие-либо упоминания о спецподразделениях, в которых эти ветераны служили, и спецоперациях, в которых они участвовали.

По поводу «вымышленности» личности начальника лагеря «особого назначения» № 1-ОН В.М.Ветошника необходимо заметить следующее. В 1991 г. даже на официальные запросы следователей Главной военной прокуратуры СССР о местонахождении бывшего начальника Калининского областного управления НКВД генерала Токарева Д.С. приходили ответы, что такими сведениями КГБ не располагает (Катынский синдром. С. 354). Но разве это повод считать Токарева «мифической» личностью? Почему же Ветошника польские профессора без всяких сомнений зачислили в «вымышленные» фигуры?

Как полагает журналист В.Абаринов, показания майора НКВД Ветошника были изъяты из показаний свидетелей по Катынскому делу в связи с подготовкой к Нюрнбергскому процессу. «*Советское обвинение в Нюрнберге стремилось исключить из Катынского дела какие-либо упоминания о том, что лагеря находились в ведении НКВД*» (Абаринов. Гл. 5. «Нюрнбергский вариант»). Вот почему лагеря особого назначения стали «мифическими».

Авторами в июне 2004 г. были выявлены неизвестные ранее документы, доказывающие существование в 1940–1941 гг. к западу от Смоленска трех исправительно-трудовых лагерей НКВД СССР с особым режимом охраны и содержания осужденных в составе Вяземского исправительно-трудовой лагеря (Вяземлаг) НКВД СССР, задействованного с 1936 по 1941 год на строительстве новой автомагистрали Москва – Минск. Это отчетные бухгалтерские документы Вяземлага за 1941 г. (ГАРФ, фонд № 8437, опись № 1, дело № 458).

Вяземлаг состоял из 12 лагерных отделений. В девяти обычных лагерных отделениях Вяземлага содержались осужденные советские граждане. О контингенте трех, известных, как Купринский АБР № 10, Смоленский АБР № 9 и Краснинский АБР № 11 сведения отсутствуют. В ходе расследования выяснилось, что эти три лагеря проходили по отчетам не

как лагеря для военнопленных, а как структурные производственные единицы, так называемыми «асфальто-бетонными районами» (АБР), мало известного Вяземского исправительно-трудового лагеря НКВД СССР (объяснительная записка к годовому отчету Вяземлага НКВД СССР за 1941 г. по строительству автомагистрали Москва-Минск. ГАРФ, фонд № 8437, опись № 1, дело № 458).

Девять обычных лагерных отделений Вяземлага были в апреле – мае 1941 г. в соответствии с Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 24 марта 1941 г. о строительстве полевых аэродромов для нужд ВВС РККА, были передислоцированы к западной границе СССР, а три лагерных отделения АБР № 9, 10, 11 остались в местах своей прежней дислокации, в 25–45 км к западу от Смоленска. Предположительные места дислокации штабов и расположения жилых зон для заключенных трех вышеуказанных лаготделений Вяземлага – дер. Тишино, пос. Катынь, дер. Печерск Смоленского р-на и ст. Красное (дер. Буда) Краснинского р-на Смоленской области.

Районы дислокации этих трех лаготделений совпадают с месторасположением трех «лагерей особого назначения № 1-ОН, № 2-ОН, № 3-ОН», указанным в совершенно секретной «Справке о предварительных результатах расследования так называемого Катынского дела» от 18 января 1944 г. за подписью наркома госбезопасности СССР В.Меркулова и зам. министра внутренних дел С. Круглова (Катынский синдром. С. 330–331).

В этой справке сказано, что «... официальными документами Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР устанавливается, что в районах западнее Смоленска до начала военных действий с Германией находились три лагеря особого назначения, именованные лагерь 1-ОН, лагерь 2-ОН и лагерь 3-ОН, в которых содержались пленные поляки, использовавшиеся на строительстве и ремонте шоссе в вплоть до начала военных действий с немцами.

Лагерь 1-ОН находился на 408-м км от Москвы и на 23-м км от Смоленска, на магистрали Москва – Минск.

Лагерь 2-ОН находился в 25 км на запад от Смоленска по шоссе Смоленск – Витебск.

Лагерь 3-ОН находился в 45 км на запад от Смоленска в Красненском районе Смоленской области».

Известно, что дислокация трех лагерных отделений Вяземского исправительно-трудового лагеря – Купринского АБР № 10, Катынского АБР № 9 и Краснинского АБР № 11 – фактически совпадает с вышеуказанными местами расположения лагерей особого назначения.

Исходя из того факта, что в районах западнее Смоленска не существовало никаких лагерей, кроме трех лаготделений Вяземлага, можно с большой степенью уверенности утверждать, что Купринский АБР № 10 – это Тишинский лагерь № 1-ОН (он же), Смоленский АБР № 9 – это Катынский лагерь № 2-ОН и Краснинский АБР № 11 – это Краснинский лагерь № 3-ОН.

В этой связи несколько слов о предварительных результатах расследования Катынского дела. Известно, что до начала работы комиссии Н.Бурденко, с 5 октября 1943 г. по 10 января 1944 г., в Козьих горах работала большая группа оперативных работников и следователей НКВД СССР и УНКВД по Смоленской области под руководством, по утверждению

В.Абарина (Катынский лабиринт. Глава 7), заместителя начальника контрразведывательного управления НКВД Леонида Райхмана, проводившая так называемое «*предварительное расследование*», результатом работы которой явилась вышеупомянутая справка, содержание которой впоследствии повторило Сообщение комиссии Н.Бурденко.

Утверждается, что комиссия Л.Райхмана осуществила фальсификацию доказательств, которые впоследствии использовала комиссия Н.Бурденко. Можно как угодно относиться к спецкомиссии Райхмана и, соответственно, справке Меркулова и Круглова, но считать, что в НКВД просто выдумали лагерь особого назначения, нелепо. Известно, что в системе ЧК-

ГПУ-НКВД-КГБ родилось немало впечатляющих дезинформаций и фальсификаций. Но, как правило, в их основе всегда лежали реальные факты, «приправленные» долей дезинформации. Почему в «Катынском деле» НКВД решил сыграть в поддавки и придумал базовые «факты», которые могли быть легко опровергнуты? Поэтому информацию о месте расположения лагерей особого назначения, содержащуюся в справке Меркулова и Круглова, следует рассматривать с позиций достоверности основных фактов.

Тем не менее возникает вопрос, почему, несмотря на утверждения Меркулова и Круглова, ни в одном обнаруженном документе НКВД не упоминаются эти лагеря ОН? К сожалению, на этот вопрос пока приходится отвечать вопросом – почему по истечении 60 с лишним лет вся информация о лагерях, зашифрованных под названиями Купринский, Смоленский и Краснинский АБР Вяземского лагеря НКВД СССР, содержащаяся в архивах РФ, строжайшим образом засекречена? Известно, что по всем лагерям НКВД давно открыты архивные документы. Что же за секреты хранят документы по трем вышеперечисленным лагерям?

Возможно то, что в нарушение всех международных соглашений там на правах заключенных содержались польские военнопленные. К настоящему времени известно немало свидетельских показаний, подтверждающих наличие под Смоленском лагерей НКВД, в которых содержались польские военнопленные.

О существовании Катынского лагеря (именуемого в Сообщении комиссии Н.Бурденко лагерем № 2-ОН) под Смоленском свидетельствует рассказ А.А.Лукина, бывшего начальника связи 136-го отдельного конвойного батальона конвойных войск НКВД СССР журналисту В. Абаринову.

А.Лукин уверенно заявил, что в 1941 г. 136-й батальон охранял *«три лагеря: Юхнов, Козельск и Катынь. Это я знаю»*. Лукин, несмотря на давление Абаринова, всякий раз уверенно утверждал, что лагерь в Катыни существовал.

А.Лукин также рассказал, как проводилась в июле 1941 г. *«операция по вывозу польского населения»* Катынского лагеря. *«Вопрос был очень сложный: надо эвакуировать, а немецкие самолеты над шоссеной дорогой летают на высоте 10–15 метров, все дороги загроможены беженцами, и не только шоссе, а и проселки. Очень трудно было, а машин было очень мало. Мы пользовались теми машинами, которые останавливали, высаживали беженцев, отнимали машины и в эти машины грузили польское население из лагеря Катынь»* (Абаринов. Катынский лабиринт. Глава 2.).

В этой связи трактовка известного приказа по 252 полку конвойных войск от 10 июля 1941 г., как распоряжение отконвоировать заключенных Смоленской тюрьмы в Катынский лес (23 км на запад) на расстрел, не выдерживает критики (Катынь. Расстрел. С. 349).

Немцы в те дни были на расстоянии одного-двух танковых бросков от Смоленска. Всем уже было известно их умение прорывать советскую оборону и создавать «котлы окружения». Помимо этого немцы выбросили в окрестности Смоленска десанты. Дорога Минск-Смоленск была забита беженцами и отступающими. И вдруг навстречу им и наступающим немцам направляется пешим порядком колонна заключенных Смоленской тюрьмы численностью не менее 600 человек (судя по количеству конвоя – 43 человека). Реально ли это? В Львовском лагере подобная ситуация закончилась расстрелом польских военнопленных прямо во дворе тюрьмы.

О том, что конвойные из 136 отдельного конвойного батальона 252 полка должны были 10 июля 1941 г. конвоировать в тыл польских военнопленных, а точнее, заключенных, из Катынского лагеря (№ 2-ОН) свидетельствует уже упоминаемый А.А.Лукин.

Рассказ А.Лукина журналисту В.Абаринову 2 мая 1990 г. фиксировала на видеокамеру группа редактора польского телевидения Анджея Минко. Но польская сторона принципиально избегает любых упоминаний о Лукине. И не только о нем. Все, что противоречит польской версии, в Польше находится под негласным запретом.

Польские профессора, проводившие в 1988 г. научно-историческую экспертизу выводов комиссии Бурденко, на основе *«тщательного анализа линии перемещения фронта и обстоятельств взятия Смоленска»*, будучи в Варшаве, установили, что версия о невозможности эвакуации лагерей с польскими военнопленными является *«абсолютно неправдоподобной»* (Катынский синдром. С. 479).

Удивительный вывод, если учесть, что даже российские историки и ветераны, непосредственные участники военных событий, по многим эпизодам войны, особенно начального периода, не могут выработать единое мнение. Великая Отечественная война отличалась большим количеством *«неправдоподобных»* эпизодов. Кто мог предполагать, что вермахт через две с половиной недели после начала военных действий окажется под Смоленском?

Срыв эвакуации лагерей особого назначения произошел по распространенной причине советских времен, усугубленной войной. Вяземлаг со 2 июля 1941 г., согласно приказу НКВД СССР № 00849 от 2 июля 1941 г., перешел в подчинение от Главного управления лагерей железнодорожного строительства (ГУЛЖДС) к Главному управлению аэродромного строительства (ГУАС). В неразберихе первых дней войны Вяземлаг элементарно «потерялся» между двумя ведомствами.

Эвакуацию всех трех лагерей не удалось осуществить не только из-за стремительного прорыва немцев к Смоленску, но и из-за организационной чехарды – никто не хотел брать на себя ответственность за эвакуацию заключенных без приказа свыше. Ко всему этому добавилось и противодействие польских заключенных, которые использовали любую возможность для неповиновения лагерной администрации или для побега.

Бывший курсант Смоленского стрелково-пулеметного училища, ныне полковник в отставке Илья Иванович Кривой в своем заявлении в Главную военную прокуратуру РФ от 24 октября 2004 г. подробно описал факты встречи им под Смоленском летом 1940 г. и в начале лета 1941 г. подконвойных военнопленных польских офицеров и польских рядовых солдат.

Москвич Ксенофонт Агапов, бывший спектрометрист металлургического завода № 95 в Кунцево, сообщил о том, что с 31 октября по 26 ноября 1941 г. он ехал из Москвы до г. Верхняя Салда Свердловской области в одном эвакуационном эшелоне вместе с примерно 80 пленными польскими офицерами, сумевшими уйти из лагеря под Смоленском.

Ветеран войны М.Задорожный, бывший разведчик 467-го корпусного артиллерийского полка написал письмо в газету «Рабочий путь» (Смоленск), в котором сообщил, что в августе 1941 г., во время выхода 467-го артиллерийского полка из окружения недалеко от Смоленска, в расположение его подразделения прибежал солдат в форме погранвойск НКВД и сообщил, что *«...немцы ворвались в расположение лагеря военнопленных поляков, охрану перестреляли и расстреливают поляков. А этому солдату удалось убежать»* (Рабочий путь № 7 (20189). 9 января 1990).

В № 4 «ВИЖ» за 1991 г. было опубликовано интервью с бывшим командиром взвода 1-го автомобильного полка Войска Польского Борисом Тартаковским, который утверждал, что лично общался с пятью бывшими узниками Катынского лагеря (№ 2-ОН), трое из которых служили под его командованием. По их рассказам, в июле 1941 г., в момент захвата лагеря немцами, им удалось бежать из лагеря, а двое других ушли с советской охраной на восток.

Б.П.Тартаковский в своем письме в «Комсомольскую правду» сообщил еще один удивительный факт. Когда воинская часть Тартаковского была расквартирована в городе Гродзиск-Мазовецки, хозяйка его квартиры показывала ему письмо от мужа из Катынского лагеря, датированное сентябрем 1941 года (*Шуткевич. Кома, правда. 19. 04.1990*).

В номере 7-м «ВИЖ» за 1991 г. изложено свидетельство Ромуальда Святека, польского эмигранта из Лондона, автора книги «Катынский лес» (The Katyn forest. Panda press, London, 1988), сидевшего в 1950 г. в воркутинском, а потом в норильском лагере. В заключении он

встречал немецких и польских военнопленных, которые утверждали, что лагеря с польскими военнопленными под Смоленском существовали и после оккупации этих территорий гитлеровцами. Куда исчезли офицеры из этих лагерей?

В архиве внешней политики РФ хранится заявление гражданина Польши Вацлава Пыха, жителя г. Люблина, в Центральный Комитет ПОРП, от 5 февраля 1953 г. Поскольку В.Пых называет себя *«очевидцем убийства польских офицеров, которое совершили немецкие фашисты в Катыни... и готов дать исчерпывающие показания»*, заявление было переслано в Министерство иностранных дел СССР (Архив внешней политики РФ, ф. 07, оп. 30а, пор. 13, папка 20, л.л. 48–80).

В заявлении В.Пых сообщал, что в 1939–1941 гг., будучи в советском плену, он активно сотрудничал с органами НКВД в советских лагерях для военнопленных. После начала Великой Отечественной войны он вместе с другими польскими пленными был эвакуирован в Старобельский лагерь, а оттуда командирован НКВД в лагерь с польскими офицерами под Смоленск с целью оказания помощи в организации в их эвакуации. Пых попал в лагерь № 2 особого назначения за несколько часов до его захвата немцами.

По его словам, в тот момент в лагере все было готово к эвакуации, но польские офицеры эвакуироваться не собирались, *«лежали в бараках на кроватях»* и фактически саботировали отъезд. Попытки В.Пыха убедить их начать эвакуацию ни к чему не привели. Более того, некоторые офицеры стали угрожать ему физической расправой.

Пых был захвачен немцами в лагере и, по его словам, позднее его пытались расстрелять в Козьих Горах. Однако, как он пишет, стрелявший в него немец был сильно пьян и поэтому лишь тяжело ранил его. Через некоторое время В.Пых пришел в сознание и выбрался из могилы. Потом он сумел связаться с партизанами и переправился на контролируемую советскими войсками территорию. После лечения в госпитале В.Пых в конце 1941 г. вступил в армию Андерса, которая в 1944 г. через Иран, Палестину и Египет прибыла в Италию, на базу в г. Сан-Базилье.

В.Пых также сообщал, что попытка «беженца из Катыни» Роланда Мерского дать англичанам правдивые показания о Катыни закончилась трагически. Он был убит польскими контрразведчиками. Пых от смерти спасся чудом.

Заявление В.Пыха, не считая сведений о Катыни, по своей сути является фактическим доносом на неблагонадежных поляков, служивших в армии Андерса. Оно вызывает много вопросов. Пых вернулся в Народную Польшу в декабре 1947 г., но «сдать антисоветчиков» решил лишь спустя 5 лет. Тем не менее с учетом того, что в настоящее время найдены документальные свидетельства существования лагерей особого назначения под Смоленском, заявление В.Пыха представляет интерес большим количеством указанных в нем фамилий, фактов и подробностей. Однако все они требуют тщательной проверки.

В 1953 г. заявление В.Пыха осталось без внимания. Возможно, потому, что оно выглядело достаточно спорно. Возможно, потому, что в катынском вопросе господствовала версия, сформулированная в сообщении комиссии Бурденко, и подтверждать общеизвестное не имело смысла.

Наиболее спорным и вместе с тем достаточно убедительным является свидетельство Анны Рогайло (до своей смерти в 2004. проживала в Тюмени по документам на имя Александры

Яковленко), дочери польского поручика Поликарпа Рогая, эксгумированного в 1943 г. в Катыни под № 1757 (Rogala, Polikarp, Obltn. 2 Ausweise).

Летом 2006 г. авторы исследования «Тайны Катыни» получили интернет-сообщение от жительницы Тюмени Анастасии Мироновой, в котором она сообщала, что ее прадед Рогайло Полуян Михайлович, 1884 г.р. (Rogajto Polujan, s. Michata, urodz. 1884 г.), офицер польской армии, содержался в Козельском лагере для военнопленных, весной 1940 г. был переведен в

лагерь вблизи Смоленска и осенью 1941 г. расстрелян немцами в урочище Козьи Горы. Все это она узнала со слов своей бабки Александры Степановны Яковленко, урожденной Анны Полуяновны Рогайло (дочери П.Рогайло).

А.Миронова сообщила, что бабка рассказывала следующее. Когда в 1940 г. выяснилось, что ее отца – П.Рогайло перевели из Козельска в лагерь под Смоленск, они с матерью Катажиной Рогайло (Katarzyna Rogajlo) «...переехали туда и старались поддерживать с ним связь, добывали еду и каждый раз, когда пленных вывозили на работы, они старались подобраться к колонне и хоть что-то узнать о моем прадеде, передать ему еду, белье...

...После нападения нацистов на СССР мои родственники утратили возможность связываться с пленными, кроме того, им самим приходилось прятаться, но – до этого времени (до лета 1941 года), они получали о нем регулярные сведения...

В июле 1941 года мать моей бабки, Katarzyna Rogajlo, была арестована, и о ее судьбе ничего неизвестно, моя бабка, Anna Rogajlo, 15 лет, была отправлена под Красноярск вместе с колонной других подростков из оккупированных территорий (жительница Смоленска Инесса Яковленко представила мою бабку как свою племянницу и отправила в эвакуацию)...». Так Анна Полуяновна Рогайло стала Александрой Степановной Яковленко. Однако родные называли ее Анной.

В 1943 г. И.Яковленко прислала Анне-Александре Рогайло-Яковленко письмо, в котором сообщила, что ее отца Поликарпа

Рогаяля вместе с другими польскими пленными немцы расстреляли в Козьих Горах ранней осенью 1941 г. (письмо хранится в семье А.Яковленко).

В ситуации с П.Рогайло, как в капле воды, отразились все спорные моменты, характерные для Катынского дела. Начнем с того, что в списке Управления по делам военнопленных НКВД № 032/2 от 14 апреля 1940 г. на отправку военнопленных из Козельского лагеря под № 8 указан не Рогайло Полуян Михайлович 1884 г.р., а «Рогаяль Поликарп Михайлович, 1888 г.р. Но А.Миронова сообщила, что в семье Яковленко в Тюмени хранится официальная справка, выданная в 1996 г. А.Яковленко (Рогайло) о том, что ее отец расстрелян НКВД в Катыни в апреле 1940 г. и захоронен в Козьих Горах. Помимо этого в Тюмени хранится написанное в 1943 г. письмо от жительницы Смоленска Инессы Яковленко, в котором она сообщает А.Яковленко (Рогайло), что ее отца вместе с другими польскими военнопленными офицерами немцы расстреляли в Козьих Горах ранней осенью 1941 года.

Однако представители общества «Мемориал», ссылаясь на то, что жену Поликарпа Рогаяля звали не Катерина, а Моника и что у него были два сына – Здислав и Раймунд, настаивали на том, что Полуян Рогайло и Поликарп Рогаяль совершенно разные люди. Известный исследователь катынской темы

А.Памятных, ссылаясь на документы, хранящиеся в польских архивах, заявил: «Так что показания некой правнучки про некоего прадедушку уберите подальше, там сплошная путаница и лабуда – тем более, что речь у правнучки идет про Полуяна Рогайло... Ваши измышлизмы про то, что Полуян Рогайло подал вымышленную фамилию, и про вторую семью Рогаяля – редкостная лабуда. Не говоря уже о том, что Вы совершенно переверли – так, как Вам нравится, – и без того путаную информацию от правнучки».

Однако выяснилось, что у поручика П.Рогаяля в Польше осталась первая семья. Более того, жена сына Поликарпа Рогаяля от первого брака Здислава, в настоящее время проживающая в Великобритании, носит фамилию Рогайло! Это подтверждает, что польский поручик П.Рогаяль из Катыни в действительности носил фамилию Рогайло.

Выяснилось также, что у Анны Полуяновны Рогайло – Александры Степановны Яковленко хранились следующие документы: копия польского свидетельства о ее рождении; копия постановления об ее эвакуации, копии восстановленных документов уже на другую фамилию, копия загранпаспорта с отказами в польской визе, копия извещения о том, что ее

отец официально признан погибшим и похороненным на территории мемориала «Катынь», фотографии.

Все вышесказанное с высокой степенью вероятности свидетельствует о том, что Полуян Михайлович Рогайло, 1884 г.р., и Поликарп Михайлович Рогая, 1888 г.р., – одно и то же лицо. Дополнительным подтверждением этому служит тот факт, что польские историки уточнили год рождения «Поликаarpa Рогая» по польским источникам и изменили фигурирующий в официальных документах НКВД СССР год рождения П.Рогая «1888» на «1884»! В итоге в польских базах данных по репрессированным гражданам Польши фигурирует некий «собираательный образ» поручика Рогайло-Рогая: «Rogala Polikarp s. Mihata, ur.1884». Остается только гадать, почему после попадания в советский плен поручик Полуян Михайлович Рогайло, 1884 г.р., представился сотрудникам НКВД как «Поликарп Михайлович Рогая, 1888 г.р.»

Возможно, у него действительно было двойное написание имени и фамилии, возможно, сотрудники НКВД ошибочно заполнили учетные документы военнопленного, возможно, сам Рогая умышленно сообщил о себе ложные сведения. Подобные факты умышленного искажения польскими офицерами паспортных данных после попадания в плен известны. Например, дочь польского генерала Юзефа Довбур-Мусьцицкого, известная польская летчица поручик Янина Левандовская, скрыла от сотрудников НКВД свою девичью фамилию «Довбур-Мусьцицкая», представилась «Яниной Марьяновной» вместо «Янины Юзефовны» и указала неверный год своего рождения, 1914 вместо 1908 г.

Информация о том, что П.Рогая (или Рогайло) в 1940 г. являлся узником Козельского лагеря, потом содержался в лагере под Смоленском и был ранней осенью 1941 г. расстрелян немцами в Козьих горах, весьма важна для расследования Катынского дела.

Не верить Анастасии Мироновой нет оснований. Она не собирается использовать в меркантильных целях свое родство с польским поручиком, погибшим в Катыни. Ее интерес к судьбе погибшего прадеда возник только после того, как ей дважды отказали в польской визе и она в Интернете рассказала о своих проблемах с поездкой в Польшу. К этому ее подтолкнул и тот факт, что ее бабушке Анне-Александре Рогайло-Яковленко также в свое время не разрешили поехать в Польшу. Весьма странно при особом внимании польских властей к родственникам катынских жертв.

Возможно, особое отношение распространяется лишь на те семьи, которые вписываются в немецко-польскую версию катынского преступления? Анастасия Миронова и Анне Рогайло-Яковленко являлись носителями нежелательной информации о том, что поручик П.Рогая-Рогайло являлся узником не только Козельского, но и лагеря особого назначения под Смоленском, и расстрелять его могли только немцы?

Важнейшим аргументом в защиту свидетельства А.Мироновой является то, что в числе документов, которые она представила в польское консульство для поездки в Польшу в 2003 г., находилась копия официальной справки о том, что ее прадед П.Рогая числится в списках расстрелянных в Катыни.

Представителям «Мемориала» следовало бы с тем же энтузиазмом, с которым они шельмовали свидетельство А.Мироновой, поинтересоваться причинами отказа в польских визах ей и ее бабушке. Ситуация с поручиком П. Рогая (Рогайло) наглядно показала, что для сторонников немецко-польской версии катынского преступления, каковыми являются выше-названные представители «Мемориала», все факты, противоречащие этой версии, представляются болтовней. Об этом они прямо заявляют: *«Не надо забалтывать тему разнообразной ахинеи, взятой с потолка. Мы уже убедились, что лагерей 1-ОН, 2-ОН, 3-ОН вместе в начальником В.М.Ветошиковым вообще не было в природе».*

Это реальная позиция сторонников немецко-польской версии. Вместо того, чтобы добиваться рассекречивания информации о лагерях НКВД западнее Смоленска и на осно-

вании рассекреченной информации положить конец домыслам и спекуляциям на эту тему, они предпочитают называть любую информацию, противоречащую их версии, *«ахинеей»*. По-другому и не может быть.

За последние 15–20 лет многие польские и российские историки и исследователи катынской темы обзавелись научными степенями, приобрели вес среди политического и научного истеблишмента, получили польские награды, международные гранты, и вдруг новые факты все ставят под угрозу. Несомненно, что в душе у каждого из них шевелится червь сомнения, а вдруг лагеря особого назначения БЫЛИ? Тогда их все «научные» изыскания и достижения превращаются в пыль.

О том, что после оккупации немцами Смоленска, в его окрестностях находились польские офицеры, свидетельствует рапорт командира айнзатцгруппы при штабе группы армий «Центр» Франца Стаглицкера на имя начальника Главного управления имперской безопасности Рейнхарда Гейдриха о действиях группы за период с августа по декабрь 1941 г, в котором указывается: *«...Выполнил главный приказ, отданный моей группе, – очистил Смоленск и его окрестности от врагов рейха – большевиков, евреев и польских офицеров»* (оригинал хранится в архиве нью-йоркского «Идиш сайнтифик институт», копия – в архиве Союза антифашистских борцов в Праге).

С учетом вышеизложенного экспертиза польских профессоров Сообщения комиссии Н.Н.Бурденко вряд ли может претендовать на определение «научно-исторической».

НКВД или нацисты?

Выше уже говорилось о созданной в Польше катынской пропагандистско-идеологической системе. Но и она дает сбои. В апреле 2007 г. по поручению газеты «Жечь посполита» и программы польского телевидения «Надо поговорить» компания «TNS ОБОР» провела опрос среди поляков о катынском преступлении. Результаты оказались ошеломляющими. 94 процента опрошенных поляков знают название «Катынь», но 40 процентов не знают, кто убил в России польских офицеров. Причем каждый десятый поляк уверен в том, что это преступление совершили немцы.

С учетом вышесказанного и того, что доказательства о причастности сотрудников НКВД к расстрелу польских офицеров широко известны, в дальнейшем сделаем упор на те факты, которые свидетельствуют, что нацисты также расстреливали польских военнопленных.

Вернемся к известному нам «лейтенанту Красной Армии» Катарине Девилье. А.Деко отмечает, что во время ее пребывания в Катыни у нее было большое преимущество перед западными журналистами: она могла непосредственно, без контроля органов НКВД, общаться с населением. Местные жители рассказали Катерине, что немцы из 537 полка связи, дислоцированные в Катыни, *«по пьянке многое рассказывали»*. В частности, они говорили: *«Связной полк 537? Чушь. На самом деле они принадлежат к группе десанта «айн-затц-коммандо» ССII, а сейчас они прибыли с Украины, где уничтожили всех киевских евреев. А кого же они убивают здесь? Тоже евреев? Солдаты смеялись. О нет, более тонкая, ручная работа с револьвером....»* (Деко. «Великие загадки...». С 273–274)..

Местные жители даже назвали К.Девилье имена некоторых военнослужащих, многие из которых впоследствии звучали на Нюрнбергском трибунале. А.Деко был хорошо осведомлен относительно провального для советской стороны допроса 1 июля 1946 г. в Нюрнберге командира 537 полка войск связи Ф.Аренса (Деко. Великие загадки... С. 266). Однако, ссылаясь на свидетельство К.Девилье, он тем не менее назвал этот полк в связи с Катынским делом. Случайно ли? Возможно, потому что, по мнению Деко, 537-й полк войск связи служил прикрытием, как утверждали в немецкие солдаты, для «айн-затц-коммандо» СС II?

Во время передачи «Трибуна истории» на французском телевидении К.Девилье подверглась перекрестному допросу в прямом эфире со стороны ведущего французского специалиста по вопросам Центральной Европы Г.Монфора и бывшего польского военнопленного в советских лагерях, майора армии Андерса Ю.Чапского. Она вела себя очень уверенно и достойно выдержала это испытание, убедительно ответив на все вопросы {Деко. «Великие загадки...». С. 304}.

Свидетельство К.Девилье заслуживает тщательного расследования, если учесть, что А.Деко также упомянул показания берлинского булочника Пауля Бредоу, служившего осенью 1941 года под Смоленском связистом при штабе группы армий «Центр». П.Бредоу в 1958 г. в Варшаве, во время процесса над Э.Кохом, одним из нацистских палачей, под присягой заявил: *«Я видел своими глазами, как польские офицеры тянули телефонный кабель между Смоленском и Катынью»*. Во время эксгумации в 1943 г. он *«сразу узнал униформу, в которую были одеты польские офицеры осенью 1941 г.»* (Деко. «Великие загадки...». С. 275).

П.Бредоу также сообщил, что он лично слышал телефонные переговоры между Кохом и командующим группой армий «Центр» фон Боком о перевозке поляков на Восток, где их расстреливали. Известно, что связь для штаба группы армий «Центр» обеспечивал тот самый 537 полк связи, в причастность которого к расстрелу польских военнопленных не поверили в Нюрнберге («Эрих Кох перед польским судом». С. 161).

Ален Деко встречался с бывшим узником Шталага ПВ, расположенного в Померании, Рене Кульмо, который заявил, что в сентябре 1941 г. в их Шталаг прибыло с Востока 300 поляков. *«В сентябре 1941 года в Шталаге ПД нам объявили о приезде шести тысяч поляков. Их ждали, но прибыло только триста. Все в ужасном состоянии, с Востока. Поляки вначале были как во сне, они не говорили, но постепенно стали отходить. Помню одного капитана, Винзенского. Я немного понимал по-польски, а он по-французски. Он рассказал, что фрицы там, на востоке, совершили чудовищное преступление. Почти все их друзья, в основном офицеры, были убиты. Винзенский и другие говорили, что СС уничтожили почти всю польскую элиту»* {Деко. Великие загадки... С. 277–278}.

В итоге, изучив свидетельства, подтверждающие как немецкую, так и советскую версию «Катынского дела», А.Деко высказал предположение, что *«возможно, существовало два катынских преступления. Одно совершили русские, другое немцы»*.

Интерес представляют показания, которые, немецкий гражданин Вильгельм Гауль Шнейдер 5 июня 1947 г. дал капитану Б.Ахту в г. Бамберге, в американской зоне оккупации Германии. Шнейдер заявил, что во время пребывания в следственной тюрьме «Tegele» зимой 1941/42 г., он находился в одной камере с немецким унтер-офицером, служившим в полку «Regiment Grossdeutschland», который использовался в карательных целях. Этот унтер-офицер был обвинен в подрыве боевого духа народа, или пораженчестве и приговорен к смерти.

Он рассказал Шнейдеру, что *«поздней осенью 1941 г., точнее в октябре этого года, его полк совершил массовое убийство более десяти тысяч польских офицеров в лесу, который, как он указал, находится под Катынью. Офицеры были доставлены в поездах из лагерей для военнопленных, из каких – я не знаю, ибо он упоминал лишь, что их доставляли из тыла. Это убийство происходило в течение нескольких дней, после чего солдаты этого полка закопали трупы»*» (Архив внешней политики Российской Федерации. Фонд 07, опись 30а, папка 20, дело 13, л. 23.). Вспомним дневник польского офицера, который был опубликован в испанской газете «АВЦ». Совпадение налицо.

Известно, что в Фонде Управления командующего ВВС РККА в Центральном архиве Министерства обороны (ЦАМО) под грифом «секретно» хранится протокол допроса сотрудниками СМЕРШа немецкого военнопленного, принимавшего личное участие в расстреле польских офицеров в Катыни (ЦАМО, фонд 35, оп. 11280, д. 798, л. 175). Но обнаружить его пока не удается.

Это только часть свидетельств о том, что в Катыни польских офицеров расстреливали нацисты. Однако они пока игнорируются как польской, так и российской стороной.

Еще одна польская версия

Невероятную версию расстрела польских офицеров предложил Леопольд Ежевский (Ежи Лоек) в своем исследовании «Катынь. 1940». Точнее, эта версия в 1943 г. была выдвинута немцами, а Ежевский ее повторил. Он утверждал: *«Расследование 1943 года показало, что убийство польских офицеров осуществлялось не подразделениями местного НКВД из Смоленска, а частями НКВД из более отдаленного Минска. На основании этих данных можно выдвинуть кое-какие гипотезы. В начале 1938 года в СССР существовало несколько тайных антисталинских радиостанций, из которых одна вещала в Белоруссии. Радиолокаторы запеленговали ее под Минском, в сторожке лесника.*

Когда войска НКВД окружили сторожку, люди, находившиеся в ней, оказали сопротивление и все погибли в бою. В сторожке была обнаружена мощная радиостанция (ЗКВ), обслуживаемая высшими чинами минского ГПУ (НКВД), причем среди убитых был комиссар ГПУ Самуил Рубинштейн (Рейтер, 29 июня 1938 г.; см. «Новая Речь Посполитая» 21 июня 1938 г.). Выяснилось, что минский НКВД был центром антисталинской конспирации. Отсюда, конечно, следовало, что все минское НКВД подлежало ликвидации. Последним заданием минских энкаведистов, скорее всего, и было уничтожение польских офицеров в Катыни, после чего их всех ожидала неминуемая гибель» (Ежевский. Катынь. С. 20).

Не будем комментировать измышления по поводу минского антисталинского центра. Если бы он существовал, то сегодня об этом было бы известно. Это была очередная газетная «утка». Но вот версия о причастности сотрудников Минского НКВД к расстрелам польских военнопленных появлялась в различных источниках.

Вот что по этому поводу пишет Л.Ежевский: *«В 1957 году произошло событие, имевшее для выяснения катынской трагедии очень большое значение. 7 июля 1957 года западно-немецкий еженедельник «7 Tage» опубликовал копию и перевод документа, который был предоставлен редакции одним поляком, в годы войны работавшим в строительных отрядах Готта. Этот документ, датированный 10 мая 1940 года, с грифом «совершенно секретно», за подписью Тартакова, начальника минского НКВД, был адресован его московскому начальству – генералам Зарубину и Райхману.*

Документ был найден в начале войны среди бумаг, оставленных в здании НКВД в Минске. Это была сжатая информация о ликвидации лагерей в Козельске, Старобельске и Осташкове. В рапорте упоминается некто Бурьянов, представитель центра НКВД, ответственный за проведение всей «акции». Кроме того, в нем отмечалось: ликвидацию «Козельска» осуществили под Смоленском части минского НКВД под прикрытием 190-го пехотного полка, ликвидацию «Осташкова» в районе Бологое – части смоленского НКВД под прикрытием 129-го пехотного полка, стоявшего в районе Великих Лук, «Старобельска» в районе Дергачей – харьковское НКВД под прикрытием 68-го пехотного полка запаса. Операция закончилась между 2 и 6 июня 1940 года. Ответственный за операцию – полковник Б. Кучков» (Ежевский. Катынь. С. 28).

Ю.Мацкевич в книге «Катынь», ссылаясь на немцев, писал, что *«расстрелами руководили четыре сотрудника минского НКВД, и из этих четырех назвали три еврейские фамилии: Лев Рыбак, Хаим Финберг, Абрам Борисович».* Он также утверждал, что *«убийство пленных, как это подтвердилось позднее, было делом рук сотрудников минского НКВД, специально командированных в Катынь» (Мацкевич. Катынь, глава 14).*

Отметим лишь несколько неточностей, как в рапорте Тартакова, так и в утверждениях Ежевского и Мацкевича. Это несовпадение дат, ссылка на «пехотные» полки, тогда как в Красной Армии были только стрелковые полки и дивизии.

Не говоря уже о том, что ни в Минском, ни в Смоленском УНКВД, ни в центральном аппарате НКВД СССР сотрудники с вышеперечисленными именами и фамилиями никогда не числились (Катынь. Расстрел. С. 425). Сомнительны также обстоятельства нахождения сверхсекретного рапорта «одним поляком».

Рапорт Тартакова вызвал в Европе настоящий ажиотаж. Однако впоследствии польские исследователи выяснили, что он – фальшивка. Если это так, то рапорт Тартакова является убедительным свидетельством того, что катынское преступление – это хорошо спланированная нацистами многоуровневая провокация. В противном случае возникает вопрос, зачем немцы сфабриковали фальшивку, если и так ясно, что поляков расстреляли сотрудники НКВД?

О польской элите и геноциде

Говоря о катынском преступлении, польская сторона квалифицирует его как «*уничтожение 27 тысяч представителей руководящей элиты польского общества*» и «*геноцид*» («*Rzeczpospolita*», 7–8 авг. 2005 г). Не будем вступать в полемику по поводу цифры 27 тысяч, так как, по мнению профессора Володжимежа Марциняка, ведущего польского специалиста по постсоветским исследованиям, под Катынью «*мы подразумеваем всех польских граждан, убитых в сталинских лагерях*» (Политический журнал, № 47–48 (142–143), 18 декабря 2006).

Уже упомянутый Л.Ежевский, когда заходит речь о гибели поляков на территории СССР, без тени смущения оперирует десятками тысяч и даже миллионами. Так, он пишет: «*Около 46 тысяч человек было освобождено, более 180 тысяч депортировано в глубь СССР. Некоторые из них покинули Советский Союз в рядах армии генерала Андерса в 1942 году, кое-кто попал в так называемую Польскую армию под командованием генерала Зигмунта Берлинга.*

Многие же погибли на советской территории, как и большинство из 1,2 миллиона депортированных в СССР польских граждан» (Ежевский. Катынь. Глава «Польские военнопленные в Советском Союзе»).

Л.Ежевский, как многие польские публицисты и историки, умело дезинформирует польскую общественность. Начнем с того, что, согласно совместному польско-российскому сборнику «*Депортации польских граждан из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1940 году*», изданному в 2003 г., количество выселенных поляков составило не 1,2 миллиона, а всего 292 513 человек. С учетом же всех выселенных с этих территорий в 1940–1941 гг. польских граждан других национальностей – евреев, украинцев, белорусов и т. д. можно говорить максимум о 390–400 тыс. репрессированных.

Даже по истечении полувека, в 1989 г., по утверждениям министра иностранных дел Польши Скубишевского, здравствующих поляков, «*пострадавших от сталинских репрессий*» на территории Польши насчитывалось около 250 тысяч чел.

«*Некоторые*» по Ежевскому, покинувшие СССР с армией Андерса, насчитывали не много, не мало, а 114 732 человека, в том числе 76 110 военнослужащих (Катынь. Расстрел. С. 413). В двух польских армии Войска Польского З.Берлинга, а впоследствии М.Роля-Жимерского, в конце войны воевал не «*кое-кто*», как утверждает Ежевский, а 400 тысяч бойцов, значительную часть составляли поляки, плененные или интернированные в 1939 г. Это была четвертая по численности армия в антигитлеровской коалиции, и только позиции США и Великобритании не позволили занять Польше почетное место в числе стран-победительниц, принимавших капитуляцию нацистской Германии. Зато Войско Польское было единственной иностранной армией, которая удостоилась чести наравне с Красной Армией пройти по Красной площади на Парадах Победы в 1945 и 1985 гг. Абсолютно ясно, что пан Л.Ежевский в вопросах гибели поляков на территории СССР не просто лукавит, а тривиально лжет.

В Польше также усиленно насаждается мнение о том, что если бы поляки в 1939 г. попали в плен к немцам, то они остались бы живы. Тот же Л.Ежевский пишет: «*Отступление же с восточного фронта в направлении немецкого театра военных действий давало бы возможность сдать в плен Вермахту, что, в свою очередь, гарантировало бы польским офицерам возможность пережить войну в лагерях для военнопленных офицеров...*

Командир полка пограничных войск «Подолье» полковник Марцели Котарба, который первый встретил огнем наступающие части противника и до полудня 17-го сентября сдерживал их продвижение по направлению к ставке Главнокомандующего, сумел пробиться на

запад и тем самым уцелеть» (Ежевский. Катынь. Глава «Польские пленные в Советском Союзе»).

Однако утверждение о том, что представители *«руководящей польской элиты»* выжили бы в немецком плену, не выдерживает одного вопроса, а почему немцы, безжалостно и методично осуществлявшие акцию «АБ», оставили бы их в живых?

Известно, что в соответствии с приказом Гитлера войска СС в Польше проводили специальную акцию «АБ», целью которой была *«ликвидация польской элиты»*. Для этого в сентябре 1939 г. шеф СС Гиммлер вслед за наступающими частями вермахта ввел в Польшу пять айнзацгрупп, в свою очередь поделенных на четыре айнзацкоманды, основная цель которых была выполнение акции «АБ». Гейдрих, подручный Гиммлера, уже 27 сентября 1939 г. докладывал: *«От польской высшей прослойки осталось во всех оккупированных районах максимум три процента» (Хене. История СС. С. 354.)*

Джон Толанд, известный американский публицист и историк, лауреат Пулитцеровской премии, к этому добавляет: *«К середине осени были ликвидированы три с половиной тысячи представителей польской интеллигенции...» (Толанд. А. Гитлер. С. 79).*

Наместник польского генерал-губернаторства Франк в 1940 г. признавался, что, *«если бы он вывешивал афиши по поводу расстрела каких-нибудь семи поляков, то для производства бумаги не хватило всех лесов Польши»*. Франк, неудовлетворенный результатами злодейской акции «АБ» по уничтожению польской элиты, дал указание 2 октября 1943 г., в самый разгар «катынского дела», возобновить эту акцию. (Нюрнбергский эпилог. С. 412.) Вот как осуществлялось уничтожение подлинной польской элиты!

По поводу гибели на территории СССР 27 тысяч представителей польской элиты возникает один вопрос. Немецким айнзацкомандам, специально подготовленным для поиска и уничтожения элиты на территории с преимущественно польским населением, удалось выявить и уничтожить всего 3,5 тысячи человек. А вот на территории *«восточных земель Польши»*, где поляки составляли небольшую часть населения, по утверждению польского профессора В.Кулеша, вдруг оказалось 27 тысяч человек *«руководящей польской элиты»*.

Подобное было возможно лишь в одном случае, если бы вся *«руководящая польская элита»*, отступая вместе с польскими войсками, оказалась на территории, занятой Красной Армией. О том, что это не так, свидетельствуют учетные данные управления по делам военнопленных НКВД СССР.

По состоянию на 8 апреля 1940 г. в трех лагерях НКВД (Старобельском, Козельском и Осташковском) содержалось 14 857 польских военнослужащих. Среди них офицеров армии и чинов флота, полиции, жандармерии в звании от капитана и выше насчитывалось 2347 (т. е. 15,8 %) в том числе генералов, адмиралов, полковников и подполковников – 292 человек. К этому числу следует добавить 240 офицеров полиции и жандармерии, 66 крупных госчиновников и 22 ксендза, 11 помещиков, 4 крупных собственника и 5 судебных работников. Получается всего 2695 человека (18,1 %), занимавших какое-либо руководящее положение в польском обществе и в силу этого имевших основания быть отнесенным к польской элите (Катынь. Расстрел. С. 91–93).

Из содержавшихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии 18 632 польских граждан, (из которых поляков было 10 685 человек) бывшие офицеры составляли 1207 человек, бывшие помещики, фабриканты и чиновники – 465 человек, остальные являлись обычными полицейскими, жандармами, низовыми членами контрреволюционных организаций и т. д. Исходя из вышеуказанного перечня, можно определить, кого следовало бы отнести к элите.

Как известно, элита в любой стране никогда не является многочисленной. Нельзя же всерьез считать, что каждый попавший в советский плен польский подпоручик, рядовой

полицейский или пограничник, тюремный надзиратель или лагерный охранник – это «руководящая элита» польской нации!

Вместе с тем надо иметь в виду, что многие офицеры запаса из интеллигенции, в том числе известные в Польше врачи, журналисты и профессора вузов, имели, как правило, небольшие воинские звания. Известный польский художник и литератор, бывший узник Старобельского лагеря Ю. Чапский писал в своих воспоминаниях о многих представителях подлинной польской научной и культурной элиты, содержащихся в советских лагерях для военнопленных.

В. Абарин в книге «Катынский лабиринт» сообщает, что в Козельском лагере содержался 21 профессор ВУЗов, более 300 врачей, свыше ста литераторов и журналистов, а также артисты, инженеры и учителя. В Старобельском лагере было около 20 профессоров вузов, почти 400 врачей, 600 летчиков, сотрудники институтов по борьбе с газами и по вооружению Войска Польского, юристы, учителя, инженеры. То есть речь может идти о гибели двух – трех тысяч представителей польской интеллигенции и элиты. Это также невосполнимая потеря для польского народа, но согласиться с утверждениями о гибели 27 тысяч представителей *«руководящей польской элиты»* невозможно.

Другое дело, что о мертвых не говорят плохо. Они всегда лучше оставшихся в живых. Они отдали самое дорогое – жизнь. Если польская сторона всех погибших причисляет к элите, тогда другое дело. Но в таком случае 600 тысяч советских солдат, погибших за освобождение Польши, также должны считаться элитой, и относиться к их памяти так, как относятся в современной Польше, кощунственно.

Необходимо заметить, что гибель поляков в СССР польская сторона стремится представить как целенаправленную политику геноцида советского руководства в течение всего времени существования Советского Союза. Польский историк Анджей Новак в одном из 10 известных вопросов, адресованных российским историкам, затронул эту тему

Ссылаясь на гарвардского историка Терри Мартина, который *«подсчитал, что в Ленинграде, где в 1937–1938 гг. было наибольшее сосредоточение поляков, представителей этого меньшинства расстреливали в 31 раз чаще, чем составляет среднее статистическое по расстрелам периода «большой чистки» в этом городе»*, А. Новак заявил, что *«мы по-прежнему очень мало знаем об этой первой в СССР попытке истребить одну нацию»* (Новая Польша, № 4, 2005).

Подобные утверждения сродни наукообразным «откровениям» о том, что 100 % людей, постоянно употреблявших в пищу картофель, – умерли. Факт, который невозможно опровергнуть. Известно, что в годы Гражданской войны и после нее основную массу репрессированных составляли представители русского офицерства, интеллигенции, дворянства и духовенства, которые в силу своего интеллектуального потенциала представляли угрозу для новой власти. По сравнению с другими национальностями представители русской элиты подверглись тотальному уничтожению. Их действительно расстреливали «чаще», по сравнению со среднестатистическим, в десятки раз. Но это было обусловлено не национальным, а так называемым «классовым подходом».

На освободившиеся в результате репрессий места в 1920-е годы пришли представители еврейского и польского национального меньшинства, которые в силу большей образованности и корпоративности сумели занять ряд ключевых позиций в Красной Армии, а также в советских, партийных и хозяйственных органах СССР. Надо заметить, что в США в 50-е годы было 9 сенаторов польского происхождения, а ныне их насчитывается уже 16. Польская диаспора сегодня – одна из самых влиятельных в Соединенных Штатах. Поляки всегда отличались умением делать карьеру в госструктурах других государств.

Представители польской диаспоры в Советском Союзе к середине 1930-х годов также занимали немало ключевых позиций. Тогдашнюю ситуацию с поляками в СССР сильно

осложнял тот факт, что большинство из них имели родственников «за границей», что являлось «тяжким грехом» для советских служащих. Например, даже вдова председателя ВЧК Ф. Дзержинского состояла в родстве (была двоюродной сестрой) с прокурором Верховного суда Польши полковником С. Любодзецким.

Естественно, что политические репрессии 1937–1938 гг. коснулись в первую очередь именно таких поляков. Но никакой расовой или национальной подоплеку здесь не было. Наоборот, советская пропаганда в 1930-е годы постоянно подчеркивала, что польский народ – это друг, угнетаемый правящими кругами «панской Польши».

Следует добавить, что интернационализм являлся краеугольным камнем коммунистического мировоззрения. Поэтому для системы ВЧК-ОГПУ-НКВД враги определялись не по национальности, а по лояльности к советскому строю и совершенным против него преступлениям. Сторонники также определялись не по национальности, а по политическим взглядам. Национальный состав руководства Советского Союза в начальный период его истории это наглядно подтверждал. Первым председателем ВЧК-ОГПУ был поляк Феликс Дзержинский, военным ведомством во время Гражданской войны руководил еврей Лев Троцкий, главой ВКП(б) и советского государства долгие годы являлся грузин Иосиф Джугашвили (Сталин) и т. д.

Русские в руководстве СССР того периода составляли меньшинство, а вот в плане потерь от репрессий самые большие жертвы понесли именно они. Говорить о геноциде поляков, как нации, некорректно. Тем более, что к полякам в России население всегда относилось доброжелательно. Сегодня можно назвать сотни, даже тысячи поляков, внесшие неоценимый вклад в историю России и Советского Союза. При этом они не только не забывали, что они поляки, но и гордились этим. В советском обществе это воспринималось нормально.

Утверждения А.Новака о многолетнем целенаправленном геноциде поляков в СССР не имеет никаких оснований. На вопрос о том, следует ли считать гибель польских офицеров весной 1940 г. геноцидом, ответила Главная военная прокуратура РФ, заявив, что «*в ходе расследования по делу по инициативе польской стороны тщательно исследовалась и не подтвердилась версия о геноциде польского народа в период рассматриваемых событий весны 1940 года...*».

Дополнительно следует добавить следующее. Конвенция ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказания за него», принятая в 1948 г. и вступившая в силу в 1951 г., дает следующее определение «геноцида»: «*...под геноцидом понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, ка-кую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую:*

- a) убийство членов такой группы;*
- b) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;*
- c) преднамеренное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение;*
- d) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;*
- e) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую».*

Согласно этому определению большинство преступлений в мире, совершаемых государствами или отдельными группами лиц как во время военных действий, так и в период противостояния и борьбы за власть, можно при желании квалифицировать как геноцид.

В этой связи возникает проблема применения данного определения на практике. Алексей Попов из Киевского центра политических исследований и конфликтологии считает, что даже на уровне Организации Объединенных наций не существует ни одного решения, в котором те или иные деяния были бы определены как геноцид. Даже холокост. ООН этим не занималась и, похоже, вряд ли будет заниматься.

Еще более спорный вопрос состоит в том, чтобы выяснить, какое количество жертв требуется, чтобы квалифицировать то или иное уничтожение людей как геноцид. Надо иметь в виду, что под «геноцидом» понимается, прежде всего, намерение частично уничтожить ту или иную устойчивую человеческую группу. Междисциплинарная Исследовательская программа по установлению основных причин нарушений прав человека (РЮОМ) предложила считать 10 тыс. чел. или 10 % (выбирая наименьшее) сообщества для определения понятия «геноцида».

Однако в данном случае можно легко угодить в логическую ловушку. Суть ее в том, следует ли уничтожение 50 человек из племени, насчитывающего 500 расценивать как геноцид, равноценный убийству 10 тыс. представителей многомиллионного народа? Правомерен ли подобный подход? Ясно одно, что проблема юридической квалификации геноцида практически не разработана, и попытки объявить то или иное преступление «геноцидом» неизбежно столкнутся с достаточно обоснованным противостоянием оппонентов.

Особо следует подчеркнуть, что понятие «геноцид» было впервые введено в международное уголовное право в 1948 г. и не может относиться к действиям, совершенным ранее.

Спланированный расстрел или трудовые лагеря?

Польская сторона особо подчеркивает, что уничтожение военнопленных польских офицеров было акцией, заранее спланированной советским руководством.

Однако существует и другое мнение. Польский профессор Ч.Мадайчик в статье «Катынь» пишет: *«Возникают сомнения, действительно ли с самого начала планировалась физическая ликвидация военнопленных из спецлагерей в том объеме, в каком она была впоследствии осуществлена...»*

Лучший знаток документов по Катыни Н.С.Лебедева не обнаружила материалов, однозначно объясняющих обстоятельства и причины вынесения решения о казни всех польских офицеров, находившихся в советском плену. Несмотря на это, мнение самой Лебедевой вполне определено. Она считает, что физическая ликвидация пленных была направлена на разрушение устоев польской государственности, и ее подготовка началась значительно раньше, еще в декабре 1939 г.» (Мадайчик. Катынь. Сборник «Другая война. 1939–1945»).

В то же время Н.Лебедева, выступая 29 ноября 2005 г. в московском Центральном доме литераторов, заявила, что *«к началу февраля все дела на Особое совещание были подготовлены, и к концу февраля по 600 делам уже были вынесены приговоры – от 3 до 8 лет лагерей на Камчатке. То есть к концу февраля 1940 г. никакой смертной казни не предусматривалось»* (<http://katyn.ru/index.php?go=Pages&file=print&id=28>). Как видим, по мнению Н.Лебедевой, ни о какой, заранее запланированной, подготовки к расстрелу речи не было.

В этой связи необходимо напомнить высказывание коменданта Союза вооруженной борьбы (СВБ), подпольной организации, действовавшей на территории Западной Украины и Белоруссии, полковника Ровецкого о том, что *«большевики не так склонны к расстрелам людей по любому поводу или без повода, как немцы»* (Мельтюхов. Советско-польские войны.

С. 613). Но в современной Польше об этом предпочитают не вспоминать, зато усиленно муштруется тема *«планового и буквального истребления польских офицеров, предпринятого по решению политбюро ЦК ВКП(б) в марте 1940 г.»*.

Внезапное решение Сталина расстрелять польских офицеров и полицейских пытаются объяснить его боязнью того, что военнопленные поляки могут принять участие в вооруженных акциях на западных территориях Белоруссии и Украины. В качестве обоснования ссылаются на роль пленных чехословаков в развязывании гражданской войны в 1918 г. При этом как-то забывают, что чехи были вооружены и находились не в лагерях, а на Транссибирской магистрали.

Для оценки обоснованности подобного утверждения обратимся к совместному польско-российскому сборнику «Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии 1939–1941 гг.», изданному в 2001 г.

Ситуация на территории Западной Украины и Белоруссии осенью 1939 г. и весной 1940 г. действительно была непростой. 13 ноября 1939 г. новый Верховный главнокомандующий, генерал Владислав Сикорский создал в Париже Союз вооруженной борьбы (ZWZ), который представлял собой тайную военную организацию, действовавшую на территории оккупированной Польши и ставившую перед собой задачу по объединению разрозненных конспиративных организаций в единую структуру. Помимо этого действовала еще одна подпольная военная организация «Служба за победу Польши» (SZP), созданная в конце сентября 1939 г. по приказу маршала Рыдз-Смиглы. Впоследствии эти две организации образовали Армию Краеву.

Согласно данным НКГБ СССР, с сентября 1939 г. по начало второго квартала 1941 г. на территориях западных областей Украины и Белоруссии, а также в Литве, были ликвидированы 568 конспиративных организаций и групп, арестовано 6758 членов польского под-

полья. Весной 1940 года в западных областях БССР и УССР польское подполье было практически разгромлено.

2 марта 1940 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение «Об охране госграницы в западных областях УССР и БССР», которым предусматривалось «к 15 апреля т. г. отселение жителей из 800-метровой пагранполосы и выселение в районы Казахской ССР сроком на 10 лет всех семей репрессированных и находящихся в лагерях для военнопленных бывших офицеров польской армии, полицейских, тюремщиков, жандармов, разведчиков, бывших помещиков, фабрикантов и крупных чиновников бывшего польского государственного аппарата, в количестве 22–25 тысяч семей (Катынь. Пленники. С. 375–378). Несомненно, что решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 2 марта о депортации польских семей и от 5 марта о расстреле польских военнопленных были взаимосвязаны.

И тем не менее создается впечатление, что решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта выпадает из контекста поведения советского руководства. Это подтверждает и тот факт, что с началом Великой Отечественной войны положение арестованных, пленных и интернированных поляков резко меняется. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1941 года были амнистированы и освобождены 389 041 человек граждан Польши, из них – 200 828 поляков. В начале августа 1941 г. был освобожден даже Леопольд Окулицкий, после Ровецкого возглавивший Союз вооруженной борьбы (СВБ) на советской территории.

Не вызывает сомнений то, что советское руководство как в 1939 г, так и в 1940 г. полностью контролировало ситуацию в западных областях Украины и Белоруссии. Считать эфемерную возможность пленных польских офицеров принять участие в вооруженном выступлении против советской власти реальным поводом для их тайного расстрела не серьезно. Если бы такая возможность была реальной, то о «внезапном» решении нельзя говорить. Такие вещи просчитываются заранее и, как правило, планируются. Тем не менее и в этом случае значительно проще было бы организовать переброску поляков в лагеря Сибири и Дальнего Востока.

Эти лагеря полностью исключали малейшую возможность участия польских военнопленных в каких-либо антигосударственных акциях. Они были достаточно вместительны и там постоянно требовалась рабочая сила. Известно, что лагеря, находящиеся на европейской части СССР, как правило, «разгружались» в лагеря Сибири и Дальнего Востока.

Документы, датируемые до известного мартовского решения Политбюро 1940 г., свидетельствуют о том, что советское руководство планировало распустить по домам значительное количество офицеров из Козельского и Старобельского лагерей. «Социально опасные» польские военнопленные по решению Особого совещания должны были быть осуждены и этапированы в исправительно-трудовые лагеря на Дальний Восток и Камчатку, что надолго исключило бы для них возможность участия в «контрреволюционной» деятельности на территории бывшей Польши.

Особый интерес в этом плане представляет записка начальника особого отделения Осташковского лагеря Г.В.Корытова. В этой записке Корытов информирует свое областное руководство о состоявшемся в Москве совещании по поводу «отправки военнопленных пост вынесения решений Особым совещанием» (Катынь. Пленники. С. 382).

Известно, что совещание с начальниками особых отделений лагерей в УПВ НКВД СССР проводилось 15 марта 1939 г. Об этом свидетельствует телеграмма, в которой начальнику Осташковского лагеря П.Ф.Борисовцу предлагается незамедлительно прибыть в Москву «...совместно (с) начальником особого отделения Корытовым пятнадцатого утром...» (Катынь. Расстрел. С. 52). В сборнике документов «Катынь. Расстрел...» утверждается, что на этом совещании обсуждались вопросы организации расстрела 14 тысяч поляков (Катынь. Расстрел. С 20).

Однако Кори́тов в своей записке пишет только о подготовке к отправке польского контингента после осуждения. Причем в записке названа мера наказания, которая ждет осужденных: *«Из представленных нами 6005 дел пока рассмотрено 600, сроки 3—5—8 лет (Камчатка), дальнейшее рассмотрение наркомом пока приостановлено»* (Катынь. Пленники. С. 383).

Об отправке поляков на Дальний Восток свидетельствует также замечание Кори́това о том, что *«...каждая партия осужденных должна находиться в пути следования не менее месяца, а всего таких партий будет четыре»*. Ничего о намечаемых расстрелах этот очень «инициативный» и, вероятно, «любопытный» сотрудник НКВД не пишет. Если вопрос расстрелов был засекречен, то Кори́тов не стал бы уточнять, сколько партий заключенных будет отправлено, и срок их пребывания в пути.

Как видим, ситуация с принятием решения Политбюро о расстреле польских военнопленных была не простой, и она практически не исследована. Чтобы снять вопиющие противоречия между официальной версией и содержанием «рапорта Кори́това а», принято считать, что якобы в марте 1940 г. в

Москве состоялись два принципиально разных совещания. На первом обсуждали вопросы этапирования военнопленных поляков в лагеря на Дальний Восток, на втором – вопросы организации их расстрела. Не будем спорить, на каком из этих совещаний присутствовал Кори́тов и состоялось ли второе совещание на самом деле. Ясно одно – решение расстрелять поляков, если оно вообще было принято в марте 1940 г., было принято внезапно.

Однако домыслы, что Кори́тов якобы дважды вызывался на совещания в Москву и его рапорт касался совещания, проведенного накануне принятия решения Политбюро, несерьезны. Подобные рассуждения может себе позволить лишь человек, абсолютно не знакомый с системой работы партийных и советских органов в СССР. Ни один советский руководитель не посмел бы собрать совещание представителей из подведомственных организаций по вопросу, решение по которому вышестоящим органом еще не принято. Такая инициатива была наказуемой.

Одним из сотрудников НКВД, готовившим материалы к известному письму Берии Сталину, был начальник управления НКВД СССР по делам военнопленных П. Сопруненко. В силу этого он должен был быть в курсе того, что предложение о расстреле поляков вносится на Политбюро. Полагать, что накануне заседания Политбюро Сопруненко решил пообщаться с сотрудниками лагерей и обсудить с ними детали отправки польских военнопленных в исправительно-трудовые лагеря, зная, что через пару дней Политбюро примет решение об их расстреле, просто несерьезно.

Следует иметь в виду, что существуют косвенные доказательства того, что часть «катынских» поляков все же была осуждена к заключению в лагеря на Дальнем Востоке. В книге воспоминаний «Без последней главы» генерал В. Андерс утверждает, что *«поляки прибыли на Колыму еще в 1940 г. двумя этапами по несколько тысяч человек»* (Андерс. Глава «Колыма»).

Андерс в своих воспоминаниях также ссылается на поляка, прибывшего с Колымы (пан П., семья которого проживала в народной Польше, поэтому Андерс сохранил его инкогнито) рассказал следующее. Осенью 1940 г. тот работал на строительстве дороги, на 64 километре от Якутско-Колымской трассы. Там он встретился с научно-исследовательской экспедицией, от которой узнал, что на строительстве линии Якутск – Колыма работает много польских офицеров и генералов, режим там строгий и приближаться к работающим практически невозможно (Андерс. Без последней главы. Глава «Колыма»).

Следует иметь в виду, что В. Андерс был осторожным человеком и скрупулезно относился к любым свидетельствам относительно судьбы польских военнопленных в СССР, которые стремился получать в письменном виде. В вопросах сбора свидетельств ему

можно верить. Остается только выяснить, что это были за офицеры на строительстве Якутско-Колымской трассы и в каких лагерях в 1940 г. они были?

Януш Бардах в книге «Человек человеку волк», повествующей о его злоключениях в лагерях НКВД, рассказывает, что в марте 1942 г. он по этапу попал в бухту Находки, где два месяца ожидал пароход на Север. Его определили в барак с польскими офицерами и интеллигентами. Я. Бардах называет польские фамилии, звучавшие в разговоре: капитан Выгодзки, губернатор Степневски, пан Ясиньски, депутат польского парламента Богуцки, профессор Яворски и офицер польских ВВС без фамилии (*Бардах. Человек человеку волк. С. 126–127*).

Однако расследования этих фактов не проводилось, вероятно, потому, что судьба многих польских пленных офицеров стала разменной монетой при отстаивании удобной для всех официальной версии. Проще считать, что они расстреляны и захоронены в Катыни, Медном и Пятихатках.

Но вернемся к Сталину. Он был крайне последовательный и жесткий в своих действиях государственный-прагматик. Но он всегда просчитывал свои политические решения и оценивал их с точки зрения пользы для социалистического государства. Поведение Сталина в ситуации с расстрелом польских военнопленных не поддается разумному объяснению и кардинально отличается от его поведения в других аналогичных ситуациях. Трудно поверить, что И. Сталин вдруг решил расстрелять 25 тысяч пленных и арестованных поляков без всякого суда только за их антисоветские настроения.

Напротив, можно предполагать, что весной 1940 г. к расстрелу были осуждены лишь те польские военнопленные, на которых был компромат. Об этом косвенно свидетельствует распоряжение начальника ГУГБ В. Н. Меркулов а № 641/6 от 22 февраля 1940 г., подготовленное на основании не опубликованной до сих пор директивы наркома Л.П. Берия о переводе в тюрьмы тех польских военнопленных, на которых имелся компромат, без уточнения, что под этим понимается (Катынь. Пленники. 343, 350).

В 1930-е годы общие формулировки в обвинениях использовались достаточно широко. Так, общая формулировка «враги советской власти», «враги народа» в СССР подразумевала широкий спектр конкретных обвинений (шпионаж, вредительство, антисоветская агитация, совершение особо тяжких общеуголовных преступлений и т. д.). Какие обвинения были сформулированы следователями НКВД, работавшими с польскими военнопленными в лагерях, неизвестно, так как учетные и следственные дела польских офицеров и полицейских не сохранились.

В отношении пленных и арестованных поляков была также применена общая формулировка. Они были обвинены в том, что *«являются закоренелыми, неисправимыми врагами советской власти, ... преисполненными ненависти к советскому строю»*. Это, якобы, и явилось основанием для расстрела! (Катынский синдром, с. 464).

Если согласиться с тем, что поляки расстреливались только за «антисоветчину», то каким образом «ярые антисоветчики» из армии вышеупомянутого генерала Андерса остались в живых? Начальник Грязовецкого лагеря Эйльман писал в августе 1940 г. по поводу известного ротмистра графа Ю. Чапского, будущего ближайшего соратника генерала Андерса следующее: *«В лагере Чапский проявляет себя ярым польским националистом и сторонником восстановления Польши. По отношению к Советскому Союзу настроен враждебно»*. Утверждают, что за Чапского просили граф де Кастель и графиня Палецкая (Пленники. С. 229–230). Возможно. А за остальных?

Майор Гудановский из армии Андерса заявлял: *«Мы, поляки, направим оружие на Советы... Если только нас возьмут на фронт, свое оружие мы направим против Красной Армии»*. Капитан Рудковский высказывался не менее жестко: *«Большевики на краю гибели, мы, поляки, используем слабость Красной Армии, когда нам дадут оружие, тогда мы их прикончим»*. Таких высказываний в сборнике «Катынь. Пленники необъявленной войны»

приведено более чем достаточно. Этому была посвящена специальная записка Берии Сталину № 2939/6 от 30 ноября 1941 г. (Катынь. Пленники. С. 118, 306, 368–371, 379–382).

Своих настроений офицеры армии Андерса не скрывали, что по законам того времени являлось «антисоветской агитацией». Так, Берия в своей записке Сталину от 30 ноября 1941 г. информирует, что *«отмечены случаи, когда в столовой офицерского состава открыто бросались реплики антисоветского содержания»* (Катынь. Пленники. С. 382). Почему же эту армию «антисоветски настроенных» поляков выпустили, а других расстреляли?

В августе 1942 г., когда немцы подошли к Сталинграду и каждая винтовка была на счету, армия Андерса, обмундированная и вооруженная на средства советского правительства, в количестве 76110 военнослужащих и 43 755 членов семей, была эвакуирована из СССР в Иран (Катынь. Расстрел. С. 547).

Что же касается «разгрузки» лагерей как причины расстрела, то она всегда решалась НКВД, как свидетельствует практика, переброской заключенных в другие лагеря, как правило, сибирские.

О том, как в 1940–1941 гг. советская власть на самом деле поступала со своими реальными врагами, свидетельствует судьба не только уже упомянутого руководителя Союза вооруженной борьбы на польских восточных землях Леопольда Окулицкого, но и бывшего прокурора Верховного суда Польши полковника Станислава Любодзецкого (Stanislaw Lubodziecki).

Примечание. В августе 1941 г. Л.Окулицкий был освобожден из заключения. Он вступил в армию Андерса и в 1942 г. вместе с ней покинул СССР. После Варшавского восстания осенью 1944 г. возглавил Армию Крайову, которая под его руководством проводила вооруженные террористические акции против Красной Армии, добивавшей вермахт на территории Германии. В 1945 г. был арестован НКВД, приговорен к 10 годам лишения свободы (!) и в декабре 1946 г. умер в Бутырской тюрьме.

Полковнику Любодзецкому принадлежит часто цитируемая фраза о том, что *«ненависть к Советам, к большевикам, ненависть – признаемся честно – к москалям в целом, была столь велика, что породила чисто эмоциональное желание отправиться куда угодно, хоть из огня в полымя – на захваченные немцами земли»* (Любодзецкий. В Козельске. Сборник «Катынь. Свидетельства, воспоминания, публицистика»).

Правда, С.Любодзецкий написал эту фразу в 1948 г. в своих воспоминаниях о Козельском лагере, уже будучи за границей. Но его отношение к большевистской России и «москалям» никогда не менялось.

В следственном деле, заведенном в марте 1940 г., Любодзецкий проходит как Либкинд-Любодзецкий. Его судьба была тесно связана с Россией. Любодзецкий с 1906 по 1917 г. работал в судебных органах и прокуратуре царской России. Был награжден 4 орденами. В 1920 г. вернулся в Польшу, где до момента попадания в плен занимал ответственные должности в системе судебных органах и прокуратуры. Был награжден 3 польскими орденами.

В соответствии с директивой наркома внутренних дел Берии о переводе судебных работников в тюрьмы Любодзецкий в марте 1940 г. был направлен в Киевскую тюрьму НКВД УССР, где ему было предъявлено обвинение в том, что он, работая на ответственных руководящих должностях в царской России и Польше, *«проводил работу, направленную против революционного движения рабочих и крестьян»*. Дело Любодзецкого было передано на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР, которое признало Любодзецкого *«социально-опасным элементом»* и приговорило его к *«заключению в исправительно-трудовой лагерь сроком на 8 лет»* (ЦДАГО Украины. Ф. 263. Оп. 1. Спр. 62113-ФП.-Арк. 2-91).

Наказание Любодзецкий отбывал в ИТЛ г. Соликамска. В январе 1942 г. попал под амнистию и был освобожден. После войны он объявился за границей. Учитывая, что Любод-

зецкий был крупным представителем польской правящей элиты, которую по утверждению польской стороны советское руководство решило уничтожить, он «заслуживал» расстрела более обоснованно, нежели мобилизованные в польскую армию врачи, ученые, журналисты и т. д. Однако последних расстреляли, а Любодзецкого – «ярого врага советской власти» оставили. Где логика?

Разговоры о том, что Любодзецкий был агентом НКВД и поэтому ему сохранили жизнь, не серьезны. В таком случае агентами следует признать ротмистра Чапского, ксендза Пешковского, проф. Свяневича и всех польских офицеров, оставшихся в живых. Соответственно, возникает правомерный вопрос: почему же эти так называемые агенты НКВД впоследствии сделали все, чтобы обвинить СССР в гибели пленных поляков?

При анализе ситуации с пленными поляками, необходимо иметь в виду, что Сталин ничего не забывал и не прощал. По его указанию в Москву в 20-х и 30-х годах из европейских столиц доставляли активных деятелей Белого движения. Особенно активизировался процесс доставки в СССР «врагов советской власти» и, прежде всего бывших белоэмигрантов, после войны в 1945–1946 гг. НКВД успешно обменивал с союзниками нацистских преступников на бывших лидеров «белого движения», сотрудничавших с гитлеровцами.

С Польшей у Сталина были связаны достаточно неприятные воспоминания. Сталин был членом Реввоенсовета Юго-Западного фронта при наступлении на Варшаву летом 1920 г. В августе 1920 г. командование Западным фронтом (М.Тухачевский) при поддержке наркома по военным делам и председателя Реввоенсовета Л.Троцкого приняло решение наступать на Варшаву, закончившееся поражением Красной Армии. В военных кругах РККА ходили слухи, что польское «чудо на Висле», так поляки называли разгром советских войск под Варшавой, во многом было обусловлено позицией и действиями Сталина, проигнорировавшего приказ главкома Каменева передать Тухачевскому 1-ю Конную армию.

Нет сомнений, что ситуацию, касающуюся Польши, Сталин всегда внимательно отслеживал. Наивно полагать, что Сталину было неизвестно о бедственном положении советских военнопленных в польских лагерях в 1919–1921 гг. Позиция советского правительства по данному вопросу была изложена в ноте наркома иностранных дел Г. Чичерина полномочному представителю Польши Т. Филиповичу от 9 сентября 1921 г.

В ноте было сказано: *«Нет никакого сравнения между содержанием тех мелких обвинений, которые Польское Правительство предъявляет России в этом вопросе, с той страшной и громадной виной, которая лежит на польских властях в связи с ужасающим обращением в пределах Польши. На ответственности Польского Правительства всецело остаются неопишуемые ужасы, которые до сих пор безнаказанно творятся в таких местах, как лагерь Стржалково. Достаточно указать на то, что в течение двух лет из 130 000 русских пленных в Польше умерло 60 000...»* (Красноармейцы в польском плену... С. 660).

Несомненно, что расстрел части польских офицеров и полицейских был обусловлен не столько их антисоветскими настроениями (за антисоветчину, как правило, полагались лагеря), сколько причастностью к конкретным преступлениям против Советской России. Это могли быть военные преступления польских военнослужащих в польско-советской войне 1919–1920 гг. Например, получившие широкое распространение в польской армии бессудные расстрелы красноармейцев при взятии их в плен, репрессии против красноармейцев в польских лагерях для военнопленных в 1919–1922 гг. или антисоветские акции с польской территории в 20-х годах. Свидетельств этого с указанием фамилий польских офицеров и полицейских в советских архивах хранилось немало.

Ведь не случайно в одном из центральных советских журналов «Новый мир» в мае 1931 г. появились воспоминания бывшего узника польских лагерей культработника РККА

Я.Подольского под псевдонимом Н.Вальден с описанием зверств происходивших в польских лагерях.

В последнее время в научный оборот введена масса документов, касающихся катынской проблемы и гибели плененных красноармейцев. Нет сомнений, что в архивах ЦК ВКП(б) и НКВД в 1940 г. существовало немало свидетельств, неопровержимо доказывающие вину многих польских офицеров и полицейских в гибели плененных красноармейцев и антисоветских акциях. Однако почему-то никому не кажется странным, что в опубликованных документах НКВД и ЦК ВКП(б), имеющих отношение к Катынскому делу, практически нет упоминаний о привлечении к ответственности в начале 1940 г. тех польских военнослужащих и чиновников, которые были виновны в гибели плененных красноармейцев. Возможно, эти документы до сих пор ждут своего часа в архивах?

В то же время известны факты, когда польские военнослужащие, полицейские и представители суда и прокуратуры, интернированные в Прибалтике летом 1940 г., *«привлекались к уголовной ответственности за деятельность в период Гражданской войны и в предвоенные годы в Польше»* (Катынь. Расстрел. С. 198). Почему поляков стали привлекать к уголовной ответственности за преступления, совершенные в предвоенные годы только летом 1940 г.? Ответа на этот вопрос пока нет.

Из истории сентябрьской 1939 г. кампании Красной Армии на западных территориях Украины и Белоруссии известны факты, когда некоторые советские офицеры проводили среди плененных поляков дознание, кто из них был причастен к убийствам большевиков в 1919–1921 гг. и устраивали самосуды (*Мельтюхов. Советско-польские войны. С. 557*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Стоимость полной версии книги 89,90р. (на 08.04.2014).

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.